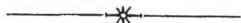

А. С. ИЗГОВЪ.

ОБЩИННОЕ ПРАВО.

(Опытъ соціально-юридическаго анализа общиннаго землевладѣнія, какъ института гражданскаго права).

С.-Петербургъ.
Типо-Литографія «Надежда». Спб. Морская, 65.
1906.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Немного найдется вопросовъ, которые бы подвергались столь пытливому и разностороннему изслѣдованію, какъ вопросъ о нашей сельской общинѣ вообще и объ общинномъ землевладѣніи въ особенности. Онъ разсматривался съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ: исторической, экономической, соціальной, финансовой и т. д. Одна только его сторона — юридическая — оставалась постоянно на заднемъ планѣ, такъ что мы не имѣемъ ни одного изслѣдованія, въ которомъ своеобразная форма общиннаго владѣнія выяснена была бы съ точки зрѣнія юридической. Между тѣмъ ясное представленіе объ юридическомъ строѣ этой хозяйственной формы необходимо, кажется намъ, не только для науки права, но и для иныхъ изслѣдованій всякаго рода, такъ какъ отъ путаницы юридическихъ понятій и происходятъ, большею частью, недоразумѣнія не только въ разрѣшеніи, но и въ постановкѣ вопросовъ о значеніи сельской общины, устойчивости ея и т. п.“

Эти слова, сказанныя г. Пахманомъ въ 1877 году¹⁾,

¹⁾ С. В. Пахманъ. Обычное гражданское право въ Россіи, т. I, стр. 9—10.

не утратили своей справедливости и нынѣ, двадцать восемь лѣтъ спустя. Кругъ изслѣдованій, касающійся общины съ „исторической, экономической, социальной, финансовой стороны“, неимоვნно разросся съ конца семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Появились классическія работы Б. Н. Чичерина, глубокаго историка и неудачнаго полемиста, сводные труды г.г. В. В. и Качоровскаго. Практика даже породила новый типъ работъ, направленныхъ на систематизацію и растолкованіе сенатскихъ рѣшеній по различнымъ частнымъ вопросамъ общиннаго землевладѣнія. Эти сочиненія, предназначенныя для руководства крестьянскимъ административно-суднымъ учрежденіямъ, совершенно сбитымъ съ толку послѣ того, какъ законъ 12 іюля 1899 г. создалъ для разъясненія крестьянскихъ законовъ вмѣсто одного „Правительствующаго“ тридцать четыре губернскихъ сената, хотя и имѣютъ юридическую форму, но къ вопросу о юридическомъ анализѣ института общиннаго владѣнія даже не подходятъ. Послѣ семидесятыхъ годовъ разгорѣлась, какъ извѣстно, огромная полемика между народническимъ и марксистскимъ теченіемъ нашей общественной мысли по вопросу о будущности общины и ея значенія для развитія производительныхъ силъ въ Россіи. Но и эта полемика не заинтересовала нашихъ патентованныхъ и непатентованныхъ юристовъ—цивилистовъ и до сихъ поръ нельзя указать ни одной спеціальной работы, вышедшей изъ подъ пера цивилиста и посвященной юридическому анализу цѣльнаго института, извѣстнаго подъ именемъ „общиннаго землевладѣнія“.

Между тѣмъ такое изслѣдованіе имѣетъ огромное значеніе не только для непосредственнаго пониманія, что это за институтъ, но и для выясненія тенденцій его развитія, иначе, для опредѣленія судьбы земли, и понынѣ главнѣйшаго имущества русскаго народа, а судьба земли—это судьба всей нашей родины.

„Имущественныя отношенія — говоритъ Карль Марксъ въ своемъ предисловіи къ „Zur Kritik der politischen Oekonomie“—есть юридическое выраженіе производственныхъ отношеній.“ Производственныя отношенія соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ, которыя на извѣстной точкѣ развитія вступаютъ въ конфликтъ съ существующими производственными, *alias* имущественными, отношеніями, и этотъ конфликтъ приводитъ къ общественному перевороту.

Юридическія имущественныя отношенія являются, такимъ образомъ, явленіями второго порядка. Измѣненія, замѣчаемая въ нихъ, вызваны не „самопроизвольной логикой развивающихся юридическихъ понятій“, а ростомъ и измѣненіемъ производительныхъ силъ. Несомнѣнно, что совершающіяся въ нашемъ крестьянскомъ быту перемѣны въ имущественныхъ отношеніяхъ имѣютъ своей основной причиной ростъ производительныхъ силъ страны, сдерживаемый уплотненной социальнo-юридической оболочкой. Но производительныя силы дѣйствуютъ внутри, глубоко; ихъ передвиженія не всегда трудно поддаются наблюденію. Гораздо замѣтнѣе отношенія производственныя, особенно въ ихъ юридической формѣ, въ формѣ имуществен-

ныхъ отношеній. Поэтому то изученіе этихъ послѣднихъ и можетъ дать цѣнныя указанія для пониманія измѣненій происходящихъ въ производственныхъ отношеніяхъ, въ состояніи производительныхъ силъ, а слѣдовательно и во всей соціально-экономической структурѣ общества.

Какъ увидить читатель, чисто юридическій анализъ общиннаго права привелъ автора къ выводу, что развитіе этого права обнаруживаетъ тенденцію направиться по двумъ расходящимся путямъ. Первый путь ведетъ, иногда черезъ подворное владѣніе, къ извѣстному римскому институту частной собственности на землю съ большими или меньшими, но случайными ограниченіями. Второй путь ведетъ къ разрушенію узкихъ границъ общины, какъ тѣснаго, исторически образовавшагося и исторически замкнувшагося союза и къ распространенію основъ общиннаго права на всю землю въ примѣненіи ко всему, объемлющему землю, государству.

Несомнѣнно, что въ эти двѣ стороны устремляется нынѣ крестьянская мысль, по этимъ двумъ колеямъ направится и соціальная борьба въ средѣ земледѣльческой Руси, которая въ непродолжительномъ времени станетъ главнымъ факторомъ нашей жизни, по своему значенію и драматизму превосходящимъ все, что творилось у насъ до сихъ поръ. Съ одной стороны—стремленіе къ личной, частной собственности, стремленіе безспорно просыпающееся съ особенной силой у крестьянъ и все усиливающееся по мѣрѣ того, какъ увеличивается благосостояніе крестьянина и подымается

цѣнность земли, для крестьянъ еще пока въ значительной мѣрѣ воображаемая, не поддающаяся реализаціи на рынкѣ. Съ другой стороны—стремленіе всю землю всего государства превратить въ одну великую общину, на которой и осуществлять начала общиннаго права на условіяхъ наиболѣе пригодныхъ для развитія производительныхъ силъ, стремленіе снять землю съ рынка и передать ее въ прямое пользованіе только тѣхъ, которые ее обрабатываютъ.

Борьба этихъ двухъ теченій и будетъ основнымъ фактомъ русской исторіи XX вѣка. Только необыкновенной чуткостью нашей передовой интеллигенціи объясняется, что уже сорокъ, тридцать лѣтъ тому назадъ, когда самъ крестьянинъ еще совершенно не задумывался надъ сущностью общиннаго землевладѣнія, и практическая жизнь не выдвигала его на очередь, что доказывается младенческимъ состояніемъ соотвѣтствующаго законодательства, передовая интеллигенція уже вела ожесточенные споры объ общинѣ, ея будущности и ея значеніи и волновалась, точно рѣчь шла о самомъ близкомъ для нея предметѣ... И только теперь, спустя тридцать—сорокъ лѣтъ, мы понимаемъ, что такъ оно и было на самомъ дѣлѣ и что, давая утопическое рѣшеніе поднятому вопросу, наша интеллигенція подняла кардинальный вопросъ русской жизни. Въ этомъ безсмертная заслуга нашей радикальной интеллигенціи передъ народомъ, и народъ когда-нибудь (этотъ часъ уже не за горами) оцѣнитъ ее.

Всѣ мои симпатіи и сочувствія, какъ человѣка,

какъ политическаго дѣятеля, склоняются безспорно на сторону второго теченія, стремящагося расширить общинное право до предѣловъ всего государства. Своихъ симпатій я и не думаю скрывать. Но въ настоящее время научная добросовѣстность не дозволяетъ мнѣ утверждать, что это второе теченіе одолѣетъ, что на его сторонѣ окажется побѣда. Желаю этого, но не знаю, такъ ли оно будетъ. Считаю такую побѣду возможной только въ связи съ побѣдой въ городахъ, или шире, во всей области обрабатывающей промышленности, пролетарскихъ идеаловъ и организаціи труда, построенной на этихъ идеалахъ. Уже изъ этихъ краткихъ указаній читатель можетъ видѣть всю грандіозность лежащихъ передъ нашей родиной задачъ и широту открывающихся перспективъ.

Первыя двѣ главы утомительны и скучны. Я просилъ бы читателя не смущаться этимъ и продолжать чтеніе... Эти главы заполнены обломками изъ законовъ и сенатскихъ рѣшеній. Многіе изъ этихъ законовъ при „кодификаціи“ крестьянскихъ законовъ въ 1902 году выброшены прочь, какъ ненужная рухлядь, другіе оставлены, хотя лишены и значенія и силы. Изъ подъ сенатскихъ рѣшеній отмѣной круговой поруки выдернуть фундаментъ, и они висятъ въ воздухѣ. Взятое вмѣстѣ все образуетъ груды старыхъ развалинъ. Но подъ этими развалинами тлѣетъ огонь, грозящій разгорѣться въ грозное пламя. Освободивъ землю отъ этихъ развалинъ, мы можемъ усмотрѣть зачатки новой жизни.

І. Терминологія. Община и сельское общество.

Правительствующій Сенатъ въ одномъ изъ своихъ рѣшеній заявилъ, что положенія 19 февраля 1861 года смѣшиваютъ термины: общинное пользование и владѣніе ¹⁾, Неточность терминологіи дѣйствительно — слабая сторона положеній, но данный упрекъ какъ разъ несправедливъ, и съ

¹⁾ Рѣш. П. С. 29 сентября 1887 г. № 3690. Гор. 1. стр. 847. Рѣшенія общаго собранія 1, 2 и кассационныхъ департаментовъ цитируются по официальнымъ сборникамъ „Рѣшеній Общаго Собранія перваго и Касс. Деп. и Кассационныхъ Департаментовъ“ за соотвѣтствующіе годы. Рѣшенія же Прав. Сената по 2-му деп., а также перваго общаго собранія, равно какъ и мнѣнія Государственнаго Совѣта по капитальному изданію И. Л. Горемыкина: „Сводъ узаконеній и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго состоянія“. СПб. 1898 г., изд. 3-е (неоффиц.), т. I и II.

Статьи законовъ обыкновенно цитируются по „Особому Приложенію“ къ IX т. изд. 1876 года, въ которое вошли почти въ неизмѣненномъ видѣ всѣ положенія 19 февраля 1861 года. Въ 1902 году крестьянскіе законы были „кодифицированы“ и выпущены въ передѣланномъ видѣ въ томъ же „Особомъ Прибавленіи“ къ IX т. изд. 1902 г. Въ этомъ изданіи кое-какой ненужный балластъ выброшенъ и сдѣланы поправки и измѣненія для согласованія съ жизнью и позднѣйшими законами. Старанія „кодификаторовъ“ остались безрезультатными.

большимъ основаніемъ можетъ быть сдѣланъ самому Сенату, чѣмъ закону. Сенатъ за все время своей дѣятельности не могъ установить ясной и точной терминологіи въ вопросахъ, касающихся „общиннаго землевладѣнія“, и безразлично употреблялъ термины: *общинное* владѣніе, *общинное* пользованіе, *общинное* надѣленіе, *общественное* владѣніе и пользованіе, *общее* владѣніе и пользованіе, *общая* собственность, *общественная* собственность и т. д. Государственный Совѣтъ въ мотивахъ къ закону 14 декабря 1893 года ввелъ впервые въ оффиціальное употребленіе терминъ „общинная собственность“ (Гор., т. I, стр. 573). Въ сравненіи съ такой неопредѣленностью терминовъ, терминологія Положеній 19 фѣвраля должна считаться почти образцовой по своей ясности и опредѣленности. Положенія нигдѣ не допускаютъ безразличнаго употребленія словъ: *общественный*, *общій* и *общинный*. Въ положеніяхъ 19 фѣвраля почти нигдѣ не встрѣчается выраженіе „общинное владѣніе“, вездѣ рѣчь идетъ только объ „общинномъ пользованіи“; одинъ только разъ (п. 6, ст. 51 I Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Особое приложеніе къ т. IX (Законы о состояніяхъ, изд. 1876 г.) употреблено слово: „общинныя земли“, но изъ текста фразы ясно, что авторы хотѣли сказать: „земли, находящіяся въ общинномъ пользованіи“ и прибѣгли къ сокращенному выраженію только потому, что двумя строками выше въ той же статьѣ раньше воспользовались полнымъ. Законы, изданные послѣ 19 фѣвраля для дополненія По-

ложеній, уже не придерживались столь строгой терминологіи. Во всякомъ случаѣ сбивчивости терминологіи въ этомъ вопросѣ положено начало не творцами крестьянской реформы, а Сенатомъ и нашими учеными. Неопредѣленность терминовъ, вызванная неясностью мысли, въ свою очередь усилила путанницу понятій.

Для того, чтобы разрѣшить юридическіе вопросы, связанные съ общиннымъ землевладѣніемъ ¹⁾, необходимо выяснитъ слѣдующее: 1) *кто является субъектомъ даннаго права* и 2) *каковъ объемъ и характеръ права*. Отвѣтивъ на эти вопросы, мы можемъ построить и соответствующую конструкцію разсматриваемаго института. Посмотримъ, какъ рѣшаютъ ихъ Положенія 19 февраля съ позднѣйшими законоположеніями, толкованія Сената и Государственнаго Совѣта и теоріи нашихъ ученыхъ.

Положенія 19 февраля не знаютъ, какъ было указано выше, общиннаго владѣнія, а говорятъ объ одномъ только общинномъ пользованіи, или, точнѣе, о земляхъ, находящихся въ общинномъ пользованіи. Прилагательное „общинный“ не обозначаетъ въ данномъ случаѣ субъекта пользованія, а *только способъ пользованія*, причемъ субъектомъ пользованія можетъ быть простое единичное физическое лицо. Всѣ статьи, регулирующія въ той или другой мѣрѣ отношенія, вытекающія изъ общиннаго пользованія землей, были помѣщены

¹⁾ До главы V мы пользуемся словами: „общинное землевладѣніе“, какъ общеупотребительнымъ, хотя и неопредѣленнымъ терминомъ съ невыясненнымъ содержаніемъ.

творцами реформы 19 февраля не въ общемъ положеніи, а главнымъ образомъ въ Положеніяхъ мѣстныхъ и Положеніи о выкупѣ. И это—не случайность. Срокъ дѣйствій упомянутыхъ Положеній кончался либо съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ (ст. 1 IV Мѣстн. Велик. Пол.), либо съ завершеніемъ выкупной операціи, а затѣмъ крестьяне подпадали подъ дѣйствіе общихъ законовъ и общаго положенія (см. ст. 159 пол. о вык.). По статьѣ же 36 Общаго Положенія *каждый крестьянинъ* имѣетъ право требовать выдѣленія ему въ частную собственность части земли, выкупленной всѣмъ обществомъ. Ст. 37 Общаго Положенія не дозволяетъ сомнѣваться, что предыдущая статья относится и къ надѣльнымъ землямъ послѣ ихъ выкупа. Такимъ образомъ, надѣльныя земли послѣ выкупа могутъ быть раздѣлены по требованію участниковъ въ выкупѣ на отдѣльные участки, отводимые крестьянамъ въ „частную собственность“. Поэтому законъ не совершаетъ никакой ошибки, говоря въ Общемъ Положеніи объ „*общемъ* владѣніи“ и „*общей* собственности“. Онъ разумѣетъ именно общую собственность въ смыслѣ гражданскихъ законовъ (т. X, ч. 1-ая, ст. 543—556), а общинное владѣніе или пользованіе, *существованіе котораго по завершеніи выкупной операціи въ силу ст. 36 Общаго Положенія прекращается*. Крестьяне, получившіе свои надѣлы безвозмездно, такъ называемые крестьяне-дарственники, земли которыхъ не обременены выкупными платежами, могутъ уже въ настоящее время, по разъясненію Сената, „требовать себѣ

выдѣла причитающейся по разверсткѣ части общественной собственности. (П. С. 1886/№ 1491; 1892/№ 3167, Гор. I, 54).

Статья 113 (прим.) IV Мѣстн. Велик. Пол. даетъ слѣдующее опредѣленіе общиннаго пользованія: „Общиннымъ называется то *обычное* пользованіе, при которомъ земли, по приговору міра, передѣляются или распредѣляются между крестьянами по душамъ, тягламъ или инымъ способомъ, а повинности, *положенныя на землю*, отбываются круговою порукою¹⁾. Возможно сомнѣніе, точно ли въ дѣйствительности существуетъ устанавливаемая этимъ опредѣленіемъ внутренняя связь между общиннымъ землевладѣніемъ и круговой порукой. Во-первыхъ, круговая порука въ отбываніи казенныхъ, земскихъ и мірскихъ податей присуща и сельскимъ обществамъ крестьянъ съ подворнымъ землепользованіемъ (ст. 187 Общ. Пол.); во вторыхъ, селенія, „имѣющія отдѣльное владѣніе земель и на семъ основаніи получающія особый окладной листъ“, если въ нихъ числится менѣе сорока ревизскихъ душъ, состоящихъ на окладѣ, освобождаются отъ круговой поруки (п. 4, прим. 2 къ ст. 187 Общ. Пол.). Но разница въ томъ, что при

¹⁾ Въ 1902 году въ это примѣчаніе (ст. 18, книга IV) были вставлены слова: „въ подлежащихъ случаяхъ“. Въ настоящее время послѣ отмѣны круговой поруки всякое упоминаніе о ней слѣдуетъ выкинуть. На пространствѣ 40 лѣтъ институтъ общиннаго землевладѣнія не претерпѣлъ никакого измѣненія, но законное опредѣленіе его измѣнилось кореннымъ образомъ. Вотъ что значитъ характеризовать правовые институты исходя не изъ ихъ сущности, а изъ фискальныхъ соображеній!!

подворномъ владѣніи земель круговая порука является внѣшнимъ, искусственно навязаннымъ институтомъ, тогда какъ съ общиннымъ она связана тѣсными внутренними узами, противъ которыхъ законъ почти безсиленъ. При подворномъ наследственномъ пользованіи отдѣльному домохозяйину отводится участокъ разъ навсегда опредѣленной величины, облагаемый извѣстнымъ количествомъ податей и повинностей. При взысканіи повинностей участокъ земли и личность, взысканію подлежащіе, неизмѣнны, тогда какъ при общинномъ пользованіи взысканіе падаетъ на всю общинную землю, независимо отъ личностей крестьянъ, владѣющихъ ею. Если какой-либо крестьянинъ не уплачиваетъ причитающагося на его долю взноса, то совокупность платежей какъ была, такъ и остается лежащей *на всей землѣ*, а личность отдѣльныхъ владѣльцевъ мѣняется. Поэтому для установленія круговой отвѣтственности на земляхъ, подлежащихъ подворному наследственному пользованію, необходимо положительное указаніе закона, а установленіе ея на земляхъ общиннаго пользованія является естественнымъ послѣдствіемъ этого института, если подати падаютъ на землю, а не на лицо, и закономъ отмѣнено быть не можетъ, если не уничтожены періодическіе передѣлы земель, скидки и накладки тяголь и т. д., иначе въ строѣ земельныхъ отношеній крестьянъ воцарится полный хаосъ, исключаяющій всякую мысль о правѣ и справедливости¹⁾. Не безынте-

¹⁾ 23 іюня 1899 года данъ именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, повелѣвающій министру фи-

ресно отмѣтить, что законодатель желалъ оправдать примѣненіе круговой поруки къ крестьянамъ-подворникамъ тоже общностью какихъ-либо хозяйственныхъ угодій, а въ примѣчаніи къ ст. 187 Общаго Положенія, пунктѣ 3-мъ, избавилъ отъ круговой отвѣтственности крестьянъ „владѣющихъ отдѣльно *вспми* своими угодьями“. Такимъ образомъ, отрицать тѣсную связь между круговой порукой и общиннымъ пользованіемъ едва ли возможно, но отсюда еще далеко до того, чтобы, какъ дѣлаетъ законъ, опредѣлять общинное пользованіе круговой порукой. Послѣдняя, какъ и всѣ подати и повинности, есть для сущности гражданско-правовыхъ крестьянскихъ отношеній нѣчто побочное, стороннее.

Положенія 19 фѣвраля, вообще говоря, тщательно избѣгаютъ всякаго регламентирования обыч-

нансовъ черезъ годъ внести на законодательное разсмотрѣніе свои соображенія „о возможности отмѣны круговой поруки крестьянъ по уплатѣ окладныхъ сборовъ“. Слѣдствія этой отмѣны провозглашенной закономъ въ 1903 году, для крестьянской жизни будутъ очень значительны. Послѣ окончательной фактической отмѣны круговой поруки для всѣхъ общинниковъ, индивидуалистическія фискальныя требованія вступятъ въ борьбу съ земельными порядками и, если къ тому времени не послѣдуетъ перехода къ наследственному подворному пользованію, то хаосъ въ крестьянской жизни усилится, такъ какъ взиманіе выкупныхъ платежей за землю подчинено общимъ со взиманіемъ остальныхъ податей условіямъ и они внесены въ общую массу окладныхъ сборовъ.

Въ настоящее время въ податныхъ счетахъ отдѣльныхъ крестьянъ нѣтъ возможности разобраться. Безспорно, что крестьяне, выкупая лично свои участки, очень часто платятъ и еще долгое время будутъ платить за другихъ.

наго права освобождаемыхъ крестьянъ. Однако въ отношеніи къ общинному пользованію землей, хотя и признанному институтомъ обычнаго права, пришлось отступить отъ этого начала. Обязательныя отношенія къ помѣщикамъ, уничтоженныя окончательно къ 1 янв. 1887 г., равно какъ выкупная операція, противопоставляли общину, какъ цѣлое, помѣщикамъ и правительству. Поэтому послѣднее считало необходимымъ опредѣлить условія законности общинныхъ рѣшеній. Въ виду этого статьями 160 и 163 II Пол. о вык. и 114 и 115 IV М. Вел. Пол. было опредѣлено, что передѣлы и всѣ вообще распоряженія въ пользованіи надѣльной землей производятся не иначе, какъ по рѣшенію двухъ третей „имѣющихъ право голоса на сходкѣ“ (Пол. о вык.) или „домохозяевъ селенія“ (М. Вел. Пол.). Принципъ для русскаго крестьянства совершенно новый, на что всегда указывали славянофилы. Но недостаточно установить, что для законности передѣла нужно $\frac{2}{3}$ голосовъ; естественно возникла потребность въ органѣ, регламентирующемъ и устанавливающимъ всѣ отсюда вытекающія слѣдствія. Такимъ органомъ, по мнѣнію творцовъ Положенія, должно быть сельское общество, *административно-хозяйственный* органъ, учрежденіе новое для освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ. Въ силу этого въ ст. 51 Общаго Положенія, опредѣляющей компетенцію вновь устанавливаемыхъ сельскихъ обществъ, появился пунктъ 6-ой, относящій къ ихъ дѣятельности „дѣла, относящіяся до общиннаго пользованія мірской землей, какъ-то: передѣлъ земель,

накладка и скидка тяголь, окончательный раздѣль общинныхъ земель на постоянные участки и т. п.“. Такимъ-то образомъ творцами Положеній 19 февраля было заложено начало того смѣшенія „общины“ съ „сельскимъ обществомъ“, которое получило дальнѣйшее развитіе въ толкованіяхъ Сената.

Но въ оправданіе авторовъ реформы слѣдуетъ сказать, что они вовсе не думали устанавливать общинное владѣніе, какъ особый институтъ вещнаго или вотчиннаго права, для крестьянскихъ надѣльныхъ земель. По мысли законодателя общегражданскія правовыя нормы должны были примѣняться и къ крестьянскимъ надѣльнымъ землямъ, но только послѣ завершенія выкупной операціи, до той же поры сохраняютъ свою силу нормы обычнаго права. Выкупъ могъ быть произведенъ или отдѣльными лицами (ст. 165 Пол. о вык.), или цѣлымъ обществомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ земля поступала въ собственность (въ обычномъ гражданскомъ смыслѣ слова), въ первомъ — отдѣльныхъ крестьянъ-домохозяевъ, во второмъ — всѣхъ членовъ общества на правѣ *общей* собственности, такъ какъ по ст. 36 Общ. Пол. отдѣльнымъ крестьянамъ дозволялось требовать выдѣленія себѣ въ частную собственность соразмѣрнаго участка земли, выкупленной всѣмъ обществомъ. Сельское общество, по положенію, было хозяйственно-административнымъ органомъ, совершенно аналогичнымъ съ тѣми, которые позднѣе были созданы земскимъ и городовымъ положеніями. Сельское общество имѣло свои исполнительные органы и могло обладать *своею собствен-*

ностью, которою должно было распоряжаться согласно указаніямъ закона. Но Положенія 19 февраля вовсе не устанавливали, что сельское общество является до и послѣ выкупа частнымъ собственникомъ отведенныхъ крестьянамъ въ надѣль земель, состоящихъ въ общинномъ пользованіи. До выкупа надѣловъ собственникъ ихъ опредѣленно указанъ быть не можетъ; послѣ же выкупа надѣльная земля переходила въ собственность или частныхъ лицъ, или всего общества, какъ совокупности составляющихъ его членовъ, причемъ отдѣльнымъ домохозяевамъ представлялось право требовать выдѣла себѣ въ частную собственность опредѣленныхъ участковъ земли, т. е. члены общества владѣли землей на правахъ общей собственности, какъ ее опредѣляетъ X томъ.

Таково было положеніе дѣль, созданное узаконеніями 19 февраля. Позднѣйшее законодательство значительно измѣнило его. Всѣ крестьяне, на какомъ бы правѣ они не владѣли своими надѣлами, закономъ 14 декабря 1893 г. были лишены общиннаго имъ Положеніями права собственности на надѣльные земли. Существенная часть права собственности,—право свободного распоряженія,—было отнято у крестьянъ и подчинено вѣдѣнію правительственныхъ учреждений. Для настоящаго времени, когда выкупная операція въ подавляющемъ числѣ случаевъ не завершена, указанный законъ особаго значенія не имѣетъ, такъ какъ и по дѣйствовавшемъ до 1893 года узаконеніямъ (ст. 162 II пол. о вык.) отчужденіе общинныхъ надѣльныхъ земель допускалось лишь съ разрѣ-

шенія губернскаго присутствія. Зато принципіальное значеніе новаго закона очень важно. По признанію самого Государственнаго Совѣта имъ „нѣскольکو сужено право полной собственности крестьянъ“ (Гор. I, 566). Тѣмъ же Выс. утв. мнѣніемъ Гос. Совѣта отъ 14 декабря 1893 г. у отдѣльныхъ крестьянъ было отнято предоставленное имъ ст. 165 Пол. о вык. право самостоятельно выкупать свои надѣлы, подъ условіемъ одновременной уплаты выкупной ссуды, и поставлено въ зависимость отъ согласія административно-хозяйственнаго органа, сельскаго общества, представляющаго институтъ публичнаго, а не частнаго права.

Ст. 17 Общ. Пол. говоритъ объ образованіи органовъ крестьянскаго управленія, — сельскаго общества и волости, а статьи 40 и 41 болѣе подробно останавливаются на опредѣленіи состава сельскаго общества, причемъ принципіально исключаютъ одна другую. По ст. 40 основаніемъ для соединенія крестьянъ въ сельскія общества служить единственно общность хозяйственныхъ угодій и выгодъ, статья же 41 уничтожаетъ это единственное принципіальное основаніе сельскаго общества, дозволяя соединять въ сельскія общества крестьянъ, въ земельномъ и хозяйственномъ отношеніи не имѣющихъ другъ съ другомъ ничего общаго. Это смѣшеніе въ новоучрежденномъ органѣ частно-правныхъ земельныхъ отношеній съ публично-правовыми функціями рѣзкимъ образомъ сказалось при опредѣленіи характера и круга дѣйствій созданныхъ учреждений. Ст. 17 Общ. Пол., какъ на отличительный признакъ сельскаго обще-

ства отъ волости указываетъ на то, что первое создано для „дѣлъ хозяйственныхъ“, тогда какъ вторая „для ближайшаго управленія и суда“. Но даже поверхностное чтеніе 18-ти пунктовъ 51 статьи, перечисляющей предметы вѣдомства органа сельскаго общества—сельскаго схода, убѣждаетъ, насколько не точно—скажемъ сильнѣе—безусловно ошибочно данное закономъ опредѣленіе сельскаго общества. Если дѣла о распредѣленіи земельныхъ угодій, о хлѣбныхъ магазинахъ и т. д. (п. п. 6 и 16) могутъ быть отнесены къ разряду чисто „хозяйственныхъ“, то развѣ раскладка податей и повинностей, принятіе мѣръ къ предупрежденію и взысканію недоимокъ (п. п. 11, 14 и 15), постановленія о выборѣ и учетѣ должностныхъ лицъ (п. п. 1 и 12), объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ (п. 2), объ опекаѣ, опекунахъ и семейныхъ раздѣлахъ (п. п. 3 и 4), о „ходатайствахъ объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и обученіи грамотѣ“ (п. 8), о дѣлахъ по отбыванію воинской повинности (п. 13)—не относятся явно къ „ближайшему управленію“? Такимъ образомъ, весьма распространенное мнѣніе, поддержанное вначалѣ и Сенатомъ, что сельское общество является чисто хозяйственнымъ органомъ, надо отвергнуть. Сельское общество—органъ административно-хозяйственный ¹⁾).

¹⁾ Въ 1888 году (Рѣшеніе общ. собр. 1, 2 и касс. деп. № 15) Сенатъ нашель, что „въ основѣ обособленности и самостоятельности крестьянскихъ обществъ лежитъ крестьянскій земельный надѣлъ и вытекающіе изъ сего общественные интересы“, а въ 1892 году принужденъ былъ уже признать,

И вотъ этому административному учрежденію, въ составъ котораго входятъ крестьяне, въ земельномъ отношеніи нерѣдко совершенно чуждые другъ другу, Положенія 19 феврала яснымъ и недопускающимъ сомнѣнія закономъ ввѣрили исключительное право разрѣшенія вопросовъ общиннаго землепользованія, требуя для рѣшенія этихъ вопросовъ большинства двухъ третей „всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ“ (Общ. Пол., ст. 51, п. 6; ст. 54, п. п. 1, 2, 3). Немудрено, что такой раздираемый внутренними противорѣчіями законъ въ примѣненіи своемъ вызвалъ массу неудобствъ, и Правительствующій Сенатъ силою вещей принужденъ былъ выступить въ совершенно несвойственной ему роли прямого законодателя. Сенатъ не только вынужденъ былъ прибѣгать къ толкованію закона, явно противорѣчащему его буквѣ и прямому смыслу, но и создалъ своею властью четыре новыхъ, непредусмотрѣнныхъ закономъ, крестьянскихъ органа и даже пытался намѣтить и разграничить сферы ихъ дѣятельности.

что „сельское общество есть административная единица, которая можетъ состоять изъ отдѣльныхъ общинъ, пользующихся землею не сообща, а по особымъ документамъ или по обычаю отдѣльно“ (Рѣш. П. С. 22 апр. 1892 г. № 2238. Гор. I, стр. 102).

Въ изданіи 1902 г. статью 51-ую замѣнила 62-ая, при чемъ изъ старыхъ 18 пунктовъ одинъ исключенъ, за то прибавлено три новыхъ: о замѣщеніи должностей сотскихъ и десятскихъ уѣздной полиціи, объ отобраніи паспортныхъ книжекъ и переименованіи селенія въ городъ. Всѣ пункты относятся, очевидно, не къ „дѣламъ хозяйственнымъ“, а къ „ближайшему управленію“.

Сельское общество признано нашимъ законодательствомъ юридическимъ лицомъ, дѣйствующимъ при посредствѣ своего органа, сельскаго схода, постановляющаго свои приговоры о дѣлахъ, ему подвѣдомственныхъ (ст. 57 Общ. Пол.). Пунктомъ 17 ст. 51 Общ. Пол. сельскимъ обществамъ предоставлено право давать довѣренности „на хожденіе по дѣламъ общественнымъ“. Въ примѣчаніи 1 къ ст. 24 Общ. Пол. сказано: „По дѣламъ крестьянскихъ обществъ могутъ имѣть хожденіе на правахъ повѣренныхъ только лица, уполномоченныя на то мѣрскимъ приговоромъ“. Что такое „крестьянское общество“ и „мѣрской приговоръ“? Тождественны ли они съ понятіями „сельское общество“ и приговоръ сельскаго схода? Сопоставленіе различныхъ статей закона позволяетъ безъ малѣйшей натяжки дать утвердительный отвѣтъ. Такъ какъ Пр. Сенатъ призналъ, что „тѣ только статьи мѣстныхъ Положеній должны считаться утратившими безусловно свою силу, которыми опредѣлялись обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, а не тѣ статьи, коими опредѣлялись поземельныя права крестьянъ и отношенія ихъ къ обществу, помимо обязательныхъ ихъ отношеній къ помѣщику“ (1877 г. № 3690 Гор. I, 788), то и обратимся къ Мѣстному Великороссійскому Положенію, гдѣ наиболѣе часто употребляются попережку термины крестьянское и сельское общество. Ст. 98 этого Положенія говоритъ, что „земля, отведенная въ крестьянскій надѣлъ на основаніи уставной грамоты, предоставляется подъ названіемъ мѣрской земли за установленныя повинности въ

постоянное пользованіе сельскаго общества“. Въ ст. 115 того же Положенія читаемъ: „Каждому крестьянскому обществу предоставляется замѣнить общинное пользованіе наслѣдственнымъ, т. е. отмѣнивъ передѣлы и разверстку мірской земли, разбить ее разъ навсегда на подворные участки и раздать ихъ домохозяевамъ въ потомственное пользованіе, съ соблюденіемъ при этомъ двухъ условій: 1) чтобы мірской приговоръ былъ составленъ на основаніи 54 ст. Общаго о крестьянахъ Положенія, 2) чтобы на такую замѣну было всегда согласіе помѣщика“. Послѣ сравненія этихъ двухъ статей не можетъ быть никакого сомнѣнія, что по закону термины крестьянское и сельское общество совершенно равнозначущи, а слѣдовательно обозначаютъ одно только установленное закономъ сельское общество, какъ его опредѣляютъ ст. 40 и 41 Общ. Пол. Но ст. 115 IV Мѣстн. Вел. Пол., помимо того, вполне удовлетворительно разъясняетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ „мірскимъ приговоромъ“. Для законности его необходимо соблюденіе ст. 54 Общ. Пол., требующей наличности „согласія не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ“, а сельскій сходъ, какъ его опредѣляетъ ст. 47, помѣщенная подъ однимъ общимъ для нея и ст. 54 подзаголовкомъ „о сельскихъ сходахъ“, „составляется изъ крестьянъ-домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу сельскаго общества“. Мірской приговоръ есть, слѣдовательно, приговоръ, постановленный на сельскомъ сходѣ крестьянами-домохозяевами, принадлежащими къ составу сельскаго общества. Такимъ об-

разомъ мы приходимъ къ неопровержимому выводу, что прим. 1-ое къ ст. 24 Общ. Пол. можетъ относиться исключительно къ сельскому обществу и его приговорамъ, какъ ихъ признаетъ законъ. По точному смыслу закона для защиты обособленныхъ земельныхъ правъ *отдѣльнаго селенія* общины необходимъ приговоръ *всего сельскаго общества*, въ составъ котораго могутъ входить крестьяне, никакого отношенія къ данной землѣ не имѣющие. Въ теоріи можно вообразить случай, когда эти крестьяне явятся даже стороной въ спорѣ, такъ какъ процессъ между двумя селеніями съ разными надѣлами, но объединенными въ одно сельское общество, вполне мыслимъ. Вѣроятно, на практикѣ такіе случаи, если и встрѣчались, то крайне рѣдко, но одна возможность ихъ появленія доказываетъ непригодность данной нормы, противорѣчащей юридическому сознанію. Такимъ образомъ, вполне понятно, что Сенатъ искалъ выхода изъ столь ненормальнаго положенія, и не его вина, если для этого онъ вынужденъ былъ принять на себя роль законодателя.

Толкованіе прим. 1-го къ ст. 24 Общ. Пол. давно останавливало на себѣ вниманіе Прав. Сената. Какъ можно видѣть изъ рѣш. Общ. Собр. 1, 2 и Касс. деп. отъ 8 февр. 1888 г. за № 15, второй департаментъ Прав. Сен. еще въ 1884 году окончательно призналъ за отдѣльными селеніями, владѣющими особыми надѣлами, но составляющими лишь часть сельскаго общества, самостоятельное право составлять мірскіе приговоры. Но въ 1888 г. поднятый вопросъ поступилъ на разсмотрѣніе

Общ. Собр. 1, 2 и Касс. деп., которое въ распорядительномъ засѣданіи 8 фѣвралѣ и постановило свое извѣстное рѣшеніе, опубликованное подъ № 15. По этому рѣшенію: 1) общество крестьянъ отдѣльнаго селенія, имѣющаго особый земельный надѣлъ, но не составляющаго цѣлаго сельскаго общества, можетъ назначать уполномоченныхъ посредствомъ мірскаго приговора, который „можетъ быть составленъ на мірскомъ сходѣ домохозяевъ этого селенія при непремѣнномъ участіи сельскаго старосты или лица, его заступающаго, который, если не состоитъ въ числѣ домохозяевъ селенія, не участвуетъ, однако, въ разрѣшеніи подлежащаго сужденію схода предмета“. 2) Если нѣсколько селеній разныхъ сельскихъ обществъ получили общій земельный надѣлъ, „что чаще всего встрѣчается у бывшихъ государственныхъ крестьянъ“, то „въ такихъ селеніяхъ собственникомъ земельного надѣла является вся совокупность селеній, имѣющихъ одинъ общій надѣлъ, и веденіе дѣлъ, изъ такой общественной собственности вытекающихъ, принадлежитъ всѣмъ селеніямъ въ совокупности, пользующимся общимъ земельнымъ надѣломъ, какъ юридическому лицу, а не отдѣльному какому-либо селенію; почему и мірской приговоръ, уполномочивающій на веденіе подобныхъ дѣлъ, долженъ составляться на сельскомъ сходѣ всѣхъ селеній, имѣющихъ одинъ общественный надѣлъ земли, будутъ ли они въ составѣ одного сельскаго общества, или принадлежатъ къ разнымъ сельскимъ обществамъ“. 3) „Крестьяне одного селенія, хотя и имѣющаго одинъ общій земельный

надѣль съ другими селеніями, могутъ по правилу 1 прим. къ 24 ст. Общ. Пол. избрать повѣреннаго для защиты своихъ отдѣльныхъ интересовъ только посредствомъ мірскаго приговора, составленнаго на сходѣ домохозяевъ этого селенія съ соблюденіемъ правила о присутствіи на сходѣ сельскаго старосты“. Такимъ образомъ, въ силу этого рѣшенія Сената, вмѣсто одного установленнаго закономъ сельскаго общества, признаннаго юридическимъ лицомъ, имѣющимъ право выбора повѣренныхъ посредствомъ мірскаго приговора, таковыхъ явилось четыре: 1) сельское общество, созданное статьями Общ. Пол.; 2) селеніе, обладающее отдѣльнымъ земельнымъ надѣломъ, но не составляющее само по себѣ признаннаго закономъ сельскаго общества; 3) группа селеній, обладающихъ однимъ общимъ земельнымъ надѣломъ, но принадлежащихъ къ разнымъ сельскимъ обществамъ; 4) отдѣльное селеніе, не составляющее особаго сельскаго общества, но и не обладающее самостоятельнымъ земельнымъ надѣломъ. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что созданіе этихъ особыхъ юридическихъ лицъ, признаніе за ними права на постановку приговоровъ на сходѣ, кореннымъ образомъ противорѣчитъ закону, признававшему лишь два общества и два схода: сельскій и волостной. Въ доказательство сошлемся хоть бы на ст. 177 Общ. Пол.: „Къ мірскимъ повинностямъ относятся тѣ повинности, которыя отправляются каждымъ обществомъ, сельскимъ или волостнымъ, особо для удовлетворенія внутреннихъ его потребностей“. А вѣдь избраніе повѣренныхъ и веденіе дѣлъ безъ

наложенія повинностей обойтись не можетъ. Къ тому же и самъ Сенатъ въ 1885 г. (№ 1441 Гор. т. I, стр. 144) призналъ недѣйствительнымъ приговоръ, постановленный на соединенномъ сходѣ двухъ деревень — Стараго и Новаго Мостяковъ, владѣющихъ сообща одной оброчной статьей, но принадлежащихъ къ разнымъ сельскимъ обществамъ, такъ какъ соединенные сходы „въ Положеніяхъ о крестьянахъ не предусмотрѣны“. Сходы, установленные рѣшеніемъ Общ. Собр. 1, 2 и Касс. деп. 1888 г. № 15, въ Положеніяхъ о крестьянахъ тоже не предусмотрѣны.

Всѣ юридическія лица, а въ томъ числѣ и земельная община, какъ юридическое лицо, отдѣльное отъ административнаго общества, какъ общество крестьянъ, объединенныхъ одной лишь общностью надѣла, созданы исключительно „законодательной“ дѣятельностью Правительствующаго Сената. Неудивительно, что сенатское законодательство должно было бы придти въ столкновение съ законодательствомъ законнымъ. Такъ, при принятіи крестьянина въ сельское общество, по толкованію Сената, необходимъ приговоръ общества, какъ земельной единицы, а для увольненія того же члена необходимъ приговоръ общества, какъ административно-крестьянской единицы (Рѣш. П. С. 1892 г. № 6397. Гор., I, стр. 78—79; Рѣш. П. С. 1883 г. № 3370. Гор., I, 275. На какомъ законѣ основано проводимое Сенатомъ различіе — неизвѣстно. Для скидки и накладки тяголъ нуженъ приговоръ земельной единицы (см. рядъ сенатскихъ рѣшеній у Горемыкина т. I, стр. 101 и посл.),

а для семейнаго раздѣла, гдѣ очень часто приходится отводить раздѣлившимся новые участки мірской земли, требуется приговоръ не селеннаго, а уже сельскаго схода (Рѣш. П. С. 24 янв. 1892 г. № 392. Гор., т. I, 87).

Жизнь, такимъ образомъ, прямо заставляла Сенатъ выступить въ этомъ вопросѣ въ качествѣ творца законодательныхъ нормъ, и только въ 1899 г. законодательство узаконило сенатскую практику, признавъ существованіе особыхъ селенныхъ сходовъ. Всѣ разряды сходовъ, установленные Сенатомъ, нынѣ нашли себѣ мѣсто въ Особ. Прил. къ т. IX изд. 1902, книга I, стр. 71 и слѣд.

Всѣ эти сенатскія рѣшенія имѣютъ огромное значеніе для пониманія даннаго Сенатомъ общаго опредѣленія общиннаго землевладѣнія. Въ своихъ рѣшеніяхъ Сенатъ призналъ, что институтъ общиннаго землевладѣнія не можетъ быть опредѣленъ исключительно нормами, регулируемыми „сельское общество“, но въ то же время Сенатъ не могъ совершенно отрѣшиться отъ терминологіи закона, не могъ пренебречь тѣми постановленіями о сельскомъ обществѣ, которыя несомнѣнно имѣютъ отношеніе къ распорядкамъ общиннаго землепользованія, *не могъ, слѣдовательно, и избѣжать того смѣшенія общины съ сельскимъ обществомъ, которое красной нитью проходитъ черезъ Положенія 19 февраля.* Необходимо было въ законное понятіе сельскаго общества, распространенное и пополненное сенатскими толкованіями, втиснуть институтъ общиннаго землепользованія и юридически обосновать этотъ шагъ.

Уже давно Сенатъ утверждалъ, что собственникомъ надѣльныхъ крестьянскихъ и общинныхъ земель является исключительно сельское общество (Рѣш. Пр. Сен. 1885 г. № 3900, Общ. Соб. 1, 2 и Касс. деп. 1889 г. № 20 и много другихъ). Эта мысль, вслѣдствіе частыхъ повтореній Прав. Сената, ставшая въ нашей литературѣ чѣмъ-то вродѣ юридической аксіомы, общепризнаннаго общаго мѣста, положена Сенатомъ во главу угла принципиальнаго опредѣленія общиннаго землевладѣнія.

Но предварительно Сенату предстояло разобратся въ понятіяхъ „общественной“ и „общей“ собственности. Нельзя сказать, чтобы ему удалось сдѣлать это вполне удовлетворительно, и во всякомъ случаѣ при разрѣшеніи даннаго вопроса Сенатъ допустилъ нѣсколько серьезныхъ противорѣчій. Въ 1887 году 16 марта Общее Собраніе 1, 2 и Касс. деп. Прав. Сената въ рѣшеніи за № 9 нашло, что „*общинное или общественное владѣніе, которое предусматрѣно Пол. о крест., по своему свойству составляетъ особый видъ общаго владѣнія, опредѣляемаго ст. 543 и посл. Зак. Гр. X т. ч. 1*“. Но не прошло и 11 мѣсяцевъ, какъ то же Общее Собраніе 1, 2 и Касс. деп. въ разобранномъ выше рѣшеніи отъ 8 февраля 1888 года за № 15 подтвердило рѣшенія Гражд. Касс. деп. 1869 г., № 656 и 1883 г. № 115, по которымъ „*существенное различіе общественной собственности отъ собственности общей состоитъ въ томъ, что собственникомъ первой является само общество, какъ юридическое лицо, отдѣльное отъ его членовъ, собственниками же второй являются отдѣльныя лица, а не обще-*

ство". Трудно примирить другъ съ другомъ эти два мнѣнія, по одному изъ которымъ „общинное или общественное владѣніе“ представляетъ лишь „особый видъ общаго владѣнія“, а по другому— субъекты правъ при общественной и общей собственности (а слѣдовательно и владѣніи, такъ какъ законъ употребляетъ въ данномъ случаѣ эти термины безразлично одинъ вмѣсто другого, о чемъ прямо и говоритъ въ ст. 543 т. X ч. 1)—совершенно разные. Легко убѣдиться, что позднѣйшее рѣшеніе Сената болѣе правильное, и общественное владѣніе никакъ не можетъ считаться особымъ видомъ общаго, хотя въ прим. къ ст. 555 т. X, ч. 1 и сказано, что „особыя правила о пользованіи и распоряженіи землею, состоящей въ общемъ владѣніи сельскихъ обывателей, изложены въ особомъ Прилож. къ Зак. о сост. (изд. 1876 г.) и въ мѣстныхъ Положеніяхъ о поземельномъ устройствѣ“.

По ст. 543 т. X, ч. 1 „право собственности, принадлежащее двумъ или многимъ лицамъ на одно и то же имущество, есть право собственности общей; оно называется также правомъ общаго владѣнія“. Изъ дальнѣйшихъ статей выясняются существенныя черты этого права: 1) имущество, находящееся въ общемъ владѣніи, можетъ быть „по свойству своему или по закону“ недѣлимое или же подлежащее раздѣлу (ст. 544 т. X, ч. 1). Въ томъ и въ другомъ случаѣ, какъ доходы съ имущества „принадлежать всѣмъ соучастникамъ по соразмѣрности частей“, такъ и распоряженіе имуществомъ „должно быть по общему согласію“ (ст. 545, 546 и 554 т. X, ч. 1). 2) „Участникъ въ общемъ, принад-

лежащемъ компаніи имуществѣ, которое по свойству своему раздѣлиться не можетъ, властенъ продать или уступить часть свою другому, но не иначе, какъ съ согласія прочихъ“ (ст. 548 ib.). 3) „Никто не обязанъ оставаться соучастникомъ въ общемъ имѣніи, подлежащемъ раздѣлу, если не изъявилъ на то согласія“ (ст. 550 ib.). Ни подѣ одно изъ этихъ условій не подходитъ владѣніе общественное, субъектомъ котораго является все общество, а не отдѣльные участники во владѣніи. Казалось бы, если Сенатъ рѣшительно остановился на той основной точкѣ зрѣнія, что „сельское общество, какъ юридическое лицо“, является „собственникомъ земли общиннаго пользованія“ (кромѣ вышеприведенныхъ рѣшеній см. Рѣш. Перв. Общ. Собр. Прав. Сен. 27 января и 27 октября 1889 г. № 123, цитировано по Горемыкину, т. I, стр. 97), то дальнѣйшее, болѣе подробное развитіе этой юридической конструкции никакихъ особыхъ трудностей не представляетъ. На дѣлѣ оказалось иное.

Въ рѣшеніи Общ. Собр. 1, 2 и Касс. деп. Пр. Сената отъ 16 марта 1887 года за № 9 встрѣчаемъ слѣдующее опредѣленіе общиннаго владѣнія: „*Общинное или общественное владѣніе, которое предусмотрено Пол. о крест., по своему свойству составляетъ особый видъ общаго владѣнія, опредѣляемаго ст. 543 и посл. Зак. гр. X т., ч. 1.* При общинномъ владѣніи физическое лицо не можетъ указать ни на одну количественную часть имущества, которую имѣло бы въ исключительной своей власти, самое число членовъ общества, участвующихъ во владѣніи, но есть нѣчто постоянное,

неизмѣнное, но измѣняется непрерывно, извнутри и извнѣ, нарастаетъ и уменьшается и каждому члену общины принадлежить только право владѣнія. Но и послѣднее принадлежить ему въ тѣхъ лишь предѣлахъ, которые установлены обществомъ, міромъ; безъ его согласія никто изъ членовъ не можетъ уступить этого своего права участія въ общемъ владѣніи (ст. 35 Общ. Пол. и 164 Пол. о вык.). Полнымъ хозяиномъ этой общественной (мірской) земли является сельское общество: оно ею распоряжается“.

Мы уже отмѣтили, что смѣшеніе Сенатомъ „общиннаго или общественнаго“ владѣнія съ „общимъ“, опредѣляемымъ X томомъ, является простымъ недоразумѣніемъ. Съ перваго взгляда бросается въ глаза, что перечисляемые Сенатомъ признаки „общиннаго или общественнаго владѣнія“ не имѣютъ ничего сходнаго съ требованіями ст. 543 и посл. т. X, ч. 1-ой. Но въ этомъ рѣшеніи Сената есть еще нѣсколько положеній, формулированныхъ такъ, что съ ними невозможно согласиться. „При общинномъ владѣніи физическое лицо не можетъ указать ни на одну количественную часть имущества, которую имѣло бы въ исключительной своей власти“. Слова „въ исключительной своей власти“ очень неопредѣленны и съ такимъ же правомъ можно сказать, что въ государствѣ всякое лицо, а тѣмъ болѣе сельское общество (особенно послѣ закона 14 декабря 1893 г.) не имѣетъ никакого недвижимаго имущества „въ своей исключительной власти“. Но если замѣнить эти неясныя слова болѣе подходящими къ данному случаю —

„въ своемъ частномъ владѣніи, отдѣльномъ отъ владѣнія другого физическаго лица“, то мысль Сената надо признать совершенно ошибочной, какъ разъ наоборотъ: при общинномъ владѣніи въ каждую данную минуту, отъ передѣла до передѣла, физическое лицо можетъ указать количественную часть имущества, которую имѣетъ въ своемъ частномъ владѣніи. Что же касается ст. 35 Общ. Пол. и 164 Пол. о вык., то смыслъ ихъ вполне ясенъ. Статьи Положенія о выкупѣ имѣютъ силу лишь до окончанія выкупной операціи, когда ихъ мѣсто замѣняютъ статьи общаго Положенія и законы гражданскіе. Общее же Положеніе въ томъ видѣ, какъ оно вышло изъ рукъ творцовъ крестьянской реформы, не намѣревалось подчинить права крестьянъ на землю отличнымъ отъ обще-гражданскихъ, обычнымъ нормамъ общиннаго землепользованія. Статьей 36-ой Общ. Пол. каждому крестьянину послѣ выкупа предоставляется право требовать выдѣленія себѣ въ частную собственность участка земли¹⁾. Такимъ образомъ, приобретаемая посредствомъ выкупа и иныхъ способовъ сельскими обществами въ собственность земля приравнивалась Положеніемъ къ признанной гражданскими законами „общей собственности“ и ст. 35 Общ. Пол. соотвѣтствуетъ лишь ст. 548 т. X, ч. 1, подобно тому, какъ ст. 36 Общ. Пол. соотвѣтствуетъ ст. 550 т. X. Эти же статьи повели къ тому, что Сенатъ въ своей терминологіи отождествилъ „общин-

¹⁾ Въ изданіи 1902 г. ей соотвѣтствуетъ кн. I ст. 12-ая тождественнаго содержанія.

ное или общественное“ владѣніе съ „общимъ“, хотя при ближайшемъ разсмотрѣніи сущности того и другого самъ же открылъ огромную существенную разницу между тѣмъ и другимъ, сводящуюся къ совершенному различію субъектовъ правъ.

Если исключить изъ рѣшенія Сената эти спорные элементы, то „сущность“ общиннаго или общественнаго владѣнія, какъ его опредѣлилъ Сенатъ 16 марта 1887 года, заключается въ слѣдующемъ: 1) полнымъ хозяиномъ общественной земли является общество: оно ею распоряжается; 2) отдѣльнымъ физическимъ лицамъ принадлежитъ лишь право владѣнія и то въ ограниченныхъ мѣрахъ; 3) безъ согласія міра никто не можетъ уступить *постороннему* лицу своего права участія въ общемъ владѣніи (ст. 164 Пол. о вык.); 4) число членовъ общества, участвующихъ во владѣніи, не есть нѣчто постоянное, но измѣняется непрерывно.

Почти два года спустя, 6 марта 1889 г., Общему Собранію 1, 2 и Касс. деп. (Сборникъ рѣшеній за этотъ годъ, №№ 10 и 11) пришлось высказаться о резешскомъ землевладѣніи. Первымъ на очереди стоялъ вопросъ: „владѣютъ ли резеша Бессарабской губерніи принадлежащими имъ землями на общинномъ правѣ?“ „Въ указѣ П. С., — говорится въ рѣшеніи № 10, — при коемъ опубликовано Выс. утв. 17 окт. 1849 г. мн. Гос. Сов. объ учрежденіи комиссіи для сост. правилъ ген. межеванія Бессарабской области (п. с. зак. № 23578)“ сказано: „Резеша возникли вслѣдствіе перехода имѣнія отъ одного владѣльца ко многимъ наслѣдникамъ, такъ что съ размноженіемъ потомства уменьшились и

части земли до того, что по учиненнымъ родословнымъ, нѣкоторымъ изъ потомковъ остались участки въ одинъ пармакъ (менѣе вершка)“. Опредѣляя характеръ резешскаго владѣнія, Сенать говоритъ, что подѣ нимъ „никакъ нельзя разумѣть владѣніе на общемъ правѣ собственности въ смыслѣ 543 и слѣд. статей. X т. 1 ч. зак. гр.“. При резешскомъ владѣніи „каждому владѣльцу отдѣльнаго участка принадлежит до извѣстной степени и право самостоятельнаго распоряженія, такъ что допускаются уступки земли, промѣны, залого и т. п., но съ значительными ограниченіями относительно *стороннихъ* лицъ, не принадлежащихъ къ резешству“, — требуется разрѣшеніе подлежащей власти, а при окончательной продажѣ постороннему лицу — выдѣлъ изъ вотчины, что по закону невозможно, такъ какъ резешскія вотчины признаются нераздѣльными. „По общему правилу, — заключаетъ Сенать, — въ составѣ резешской вотчины каждому резешу, хотя онъ владѣетъ и отдѣльнымъ участкомъ и именуется также собственникомъ, принадлежит, на самомъ дѣлѣ, не право собственности на этотъ участокъ, а лишь право пользованія, вся же вотчина, какъ одно нераздѣльное цѣлое, почитается собственностью всей совокупности резешей, какъ общества. Но такъ какъ это пользованіе владѣльцевъ резешской вотчины соединено съ раздѣленіемъ послѣдней на отдѣльные участки, то и самое владѣніе резешей не можетъ быть приравниваемо къ владѣнію общинному въ смыслѣ 113 и 114 ст. Мѣстн. Пол. о крест., а носить характеръ подворнаго или участковаго поль-

зованія земель, а потому и вся резешская вотчина, какъ принадлежащая въ собственность цѣлому обществу резешей, но разверстанная по участкамъ, должна почитаться состоящею въ ихъ владѣніи *не на правѣ общинномъ, а на правѣ общественномъ*“.

Сравнимъ то, что говорилъ Сенатъ въ 1887 году, съ тѣмъ, что сказано имъ въ 1889 году. Смѣшеніе „общиннаго или общественнаго“ владѣнія съ „общимъ“ въ смыслѣ 543 ст., т. X, ч. 1, какъ и слѣдовало ожидать, устранено. Но оказывается, что и „общинное“ владѣніе далеко не то же самое, что „общественное“, и что употреблять эти два понятія безразлично одно вмѣсто другого — невозможно. Русскіе крестьяне, какъ выясняется изъ рѣшенія Сената, владѣютъ землей на общинномъ правѣ въ смыслѣ 113 и 114 ст. Мѣст. Пол. о вел., а резешина на „правѣ общественномъ“. Въ рѣшеніи 1887 года, какъ мы видѣли, изложены Сенатомъ существенныя черты общиннаго владѣнія. Посмотримъ, не отыщутся ли эти существенныя черты и у резешскаго владѣнія, признаннаго нынѣ не общиннымъ, а общественнымъ. Пунктъ первый: „полнымъ хозяиномъ общественной (общинной) земли является общество“. Про резешей Сенатъ буквально говоритъ то же самое. Пунктъ второй: „отдѣльнымъ физическимъ лицамъ принадлежитъ лишь право владѣнія (очевидно въ смыслѣ права пользованія) и то въ ограниченныхъ міромъ предѣлахъ“. Про резешей: каждому резешу принадлежитъ, на самомъ дѣлѣ, не право собственности, а лишь право пользованія. Пунктъ третій: „безъ согласія міра

никто не можетъ уступить постороннему лицу свое право участія въ общемъ владѣніи“. Резеши подлежатъ тому же самому ограниченію еще въ болѣе сильной степени. Пунктъ четвертый: „число членовъ общества (общины) не есть нѣчто постоянное, но измѣняется непрерывно“. Резешская вотчина удовлетворяетъ и этому условію.

Такимъ образомъ, если признать истиннымъ опредѣленіе, данное Сенатомъ въ 1887 году „общинному или общественному“ владѣнію, то придется сдѣлать выводъ, что по существу оно ничѣмъ не отличается отъ резешскаго. Но различія, и притомъ различія огромной важности, такъ и бьютъ въ глаза. Это отмѣтилъ и Сенатъ, который въ томъ же 1889 году, того же 9 марта, въ рѣшеніи за № 11, заявилъ, что резешское общество не въ правѣ по отношенію къ отдѣльнымъ резешскимъ участкамъ предпринимать передѣлы, применимые лишь къ землямъ, состоящимъ въ общинномъ владѣніи. Отсутствіе передѣловъ составляетъ несомнѣнно крупное отличіе резешскаго владѣнія отъ общиннаго, но передѣлы вовсе не составляютъ существенной и характерной черты общиннаго пользованія: они являются элементомъ производнымъ, вторичнымъ, несовершеннымъ орудіемъ, при помощи котораго общинное право при извѣстныхъ условіяхъ, осуществляется въ жизни. Общинное пользованіе пастбищами, водами и лѣсами возможно и безъ передѣловъ, отсутствіе которыхъ не лишаетъ общиннаго права его характерныхъ свойствъ. Съ юридической точки зрѣнія различіе между резешскимъ и общиннымъ владѣ-

ніемъ заключается не въ передѣлахъ, а въ томъ, что въ резешской вотчинѣ владѣніе cadaго физическаго лица (и само право, и размѣръ владѣемаго участка) основывается на его семейно-наслѣдственныхъ отношеніяхъ, а при общинномъ землепользованіи вытекаетъ изъ отношеній лица къ земельной общинѣ.

Итакъ, ни общее опредѣленіе общиннаго земле-владѣнія, данное закономъ въ примѣчаніи къ ст. 113 мѣстн. Вел. Пол., ни распространенныя принципіальныя опредѣленія Правит. Сената, съ юридической точки зрѣнія, не могутъ быть признаны удовлетворительными, дающими правильныя основы для рѣшенія отдѣльныхъ казусовъ. Но законъ, въ особенности Положенія 19 февраля, признавъ общинное владѣніе институтомъ обычнаго права, почти отказался отъ подробнаго регламентирования его. Не такъ поступилъ Сенатъ, принужденный разрѣшать отдѣльные случаи, исходя изъ своихъ общихъ соображеній объ общинномъ владѣніи. Благодаря спорнымъ дѣламъ,—въ прежнее время довольно часто, послѣ образования въ 1889 году уѣздныхъ и губернскихъ присутствій, сравнительно рѣже доходившимъ до Сената,—послѣдній въ составѣ второго департамента, Перваго Общаго Собранія и Общаго Собранія 1, 2 и Касс. деп. получилъ возможность высказаться по нѣкоторымъ весьма существеннымъ частнымъ вопросамъ общиннаго владѣнія, причемъ руководящія указанія Сената на практикѣ, въ мѣстной жизни, получили значеніе закона, подчасъ совершенно противоположнаго дѣйствующему обычному праву.

Но прежде чѣмъ перейти къ частнымъ законодательнымъ постановленіямъ и сенатскимъ толкованіямъ, необходимо устранить одно недоразумѣніе. Правит. Сенатъ очень часто говоритъ, что „*собственникомъ* земли общиннаго пользованія“ является „все общество, какъ юридическое лицо“. Слово „*собственникъ*“ здѣсь нельзя понимать въ томъ смыслѣ, который оно имѣетъ въ правѣ гражданскомъ. До изданія закона 14 дек. 1893 года еще могло быть какое-либо оправданіе для такого пониманія, въ виду несомнѣннаго намѣренія творцовъ Положеній 19 февр. по окончаніи выкупной операціи дать крестьянскимъ обществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ права „полной частной собственности“. До окончанія выкупа крестьянскія общества и по Положеніямъ сильно ограничивались въ правѣ распоряженія приобрѣтаемой землей, послѣ же изданія Выс. утв. мнѣнія Гос. Сов. 14 дек. 1893 г. эти временныя ограниченія были усилены и возведены въ общій постоянный законъ, въ ст. 18-ую кн. I изд. 1902 г. Кромѣ того, не подлежитъ сомнѣнію, что подъ словами „крестьяне-собственники“ нашъ законъ разумѣетъ не земельныхъ собственниковъ въ частно-правномъ смыслѣ слова, а крестьянъ, переведенныхъ на выкупъ, въ противоположность крестьянамъ, остающимся на оброчной и издѣльной повинности, связаннымъ временно обязательными отношеніями къ помѣщику, съ 1887 г. почти повсемѣстно прекращенными (Ст. 156 Пол. о вык.).

II. Постановленія закона.

Опредѣливъ въ примѣчаніи къ ст. 113 Мѣстн. Вел. Положенія общинное пользованіе, какъ то *обычное* пользованіе, при которомъ земли по приговору міра „передѣляются и распредѣляются между крестьянами по душамъ, тягламъ или инымъ способомъ, а повинности, положенныя на землю, отбываются круговою порукою“, законъ нашъ вполнѣ логично не считалъ нужнымъ, по крайней мѣрѣ до 1893 г., прибѣгать къ подробному регламентированію внутреннихъ отношеній крестьянъ при общинномъ пользованіи землей. Все, что мы встрѣчаемъ въ законѣ объ общинномъ землевладѣніи, сводится къ слѣдующему.

О статьѣ 36 Общ. Пол. и ея значеніи для общиннаго землевладѣнія было уже достаточно сказано выше; обратимся теперь къ другимъ статьямъ закона. Пунктъ 6 ст. 51 Общ. Пол. постановляетъ, что дѣла, относящіяся до общиннаго пользованія мірской землей, какъ-то: передѣлъ земель, накладка и скидка тяголъ, окончательный раздѣлъ общинныхъ земель на постоянные участки и т. п., подлежатъ вѣдѣнію сельскаго схода. Въ 1893 г. (8 іюня) для „мѣстностей, въ коихъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ“, къ пункту 6 ст. 51 были присоединены правила о передѣлахъ мірской земли. (Особ. Прил. изд. 1902 г. кн. I ст. ст. 24—37). По этимъ правиламъ передѣлы допускаются лишь на основаніи особаго

приговора, въ которомъ должно быть обозначено: 1) срокъ, на который совершается передѣлъ — во всякомъ случаѣ не менѣе 12 лѣтъ; 2) по какому расчету распредѣляется земля между домохозяевами (по душамъ ревизскимъ или наличнымъ, по тягламъ и т. п.) и 3) сколько по этому расчету душевыхъ или иныхъ надѣльныхъ участковъ причитается на каждого изъ домохозяевъ. Приговоръ провѣряется земскимъ начальникомъ и утверждается уѣзднымъ съѣздомъ, если послѣдній не признаетъ, что приговоръ „постановленъ не согласно съ законами, либо клонится къ явному *ущербу* сельскаго общества, либо нарушаетъ *законныя права* отдѣльныхъ его членовъ“. Крестьянамъ, улучшившимъ свою надѣльную землю, равно какъ и ихъ правопреемникамъ, при передѣлахъ „надѣлъ предоставляется, по возможности, въ прежнемъ мѣстѣ“; въ случаѣ же полученія ими худшаго участка „назначается вознагражденіе, производимое посредствомъ соотвѣтственной сбавки въ уплатѣ повинностей, либо на иныхъ основаніяхъ“. Со времени приведенія въ дѣйствіе приговора о передѣлѣ до утвержденія новаго по тому же предмету приговора, участки отдѣльныхъ домохозяевъ не могутъ быть отбираемы обществомъ ни въ полномъ составѣ, ни по частямъ, за исключеніемъ случаевъ: 1) смерти домохозяина, увольненія его изъ общества, высылки по суду или общественному приговору или безвѣстной его отлучки и оставленія хозяйства безъ попеченія, если притомъ послѣ умершаго или выбывшаго лица не осталось въ обществѣ членовъ семейства, за кото-

рыми участки можетъ быть оставленъ; 2) отказа самого домохозяина отъ пользованія землей; 3) неисправности его въ платежѣ повинностей (ст. 188 Общ. Пол.). Въ „случаяхъ исключительныхъ“ съ разрѣшенія губернскаго присутствія новый приговоръ о передѣлѣ можетъ быть постановленъ и ранѣе истеченія 12-лѣтняго срока со дня утвержденія перваго приговора. Всѣ эти правила, довольно подробно регламентирующія передѣлы общинной земли, введены лишь съ 1893 года, что надо имѣть въ виду при обсужденіи сенатскихъ разъясненій и толкованій.

По ст. 54 Общ. Пол. (п.п. 1, 2 и 3) для рѣшенія вопросовъ „о замѣнѣ общиннаго пользованія землей участковымъ или подворнымъ наслѣдственнымъ, о раздѣлѣ мѣрскихъ земель на постоянные наслѣдственные участки, о передѣлахъ мѣрской земли“ — требуется „согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ“. Этими постановленіями, собственно говоря, почти ограничивается вся законодательная регламентація *внутреннихъ* общинныхъ отношеній. Дальнѣйшія статьи закона имѣютъ въ виду внѣшнія отношенія общины къ государству и помѣщику, основанныя на фискальныхъ интересахъ и направленныя къ обезпеченію исправнаго выполненія крестьянами своихъ повинностей. Такъ, по ст. 187 Общ. Пол. для обезпеченія исправнаго отбыванія *казенныхъ, земскихъ и мѣрскихъ* повинностей (т. е. всѣхъ, исключая выкупныхъ платежей и тѣхъ повинностей, которыя до 1 янв. 1887 г. существовали для временно-обязанныхъ крестьянъ) „каж-

дое сельское общество, какъ при общинномъ, такъ и при участковомъ или подворномъ (наслѣдственномъ) пользованіи землей“, отвѣчаетъ круговой порукою за каждаго изъ своихъ членовъ. По пункту 3 примѣчанія 2 къ этой статьѣ отъ круговой поруки избавляются лишь „крестьяне, имѣющіе всѣ угодья своего надѣла въ отдѣльномъ владѣніи“. Въ виду яснаго смысла ст. 187 едва ли можно признать относящимся исключительно къ общинному владѣнію пунктъ 6 ст. 188, представляющій обществу у недоимщика по взносу казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей „отобрать часть отведенныхъ ему угодій или даже весь его полевой надѣлъ“. Между тѣмъ на этомъ пунктѣ, относящемся безразлично до всѣхъ крестьянъ-однообщественниковъ, на какомъ бы правѣ они ни владѣли своими надѣлами, Сенатъ, какъ увидимъ ниже, и основалъ преимущественно всѣ свои законодательные выводы и установленія, касающіяся внутреннихъ общинныхъ отношеній ¹⁾).

Положеніе о выкупѣ въ ст. 18 постановляло, что при выкупѣ усадьбы въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуетъ общинное пользованіе угодьями, крестьянинъ, отдѣльно выкупающій свою усадебную осѣдлость, уплачиваетъ помѣщику обычную выкупную за усадьбу сумму съ присовокупленіемъ

¹⁾ „Положеніе о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ“ 23 іюня 1899 г. вноситъ для селеній съ общиннымъ землепользованіемъ выкупные платежи въ одинъ общій съ другими податями окладной листъ, и взысканіе выкупного долга подчиняетъ общимъ условіямъ (ст. 241 и 242 кн. I, изд. 1902 г.).

по двадцати копеекъ на каждый рубль — далеко не единственный примѣръ *privilegii odiosi* для крестьянъ-общинниковъ. Статьи 127 и дальнѣйшія ¹⁾ о мѣрахъ взысканія выкупныхъ платежей предпринимають при приобрѣтеніи земли всѣмъ обществомъ раскладывать недоимку на все общество по мірской раскладкѣ или уплачивать ее изъ общественныхъ суммъ, дозволяя отбирать у недоимщика весь его надѣль, не обращая вниманія на то, какая часть выкупной ссуды имъ уже уплачена. Примѣчаніе 2-ое къ ст. 129 Пол. о вык. (позднѣйшаго происхожденія: это примѣчаніе кондицировано въ прод. 1890 г.) упорядочиваетъ сдачу въ аренду съ публичныхъ торговъ крестьянской земли „въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣненіе установленныхъ мѣръ взысканія выкупныхъ платежей и оброчной подати съ сельскаго общества крестьянъ-собственниковъ, владѣющихъ мірскою землею на общинномъ правѣ, окажется безуспѣшнымъ, а между тѣмъ неисправность сельскаго общества во взносѣ сихъ сборовъ не оправдывается какими-либо неблагоприятными условіями“. Въ этомъ примѣчаніи законодателемъ въ первый и послѣдній разъ употреблено весьма интересное выраженіе: сельское общество крестьянъ, владѣющихъ мірскою землею на общинномъ правѣ“. Любопытно, что въ 1889 г. и Общ. Собр. 1, 2 и Касс. деп. (30 окт. № 20) упо-

¹⁾ Всѣ эти статьи въ настоящее время послѣ „кодификаціи“ крестьянскихъ законовъ, отмѣны обязательныхъ отношеній къ помѣщику и круговой поруки имѣють только историческое значеніе и важны для выясненія правовой природы явленія.

требило то же самое выраженіе, говоря о землѣ, „предоставленной въ собственность по владѣнной записи обществу Московской Ямской слободы, владѣющими землями на общинномъ правѣ“. Итакъ, по закону владѣютъ на общинномъ правѣ, т. е. являются субъектами этого права, отдѣльные крестьяне, а по сенатскому толкованію—общество.

Статьи 160 и 163 Пол. о вык., толкующія о разверсткѣ приобрѣтенной всѣмъ обществомъ земли на подворные участки и о передѣлахъ, не представляютъ ничего новаго сравнительно со статьями 51 и 54 Общ. Пол. Ст. 164 Пол. о вык. говоритъ, что „*право на участіе* въ общемъ владѣніи приобрѣтенною обществомъ землей каждый отдѣльный крестьянинъ можетъ уступить постороннему лицу не иначе, какъ съ согласія общества“. Эта статья, какъ уже было сказано выше, возбуждаетъ много недоумѣній и даетъ поводъ къ различнымъ толкованіямъ. Что подразумѣвать подъ „*правомъ на участіе*“? Отлично ли это понятіе отъ самаго реального участка, которымъ данный крестьянинъ владѣетъ по приговору отъ передѣла до передѣла? Означаетъ ли эта статья, что каждый крестьянинъ иначе, какъ съ согласія міра, не можетъ навсегда отречься отъ своего права, передать его навсегда постороннему лицу, или же это согласіе требуется при всякой временной (до передѣла) сдачѣ реального участка земли крестьяниномъ постороннему лицу? Въ виду того, что въ законѣ употреблено выраженіе „*можетъ уступить*“, а не „*можетъ уступать*“, т. е. видъ однократный, а не многократный, и кромѣ того говорится о правѣ на участіе, а не

о самомъ участкѣ, первое толкованіе представляется наиболѣе вѣроятнымъ, хотя Правительствующій Сенатъ и предпочелъ остановиться на второмъ (Общее Собраніе 1, 2 и Касс. деп. 16 марта 1887 г. № 9). Кого, наконецъ, слѣдуетъ разумѣть подъ „постороннимъ лицомъ“? Крестьянъ ли и вообще лицъ, постороннихъ данному сельскому обществу, или даже однообщественниковъ, владѣющихъ по приговору другими надѣлами? Законъ 14 декабря 1893 г., воспретившій всѣмъ крестьянамъ отчуждать свои надѣльные земли лицамъ, не приписаннымъ къ сельскому обществу (какому бы то ни было), и отдавать эти земли въ залогъ всѣмъ вообще частнымъ лицамъ и учрежденіямъ, не разрѣшилъ сомнѣній, вызываемыхъ статьей 164 Пол. о вык. По-прежнему остается неизвѣстнымъ, имѣетъ ли въ виду ст. 164 внутреннія отношенія общинниковъ другъ къ другу или же простую приписку съ правомъ на надѣлъ къ сельскому обществу новыхъ лицъ, которымъ это право уступается старыми членами общества, отъ надѣла отказывающимися. Ст. 165 Пол. о вык. требуетъ, чтобы „до уплаты выкупной ссуды“ выдѣлъ участковъ отдѣльнымъ домохозяевамъ изъ земли, приобрѣтенной обществомъ, допускался не иначе, какъ съ согласія общества. Вторая половина этой статьи, по которой „если домохозяинъ, желающій выдѣлиться, внесетъ въ мѣстное казначейство всю причитающуюся на его участокъ выкупную ссуду, то общество обязывается выдѣлить крестьянину, сдѣлавшему такой взносъ, соотвѣтственный оному участокъ, по возможности къ одному мѣсту, по усмотрѣнію самого

общества“—отмѣнена закономъ 14 декабря 1893 г. Въ этой части 165 ст. Пол. о вык. видѣли у насъ могущественный таранъ для сокрушенія общиннаго землевладѣнiя. Государственный Совѣтъ, обсуждая вопросъ объ отмѣнѣ ст. 165-ой, нашель, что она представляетъ „исключенiе“ изъ общаго правила, выставленнаго въ ст. 36-ой Общ. Пол. Едва ли съ этимъ можно согласиться. Ст. 36 Общ. Пол. свидѣтельствуеть, что по мысли законодателя выкупленная всѣмъ обществомъ земля тотчасъ послѣ окончанiя выкупа становится „общей собственностью“ всѣхъ выкупившихъ ее, а по общимъ гражданскимъ законамъ никто не можетъ быть вынужденъ противъ своей воли участвовать въ общемъ владѣнiи дѣлимымъ имуществомъ. Изъ этого же начала исходила и ст. 36 Общ. Пол., дозволившая каждому крестьянину послѣ выкупа требовать себѣ видѣла въ частную собственность участка земли. Что же касается отмѣненной части ст. 165 Пол. о вык., то ее слѣдуетъ признать логическимъ выводомъ изъ ст. 36 Общ. Пол. Если совмѣстное съ прочими крестьянами владѣнiе выкупаемой всѣмъ обществомъ землей считается обязательнымъ лишь до окончанiя выкупной операцiи, то естественно допустить, чтобы лица, на свой счетъ, единовременнымъ взносомъ всей причитающей за ихъ участокъ выкупной суммы развязавшiяся съ выкупной операцiей, получили право развязаться и съ обязанностью принудительнаго участiя въ общемъ владѣнiи. Правда, какъ утверждаетъ Гос. Совѣтъ, ст. 155 Пол. о вык., въ виду ея примѣненiя къ общинному землевладѣнiю, мо-

жетъ привести къ крайней несправедливости. „При передѣлахъ над. земли, — говоритъ Гос. Совѣтъ (Горем., т. I, стр. 572), — потомки первоначальнаго плательщика вык. ссуды могутъ, въ зависимости отъ состава ихъ семействъ, получить большее количество этой земли, чѣмъ то, которое было въ пользованіи ихъ родоначальника. Поэтому, при производствѣ досрочн. выкупа помимо согласія общества, люди эти могли бы приобрѣсти въ собственность за дополнительную сумму, иногда весьма небольшую, такіе значительные участки, въ вык. оплатѣ коихъ за предшествующее выдѣлу время ни они сами, ни отцы и дѣды ихъ не принимали участія“. Но развѣ то же самое нельзя сказать и про ст. 36 Общ. Пол. въ примѣненіи ея къ общинному землевладѣнію? „Каждый членъ сельскаго общества, — говорится въ ней, — можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, приобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ въ частную собственность участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ приобрѣтеніи сей земли“. Но вѣдь нормальный выкупъ продолжится по меньшей мѣрѣ 49 лѣтъ, во время которыхъ владѣніе cadaго члена сельскаго общества при общинномъ пользованіи землей нѣсколько разъ измѣнится какъ въ отношеніи къ размѣрамъ участка, такъ и причитающихся на него платежей. Количество членовъ общества успѣетъ сильно измѣниться; случаи, подобные указаннымъ Государственнымъ Совѣтомъ, встрѣтятся нерѣдко. Чѣмъ же руководиться въ примѣненіи ст. 36 Общ. Пол., очевидно не находящейся со статьей 165 Пол. о

вык. ни въ какомъ внутреннемъ противорѣчii. Выводы, къ которымъ на практикѣ можетъ привести примѣненiе той и другой изъ указанныхъ статей, происходятъ отъ коренной ошибки Положенiй 19 февр., допустившихъ смѣшенiе общины съ сельскимъ обществомъ, отождествившихъ „землю, выкупаемую всѣмъ сельскимъ обществомъ“, съ землей, состоящей въ общинномъ пользованii крестьянъ. Въ жизни весьма часто это смѣщенiе и отождествленiе могло имѣть свое основанiе, но въ теорii оно ложно и является результатомъ не вполне вѣрнаго представленiя о сущности общиннаго землевладѣнiя или, какъ выразился законодатель въ прим. 2 къ ст. 129 Пол. о вык., общиннаго права. (См. Особ. Прил. изд. 1902 г. кн. II, ст. 74).

Мѣстныя Положенiя по буквальному смыслу закона, въ виду прямого заявленiя ст. 1-ой Мѣстн. Вел. Пол., что „симъ Положенiемъ опредѣляется поземельное устройство вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости (временно - обязанныхъ) крестьянъ“, слѣдовало бы считать утратившими силу дѣйствующаго права съ момента повсемѣстнаго прекращенiя временно-обязательныхъ отношенiй, т. е. съ 1 янв. 1887 г.; но Прав. Сенатъ въ рѣшенii отъ 29 сент. 1887 г. за № 3690 разъяснилъ, что „тѣ только статьи мѣстныхъ Положенiй должны считаться утратившими безусловно свою силу, которыми опредѣлялись обязательныя отношенiя крестьянъ къ помѣщикамъ, а не тѣ статьи, коими опредѣлялись поземельныя права крестьянъ и отношенiя ихъ къ обществу, помимо обя-

зательныхъ ихъ отношеній къ помѣщику“. Изъ этихъ послѣднихъ, не утратившихъ свою силу статей, ст. 113 постановляетъ, что „мірская полевая земля (пашня, покосы и другія угодья) остается въ общинномъ пользованіи крестьянъ, которымъ она отведена“. Примѣчаніе къ этой статьѣ даетъ извѣстное уже опредѣленіе общиннаго пользованія. Статьи 114, 115 и 116 опредѣляютъ, что передѣлъ и окончательный раздѣлъ земель на подворные участки допускаются лишь по приговору двухъ третей домохозяевъ, т. е. повторяютъ сказанное въ ст. 51 и 54 Общ. Пол. Ст. 115 М. Вел. Пол. требуетъ для замѣны общиннаго пользованія наслѣдственнымъ наличиемъ согласія помѣщика (въ виду того, что при общинномъ пользованіи отбываніе повинностей въ пользу помѣщика обезпечивалось круговой порукой), но это требованіе, согласно разъясненію Сената, слѣдуетъ считать утратившимъ всякое значеніе. Ст. 121—125 трактуютъ объ отказѣ крестьянъ отъ земли при общинномъ пользованіи „въ первыя девять лѣтъ со дня утвержденія сего Положенія“ и, слѣдовательно, нынѣ тоже отмѣнены. Интересна ст. 125, по которой крестьянинъ-общинникъ, пріобрѣтшій въ собственность внѣ мірскаго надѣла, но въ разстояніи не далѣе 15 верстъ отъ мѣста водворенія общества, участокъ земли, равный по крайней мѣрѣ двумъ душевымъ надѣламъ высшаго размѣра, могъ, не выходя изъ общества, но безъ всякихъ препятствій со стороны общества или помѣщика, отказаться отъ обязательнаго пользованія надѣльной землей лишь въ томъ случаѣ, если

вносилъ въ особый мірской капиталъ сумму, равную капитализированному изъ 6-ти процентовъ оброку— опять-таки *privilegium odiosum* въ пользу крестьянина-общинника. Наконецъ, въ силу статей 242—249 Мѣстн. Вел. Пол. при общинномъ пользованіи землей исправное отбываніе установленныхъ въ пользу помѣщика повинностей обеспечивается круговой поручкой. Хотя эти статьи и занимаютъ мѣсто въ Особомъ Приложеніи къ тому IX изд. 1876 года, но значенія дѣйствующаго закона послѣ прекращенія обязательныхъ отношеній не имѣютъ. Въ изданіи 1902 года большинства этихъ отжившихъ статей уже не найдете.

Изъ другихъ мѣстныхъ Положеній постановленія объ общинномъ землевладѣніи содержитъ лишь Положеніе о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ, въ статьѣ 15, не представляющей впрочемъ ничего новаго сравнительно со статьями Общаго Положенія. По согласію $\frac{2}{3}$ членовъ общество можетъ раздѣлить земли на подворные участки, на такомъ же основаніи допускается и выдѣлъ земли отдѣльнымъ домохозяевамъ. Въ пунктѣ 5 б. ст. 15, значительно видоизмѣненномъ закономъ 14 декабря 1893 г., сказано, что „общество можетъ продавать участки земли, находящіяся въ общинномъ владѣніи, не иначе, какъ по засвидѣтельствованному міровымъ посредникомъ (нынѣ, понятно, земскимъ начальникомъ) приговору двухъ третей членовъ общества, имѣющихъ право голоса на сходѣ; вырученныя за проданныя земли деньги обращаются въ казну, и вмѣстѣ съ тѣмъ окладъ оброчной съ общества подати (нынѣ—выкупныхъ пла-

тежей) уменьшается въ размѣрѣ пяти копѣекъ на каждый рубль поступившей въ казну продажной суммы. По закону 14 декабря 1893 г., обязательному для крестьянъ всѣхъ наименованій, для отчужденія цѣлымъ обществомъ участка земли, если его стоимость не превышаетъ пятисотъ рублей, требуется утвержденіе приговора губернскимъ присутствіемъ, а при продажѣ земли на большія суммы—разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ финансовъ, а въ надлежащихъ случаяхъ и съ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Что же касается полученныхъ отъ продажи суммъ, то въ отношеніи ихъ, очевидно, продолжаютъ дѣйствовать прежніе, неотмѣненные законы, въ такомъ числѣ и п. 5 б. ст. 15 Положенія о госуд. крестьянахъ.

Вотъ и все, что можно найти въ нашемъ законодательствѣ объ „общинномъ землевладѣніи“. Многія изъ этихъ статей при „кодификаціи“ 1902 г. исключены.

III. Толкованія Сената.

Если законодатель, признавъ общинное пользование институтомъ обычнаго права, до 1893 г. воздерживался отъ регламентаціи внутреннихъ отношеній, порождаемыхъ этимъ институтомъ, то Правительствующій Сенатъ, какъ это вполнѣ по-

нятно, не могъ поступать такимъ же образомъ. Жизнь стучала въ двери Сената, отдѣльные споры доходили до высшаго законотолковательнаго учрежденія, которое не могло оставить ихъ безъ разсмотрѣнія, не могло уклониться отъ своей обязанности разъяснить законъ. Если законодатель только въ 1893 г. установилъ необходимую для cadaго передѣла общинной земли срочность, то жизнь уже давно знала этотъ институтъ срочныхъ передѣловъ. Существованіе его возбуждало много вопросовъ, во главѣ которыхъ шелъ вопросъ объ обязательности для самой общины соблюденія установленнаго мірскимъ приговоромъ срока передѣла. Въ правѣ ли въ такомъ случаѣ сельское общество постановить новый приговоръ объ общемъ передѣлѣ ранѣ истеченія срока стараго? Такой вопросъ поступилъ на разрѣшеніе Перваго общаго собранія Правительствующаго Сената въ засѣданіяхъ 27 января и 27 октября 1889 г. № 123 (Гор., т. I, 97—100). Рѣшеніе вопроса зависѣло отъ того, на какую принципиальную точку зрѣнія станетъ Сенатъ при выясненіи сущности передѣла. Что такое передѣлъ? Есть ли это договорный актъ между сельскимъ обществомъ (въ смыслѣ общины) и его членами, или же это простое дѣйствіе юридическаго лица и, какъ таковое, обязательное для извѣстнаго круга лицъ? Въ послѣднемъ случаѣ сельское общество является ли сувереннымъ лицомъ, имѣющимъ право, подобно суверенному государству, самостоятельно, хотя и при соблюденіи извѣстныхъ формъ, отмѣнять свои старыя рѣшенія, даже установленныя на срокъ, или же лицомъ не суве-

реннымъ, не имѣющимъ права самостоятельно отмѣнять свои законно постановленныя на извѣстный срокъ рѣшенія.

Сенать, казалось, рѣшительно высказался за теорію договора. „Приговоръ общества о томъ или другомъ распредѣленіи земли,—говорить онъ,—составляетъ такой актъ, которымъ устанавливаются между обществомъ и его членами опредѣляемые тѣмъ актомъ отношенія по владѣнію землею. Актъ этотъ, какъ всякій другой законный актъ, *не можетъ быть нарушенъ ни одною стороною ни въ чемъ*, что тѣмъ актомъ постановлено. Если сельскимъ обществомъ постановленъ приговоръ о раздѣлѣ между его членами общинной земли на опредѣленный срокъ, то этимъ приговоромъ устанавливается для членовъ общества право пользоваться предоставленными имъ участками въ теченіе всего того срока, а на общество возлагается обязанность охранять это право и не дѣлать новаго общаго передѣла до окончанія того срока. Признать за обществомъ право приступать къ общему передѣлу земли до истеченія установленнаго закономъ срока—значило бы признать за нимъ право не исполнять принятой имъ на себя обязанности; такое толкованіе правъ сельскаго схода повело бы не къ огражденію самостоятельности сельскаго общества, какъ юридическаго лица, въ качествѣ собственника земли общиннаго пользованія, а къ нарушенію законности, послѣдовательности и правильности въ дѣйствіяхъ его юридическаго органа—сельскаго схода“. Кромѣ этихъ юридическихъ основаній, требующихъ необходимо признанія ненарушимости заключен-

наго между сторонами договора, существуютъ, по мнѣнію Сената, еще и основанія хозяйственныя, такъ какъ только при этой ненарушимости крестьянинъ можетъ воспользоваться плодами своихъ работъ и спокойно трудиться, „не подвергаясь постоянному опасенію лишиться этихъ плодовъ вслѣдствіе неожиданнаго передѣла общественной земли“. Твердо держась основаній принятой договорной теоріи, первое общее собраніе Прав. Сената нашло, что измѣненіе въ порядкѣ пользования землей при вышеупомянутомъ условіи (передѣлъ на срокъ) не можетъ быть допущено иначе, какъ съ согласія всѣхъ членовъ общества, и что, въ противномъ случаѣ, это измѣненіе, какъ нарушающее законныя права отдѣльныхъ членовъ общества и обязательство, по отношенію къ нимъ принятое на себя обществомъ, не можетъ быть признано законнымъ и обязательнымъ для членовъ, не соглашающихся на его принятіе“. Это постановленіе вполне логично. Сила договора основывается на согласіи воль лицъ, его заключившихъ. И если всѣ лица, заключившія договоръ, изъявляютъ желаніе измѣнить его до окончанія срока, такое измѣненіе можетъ воспослѣдовать; если же какая-либо изъ сторонъ такого согласія не изъявляетъ, то договоръ долженъ оставаться какъ онъ былъ, и измѣнить его дѣйствіемъ своей односторонней воли никто не имѣетъ права. Прав. Сенатъ, требуя личности „согласія всѣхъ членовъ общества“, проводитъ договорную теорію до ея крайнихъ логическихъ выводовъ. Тѣмъ удивительнѣе отступленіе отъ этой теоріи, допущенное Сенатомъ въ концѣ

разсматриваемаго рѣшенія. „Не допуская такимъ образомъ,—говорится въ концѣ сенатскаго рѣшенія,— по силѣ дѣйствующихъ узаконеній о крестьянахъ возможности коренного измѣненія постановленныхъ на извѣстный срокъ и приведенныхъ уже въ исполненіе приговоровъ сельскихъ сходовъ относительно общихъ передѣловъ земли до истеченія показаннаго въ нихъ срока и безъ согласія на то всѣхъ крестьянъ, пользующихся землей на основаніи приговора, общее собраніе признало, что въ означенный промежутокъ времени, т. е. до окончанія срока, на который произведенъ общій передѣлъ земли, сельскій сходъ имѣетъ право дѣлать частные передѣлы земли въ силу 6 п. 51 ст. Общ. Пол., т. е. производить накладку и скидку тяголъ между отдѣльными своими членами въ виду измѣнившихся у нихъ обстоятельствъ, на примѣръ, въ виду увеличенія или уменьшенія наличнаго состава семействъ и т. п., если эти частные передѣлы являются необходимыми для поддержанія и осуществленія на дѣлѣ неизмѣнности тѣхъ общихъ основаній порядка пользованія землей, которыя установлены приговоромъ объ общемъ передѣлѣ земли на извѣстный срокъ“. Но вѣдь это уже совершенно особыя основанія, не имѣющія рѣшительно ничего общаго съ началомъ нескрушимости договора, приводившимся Сенатомъ выше. Общество предоставило домохозяину на опредѣленный срокъ извѣстный участокъ земли. Какія бы измѣненія въ семейномъ положеніи этого домохозяина ни происходили, общество, безъ его согласія, до истеченія условленнаго срока, *въ силу*

обязательности договора не может отнять у него ни куска земли изъ его участка: „Права и обязанности, устанавливаемые этими приговорами,—говорит Сенать въ томъ же рѣшеніи,—должны быть такъ же тверды и непоколебимы, какъ права и обязанности, установленныя всякимъ другимъ законнымъ актомъ“. Но что за рѣчь можетъ идти о непоколебимости правъ, когда они ставятся въ зависимость отъ такого совершенно посторонняго сути договорныхъ отношеній обстоятельства, какъ рожденіе или смерть ребенка? Не подлежитъ сомнѣнію, что въ концѣ рѣшенія Сенать отказался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и во главу угла поставилъ не начало „твердости и непоколебимости“ правъ, вытекающихъ изъ договорнаго отношенія, а начало „поддержанія и осуществленія на дѣлѣ неизмѣнности тѣхъ общихъ основаній порядка пользованія землей, которыя установлены приговоромъ объ общемъ передѣлѣ земли на извѣстный срокъ“.

Взглядъ, по которому въ основаніи передѣла лежатъ договорныя отношенія, съ юридической точки зрѣнія не выдерживаетъ никакой критики. Приговоръ о передѣлѣ постановляется большинствомъ двухъ третей лицъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ; одна треть, такимъ образомъ, можетъ и не соглашаться на принятіе отведенныхъ ей обществомъ по условіямъ приговора участковъ земли и все-таки должна будетъ принять ихъ и отбывать всѣ лежащія на нихъ повинности. Какое же здѣсь согласіе воли заключающихъ договоръ лицъ? Гдѣ основанія для признанія наличности дого-

вора? Всякій договоръ имѣеть свою causa. Какая causa имѣется въ данномъ случаѣ, если передъ нами договоръ? Сельское общество обязано „охранять право членовъ пользоваться въ теченіе опредѣленнаго срока землей“. Члены имѣють это право пользованія. Какое же у общества эквивалентное этому право? Право отвести своимъ членамъ опредѣленные участки на опредѣленный срокъ? Получается какой-то странный договоръ, малоизвѣстный въ гражданскомъ правѣ. Очевидно, здѣсь нѣтъ договора, заключеннаго между сельскимъ сходомъ, какъ юридическимъ органомъ „юридическаго лица“, т. е. сельскаго общества, и составляющими это общество членами, а есть нѣчто другое, именно: односторонній актъ сельскаго общества, непоколебимость и законность котораго должна опираться на другія основанія, лежащія внѣ согласія воли договаривающихся сторонъ.

Такъ по крайней мѣрѣ взглянулъ на вопросъ законъ о передѣлахъ 8 іюня 1893 года. Передѣлъ признанъ одностороннимъ актомъ сельскаго общества, обязательнымъ, если онъ законно постановленъ, для всѣхъ членовъ. Новый передѣлъ не можетъ быть произведенъ ранѣ истеченія срока стараго не потому, что этому противится воля одной изъ договаривающихся сторонъ, а вслѣдствіе того, что государство не предоставляетъ подчиненнымъ физическимъ и юридическимъ лицамъ права самовольно отмѣнять законно постановленные рѣшенія. Досрочный новый передѣлъ возможенъ „въ исключительныхъ случаяхъ“, но для производства его требуется не согласіе *всѣхъ* чле-

новъ общества, пользующихся землей, а дозволеніе правительства (губернскаго присутствія), причемъ этотъ новый приговоръ долженъ быть постановленъ обычнымъ путемъ, даже помимо воли одной трети крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ. Право сельскаго схода производить частные передѣлы ограничено закономъ точно опредѣленными рамками. Само осуществленіе передѣла, выборъ для него основаній не предоставленъ вполнѣ свободному усмотрѣнію схода, а ограниченъ нѣкоторыми условіями. Взглядъ на общину, какъ на юридическое лицо, а на передѣлъ, какъ на дѣйствіе его юридическаго органа, сельскаго схода, обязательное для общинниковъ, проведенъ въ законѣ послѣдовательно; насколько онъ основателенъ съ юридической точки зрѣнія — будетъ разсмотрѣно въ дальнѣйшихъ главахъ. Признать за общиной право самовольно отмѣнять свои постановленные на опредѣленный срокъ приговоры раньше истеченія этого срока — значило бы признать общину суверенной единицей.

Корень сенатскихъ противорѣчій лежитъ очень глубоко. Сенатъ всегда признавалъ, что при общинномъ землепользованіи единственнымъ настоящимъ субъектомъ правъ является юридическое лицо, сельское общество, отождествляемое съ общиной; права же членовъ общины — суть права производныя, дарованныя имъ сельскимъ обществомъ. Казалось бы, съ этой точки зрѣнія, рѣшеніе всѣхъ споровъ между общиной и общинниками не представляетъ никакихъ затрудненій. Слѣдуетъ каждый вопросъ предоставить вѣдѣнію

сельскаго схода и, если онъ уже раньше не постановилъ рѣшенія, отмѣнить которое теперь не властенъ, то какъ выскажутся по поднятому вопросу двѣ трети лицъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ, такъ оно и должно быть *по праву*. Но Сенатъ ясно чувствовалъ, что это противорѣчило бы началамъ законности и справедливости, и попытался выйти изъ затрудненія при помощи теоріи договора, обязательнаго для обѣихъ сторонъ, такъ какъ изъ доходившихъ до него дѣлъ усматривалъ, что и члены сельскаго общества при общинномъ землепользованіи имѣютъ свои особья права, какія-то права требованія (по Сенату), что и они являются субъектами правъ. Предстояло разрѣшить весьма существенный вопросъ, кто же при общинномъ землепользованіи можетъ явиться, кромѣ общества, субъектомъ правъ, каково происхожденіе этихъ правъ, каковы ихъ объемъ и характеръ. Съ точки зрѣнія договорной теоріи все ясно: кому общество предоставитъ по договору эти права, тотъ ихъ и имѣетъ и въ такомъ именно объемѣ, въ какомъ общество ихъ ему предоставило. Но на столь прямолинейномъ выводѣ Сенатъ не остановился. Въ рядѣ отдѣльных рѣшеній Сенатъ попытался дать болѣе обстоятельные отвѣты на эти вопросы.

11 декабря 1891 г. въ рѣшеніи за № 7343 (Гор., т. I, стр. 94) Прав. Сенатъ высказалъ, что *„только члены общества мужского пола имѣютъ безусловное право требовать отъ общества обязательнаго допущенія ихъ къ участию въ пользованіи мірскимъ общиннымъ надѣломъ“*. Такое рѣ-

шеніе было вызвано попытками женщинъ-крестьянокъ добиться признанія за ними права на участіе въ пользованіи общиннымъ надѣломъ. Вопросъ этотъ имѣетъ свою маленькую исторію, которой мы здѣсь слегка и коснемся. Въ 1878 г. дошла до Прав. Сената жалоба крестьянки Тифановой на отнятіе у нея сельскимъ обществомъ двухъ душевыхъ надѣловъ, доставшихся ей послѣ смерти мужа и сына. Сенатъ, принявъ во вниманіе, что „просительница со смерти мужа и сына, въ теченіе десяти лѣтъ, владѣла тою землею безъ всякаго спора со стороны общества, отбывая исправно всѣ за землю повинности и даже участвуя въ собраніяхъ схода наравнѣ съ прочими домохозяевами, что по точной силѣ 6 п. 188 ст. Общ. Полож. общество можетъ отобрать надѣлъ отъ домохозяина лишь въ случаѣ неисправности его въ платежѣ податей и повинностей, и что Положенія о крестьянахъ допускаютъ участіе женщинъ въ качествѣ домохозяевъ (ср. 110 ст. Мѣстн. Полож.), равно предоставляютъ принимать во вниманіе существующіе мѣстные у крестьянъ обычаи (38, 47 и 107 ст. Общ. Полож. и 110 ст. Мѣстн. Полож.), на основаніи которыхъ Тифанова и могла быть терпима въ обществѣ, какъ домохозяйка, за смертью лицъ мужского пола въ ея семействѣ, призналъ распоряженіе сельскаго общества объ изъятіи изъ пользованія Тифановой находившихся у нея въ теченіе многихъ лѣтъ двухъ надѣловъ, перешедшихъ къ ней отъ мужа и сына, несогласнымъ съ приведенными узаконеніями“ (№ 4757. Горем., I, 70). Какъ можно заключить изъ этого

рѣшенія, необходимы три основанія для признанія за женщиной права на надѣль: 1) чтобы женщина была на положеніи домохозяина; 2) чтобы она фактически владѣла землей въ теченіе многихъ лѣтъ, отбывая за нее повинности; десятилѣтній срокъ владѣнія — второстепенная подробность, такъ какъ, по многократнымъ разъясненіямъ Сената, земская давность къ общиннымъ крестьянскимъ землямъ непримѣнима, въ виду отсутствія необходимаго для давности признака владѣнія на правѣ собственности; 3) чтобы существующій обычай признавалъ за женщиной право быть домохозяйкой. Это рѣшеніе было подтверждено Сенатомъ въ 1885 г. (30 мая 1885 г. № 2694. Гор., т. I, 94) по дѣлу Маріи Кулимановой, причемъ единственнымъ основаніемъ для сохраненія за Кулимановой надѣла выставлено то, что она въ теченіе извѣстнаго времени (какого—не сказано) была домохозяйкой и, слѣдовательно, фактически владѣла землей, хотя сходъ въ своемъ постановленіи объ отобраніи у нея надѣла заявилъ, что „владѣть ей надѣльной землей, какъ женщинѣ, не слѣдуетъ“, т. е. высказался за отсутствіе у крестьянъ подобнаго обычая. Въ 1891 г. (рѣш. 11 дек. № 7343. Гор., т. I, стр. 94) Сенатъ высказалъ общее сужденіе по затронутому вопросу. „Женщины, *хотя и могутъ* быть надѣляемы землей на правахъ отдѣльныхъ домохозяевъ, съ возложеніемъ на нихъ отбыванія всѣхъ причитающихся за ихъ надѣлы повинностей, но лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сельскія общества, *по мѣстнымъ условіямъ и обы-*

чаямъ, признають это возможнымъ и допускають. Будучи, такимъ образомъ, однажды надѣлены землей, онѣ могутъ быть обезземеливаемы лишь при накопленіи недоимокъ, *требовать* же обязательнаго надѣленія отъ общества землю, крестьянки, никогда не пользовавшіяся общественною землею на правахъ самостоятельныхъ домохозяевъ, *не имѣютъ никакого права*“. Такимъ образомъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, въ концѣ концовъ Сенатъ удержался на своей прежней точкѣ зрѣнія, что при общинномъ землепользованіи субъектомъ правъ является единственно сельское общество, права же отдѣльныхъ членовъ носятъ производный характеръ. Крестьянки имѣютъ право на землю только тогда, когда общество по мѣстнымъ *условіямъ и обычаямъ* найдетъ возможнымъ имъ ее предоставить. Сенатъ сдѣлалъ только маленькое дополненіе къ этому общему правилу, направленное къ охранѣ фактическаго владѣнія. Если крестьянка получила надѣлъ, то хотя бы это и было противно мѣстнымъ обычаямъ, хотя бы и не соответствовало измѣнившимся „мѣстнымъ условіямъ“, однако отобрать у *этой* крестьянки надѣлъ можно лишь въ силу п. 6 ст. 188 Общ. Пол. о мѣрахъ взысканія недоимокъ. Къ этому принципу охраны фактическаго владѣнія общинной землей, хотя бы оно и не основывалось на опредѣленной правовой нормѣ, Сенатъ прибѣгаетъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Такъ, по дѣлу Хватова и Алекина (8 янв. 1888 г. № 31. Гор., I, 96) Сенатъ высказалъ, что сельское общество не имѣетъ права обезземеливать тѣхъ изъ

своихъ членовъ, которымъ оно само предоставило право участія въ пользованіи земельными надѣлами, несмотря на то, что они первоначально приняты были въ общество безъ права на надѣль. Единственнымъ основаніемъ для такого рѣшенія признано то, что Хватовъ и Алекинъ владѣли землей болѣе 20 лѣтъ, а „такое продолжительное пользованіе доказывало, что общество согласилось уже послѣ приѣма сихъ крестьянъ на отводъ имъ на дѣла, послѣ чего оно не имѣло уже права на совершенное ихъ обезземеленіе, тѣмъ болѣе, что крестьяне Хватовъ и Алекинъ за надѣль свой выплачивали въ теченіе 20 лѣтъ выкупные платежи наравнѣ съ прочими членами общества“. Рѣшенію Сената нельзя не сочувствовать, но юридическую мотивировку слѣдуетъ признать слабой. Приговоръ на принятіе въ общество безъ права на надѣль не давалъ крестьянамъ Хватову и Алекину, несмотря ни на долговременное фактическое пользованіе землей, ни на взносы выкупныхъ платежей, правъ на земельный участокъ въ обходъ законно выраженной въ первоначальномъ приговорѣ волѣ общества.

Не признавъ правъ женщинъ, Сенатъ однако допустилъ, что *„члены общаго мужского пола имѣютъ безусловное право требовать отъ общества обязательнаго допущенія ихъ къ участію въ пользованіи мірскимъ общиннымъ надѣломъ“*. Всѣ ли члены общества мужского пола? Какимъ условіямъ должны удовлетворять члены сельскаго общества для предъявленія своего „безусловнаго права“ требованія?

Въ дѣлѣ Инчина, за разногласіемъ въ Первомъ общемъ собраніи Прав. Сената, дошедшемъ до Государственнаго Совѣта (Гор., т. I, стр. 62—64), мы находимъ отвѣтъ на поставленный вопросъ. „Одинъ платежъ повинностей,—сказано въ рѣшеніи,—не присвоаетъ каждому лицу права участія въ общинномъ владѣніи землей... Для права участія въ обществѣ пользованіи мірскою надѣльною землею необходимы слѣдующія условія: а) принадлежность лица къ сословію сельскихъ обывателей; б) состояніе сего лица членомъ того сельскаго общества, которому принадлежитъ земля, и в) отбываніе симъ лицомъ, наравнѣ съ прочими членами общества и за круговою порукою, всѣхъ податей и повинностей. Всѣ эти условія должны существовать совмѣстно и одновременно, и отсутствіе какого либо изъ нихъ лишаетъ права на пользованіе мірскою землею“. Пунктъ б дѣлаетъ вполнѣ излишнимъ пунктъ а: лицо, состоящее членомъ сельскаго общества, несомнѣнно принадлежитъ къ сословію сельскихъ обывателей. Затѣмъ, „одинъ платежъ повинностей не присвоаетъ еще права участія въ общинномъ владѣніи“, а изъ вышецитированнаго дѣла Хватова и Алекина можно было видѣть, что и „состояніе членовъ сельскаго общества“ не всегда влечетъ за собой право на землю. Перечисленные въ рѣшеніи условія нельзя, слѣдовательно, признать дѣйствительно обуславливающими лицу право на участіе въ пользованіи общинной землей. У насъ есть еще другое, болѣе раннее, разъясненіе Сената по тому же вопросу (Рѣш. П. С. 4 ноября 1884 г. № 3488. Гор., т. I, 66):

„Сельскія общества обязаны давать участіе въ пользованіи общественнымъ надѣломъ лишь тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые получили на то право по актамъ земельного устройства (уставнымъ грамотамъ и др.) или по приговорамъ самого общества“. Въ этомъ рѣшеніи нѣтъ той безплодной тавтологіи, которая заключается въ пунктахъ а и б постановленія по дѣлу Инчина (27 мая 1888 г. № 75), и имъ можно было бы вполне удовлетвориться, если бы въ концѣ фразы, очевидно, по простой редакціонной оплошности, не были опущены слова: и ихъ потомкамъ мужского пола, оставшимся членами того же общества. Это перечисленіе условій, необходимыхъ для права участія въ пользованіи общинной землей, рѣзко разнится отъ перваго полнымъ умолчаніемъ объ „отбываніи симъ лицомъ всѣхъ податей и повинностей“. И съ логической стороны это умолчаніе нельзя не признать вполне основательнымъ. Участіе въ сельскомъ обществѣ на правахъ члена обуславливаетъ собою отбываніе извѣстныхъ повинностей, участіе въ правѣ пользованія общинной землей обуславливаетъ отбываніе платежей, падающихъ на эту землю. Отбываніе податей и повинностей является само „обусловленнымъ“ указанными фактами, а не „обуславливающимъ“ ихъ. Зачисленіе отбыванія податей и повинностей въ число условій, необходимыхъ для права участія въ пользованіи общинной землей, — очевидная логическая ошибка. Интересно разслѣдовать, гдѣ корень этой ошибки. „При общинномъ пользованіи землей, — читаемъ въ другихъ сенатскихъ рѣшеніяхъ (1884 г.

№ 171 и № 456. Гор., I, 93), — сельскій сходъ не въ правѣ лишать кого-либо изъ своихъ членовъ права на одинаковое съ прочими участіе въ пользованіи земельнымъ надѣломъ и можетъ отбирать отъ своихъ членовъ, какъ при общемъ передѣлѣ, такъ и при скидкѣ и накладкѣ тяголь, только часть ихъ надѣловъ; весь же полевой надѣлъ обществу въ правѣ отобрать лишь при накопленіи недоимокъ и то лишь при безуспѣшности другихъ мѣръ для взысканія ихъ“. 1 марта того же 1884 г. (рѣш. № 1049. Гор., I, 332) Пр. Сенатъ дополнилъ свое толкованіе: „Сельскому обществу предоставлено право отбирать отъ неисправныхъ плательщиковъ полевой надѣлъ *только временно*, въ видѣ мѣры понужденія неисправныхъ плательщиковъ къ исправному отбыванію лежащихъ на нихъ казенныхъ и мірскихъ повинностей, права же лишать кого-либо изъ своихъ членовъ участія въ пользованіи землей навсегда сельскому обществу закономъ не предоставлено“. Нигдѣ нельзя яснѣе, чѣмъ на этомъ примѣрѣ, прослѣдить всю ту цѣпь недоразумѣній, къ которымъ приводитъ допущенное у насъ юридическое смѣшеніе двухъ институтовъ: общины и сельскаго общества.

Отбываніе всѣми крестьянами казенныхъ, земскихъ и мірскихъ повинностей обезпечено было по Положеніямъ 19 фѣвраля круговымъ ручательствомъ членовъ сельскаго общества другъ за друга. Пунктъ 6 ст. 188 Общ. Пол. даетъ сельскому обществу право „отобрать у недоимщика часть отведенныхъ ему угодій и даже весь его полевой надѣлъ“. Это административно-карательное право,

предоставленное сельскому обществу, может коснуться всѣхъ крестьянъ, подлежащихъ круговой порукѣ, владѣющихъ какъ на общинномъ правѣ, такъ и подворно ¹⁾). Такимъ образомъ, ничего специфически общиннаго въ ст. 188 нѣтъ, но благодаря ошибочному отождествленію общины съ сельскимъ обществомъ указанная статья и получила значеніе одного изъ условій, опредѣляющихъ право участія въ пользованіи общинной землей. Простой и ясный смыслъ статьи, что сельское общество *въ видѣ административно-карательной мѣры* имѣетъ право отнять у недоимщика его надѣль, неизбѣжно долженъ былъ получить истолкованіе въ томъ смыслѣ, что сельское общество, какъ община, имѣетъ право лишать по ст. 188 своихъ членовъ-недоимщиковъ (а слѣдовательно и ихъ потомство) права на участіе въ общинномъ землепользованіи. Непосредственное чутье указывало Сенату на недопустимость подобнаго положенія, но, не имѣя возможности устранить коренную ошибку нашего законодательства, Сенатъ принужденъ былъ избрать окольный путь. Онъ нашелъ, что законъ предоставляетъ обществу право только временно отбирать надѣлы у недоимщиковъ, а не навсегда лишать ихъ права на землю. Но гдѣ этотъ законъ? Его не существуетъ. Въ п. 6 ст. 188 говорится прямо и рѣшительно: „отобрать“—

¹⁾ По закону 23 іюня 1899 г. круговой порукѣ подлежали только крестьяне селеній съ общиннымъ землепользованіемъ имѣвшихъ надѣль не менѣе, чѣмъ на 60 ревизскихъ душъ. Крестьяне-подворники отъ круговой поруки избавлены. Въ настоящее время круговая порука совершенно отмѣнена по закону

и только. О растяжимости слова „временно“ нечего и говорить: подъ этимъ можно разумѣть годъ, пять, десять и сто лѣтъ ¹⁾).

Иллюстрируемъ это положеніе примѣромъ изъ жизни. Состоялся передѣлъ общинной земли на 12 лѣтъ. По прошествіи шести лѣтъ сельское общество, какъ административная единица, принимаетъ въ отношеніи къ одному изъ общинниковъ указанную въ п. 6 ст. 188 карательную мѣру и отбираетъ у него надѣлъ. Спустя еще 6 лѣтъ, при новомъ передѣлѣ земли, имѣетъ ли наказанный членъ общества право требовать „одинаковаго съ прочими участія въ надѣлѣ“, или же нѣтъ? Если онъ былъ

¹⁾ На практикѣ указанное недоразумѣніе повело къ тому, что у насъ и при общинномъ землепользованіи въ настоящее время въ селахъ существуетъ много крестьянъ, лишенныхъ надѣла. Объясненіе общества, что эти крестьяне лишены надѣла „лишь временно“ въ силу п. 6 ст. 188 Общ. Пол., не дозволяетъ имъ добиваться осуществленія своихъ правъ на землю. По закону 23 іюня 1899 г. „временный“ срокъ этого отобранія надѣла былъ опредѣленъ точно въ три года, причемъ дозволяется повторное примѣненіе этой мѣры. Теперь уже совершенно невозможно отрицать, что отобраніе надѣла есть простая карательно-административная мѣра, не имѣющая ничего общаго съ сущностью общиннаго землепользованія. Съ отмѣной этой мѣры послѣ уничтоженія круговой поруки сельское общество окончательно лишится права посягать на земельныя права крестьянъ-общинниковъ, и ошибочность мнѣнія, что только сельское общество является истиннымъ субъектомъ правъ, права же членовъ общины носятъ производный характеръ, сдѣлается очевиднымъ для всѣхъ. Нынѣ сельскому административному органу предоставлено лишь право сдавать участокъ недоимщика-общинника съ торговъ въ срочную аренду, чѣмъ косвенно признано „особое право“ общинника.

лишенъ земли „временно“, то почему этотъ срокъ кончается теперь, а не черезъ годъ, когда передѣлять общинную землю будетъ уже невозможно? Вотъ вопросы, которыхъ сенатское разъясненіе совершенно не разъясняетъ¹⁾).

Итакъ, требованіе отбыванія податей и повинностей слѣдуетъ устранить изъ числа условій, необходимыхъ для предъявленія права на участіе въ общинной землѣ. Этимъ правомъ обладаютъ безусловно всѣ члены сельскаго общества мужскаго пола, лично или отъ предковъ своихъ получившіе такое право по актамъ земельного устройства. Имѣютъ такое право также и незаконнорожденные, которые, какъ разъяснилъ Сенатъ (Рѣш. 11 іюня 1885 г. № 2908. Гер., I, 279), „суть вообще члены тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежали матери ихъ во время ихъ рожденія, и пользуются земельнымъ надѣломъ наравнѣ со всѣми членами общества, къ коему они принадлежатъ; выходятъ вполнѣдствіи матери незаконнорожденнаго въ замужество за крестьянина другого общества не влечетъ за собою причисленія незаконнорожденнаго въ то общество, къ которому принадлежитъ мужъ ихъ матери“. Такими предѣлами очерчивается кругъ лицъ, имѣющихъ безусловное право пользованія общинной надѣльной землей. Но въ 1885 г.

¹⁾ Не разъяснилъ ихъ и законъ 23 іюня 1899 г. Если примѣненіе указанной мѣры—отобранія надѣла—произойдетъ за два года до общаго передѣла, то идетъ ли этотъ отнятый участокъ въ передѣляемую массу, или нѣтъ? Должно ли общество оставить про запасъ участокъ для надѣленія наказаннаго члена по истеченіи срока?

Пр. Сенатъ выставилъ еще одно условіе, которому долженъ удовлетворять крестьянинъ, домогающійся участка общинной земли. По дѣлу Самаркина (1885 г. № 3900. Гор., I, 95) было рѣшено, что общество въ правѣ не надѣлять полевой землей тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые, отсутствуя изъ мѣста своего жительства, осѣдлости въ обществѣ не имѣютъ, хозяйства въ немъ не ведутъ, впредь до возвращенія ихъ въ общество на жительство и обзаведенія хозяйствомъ. Право это въ 1885 г. мотивировалось тѣмъ, что общество, „являясь собственникомъ земли, отвѣтственнымъ въ платежѣ за нее податей и повинностей, въ правѣ принимать мѣры не только къ равномерному ея распределенію между членами общества, но и къ сохраненію ея хозяйственной способности, обезпечивающей исправное отбываніе за нее повинностей, къ коимъ относится и принятая въ настоящемъ дѣлѣ обществомъ мѣра въ отношеніи предоставленія отдѣльнымъ членамъ общества въ пользованіе земли подъ условіемъ обработки ея и веденія хозяйства“. Въ 1887 году, высказываясь по аналогичному же дѣлу Сопина (№ 3696. Гор., I, 95—96), Сенатъ приводитъ уже другія основанія въ пользу своего взгляда. „Согласно дѣйствующимъ положеніямъ о крестьянахъ, — говоритъ Сенатъ, — въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ общинное пользованіе крестьянъ землею, общество не лишено права распорядиться по своему усмотрѣнію полевымъ земельнымъ надѣломъ и cadaго изъ своихъ членовъ, который съ семействомъ своимъ не проживаетъ въ обществѣ, причемъ означенный членъ

общества, по возвращеніи своемъ, въ правѣ лишь требовать надѣленія его, наравнѣ съ прочими, землею, что общество обязано сдѣлать“. Къ сожалѣнію, ссылка на дѣйствующія положенія о крестьянахъ сдѣлана здѣсь въ очень общей формѣ: не обозначено точно, о какихъ именно узаконеніяхъ говорится, да и сдѣлать это было, повидимому, не легко, *такъ какъ подобныя узаконенія въ наличности не имѣются*. Изъ того же положенія, что въ законѣ не содержится категорическаго запрещенія сельскому обществу отбирать у членовъ надѣлы въ указанномъ случаѣ, никоимъ образомъ нельзя вывести заключенія, что общество обладаетъ этимъ правомъ. Чтобы признать за сельскимъ обществомъ столь важное право, какъ право лишать отсутствующихъ крестьянъ ихъ надѣла, необходимо ясное указаніе закона, а не одно только умолчаніе.

Установивъ необходимость, для осуществленія крестьянами ихъ правъ на землю, личнаго пребыванія въ мѣстѣ жительства и веденія хозяйства, Сенатъ въ скоромъ времени (11 мая 1889 г. № 2548. Гор., I, 96) спѣшитъ сдѣлать весьма характерную оговорку, что „приведенное разъясненіе *непримѣнимо* однако къ тѣмъ случаямъ, когда общество не пользуется землей само, а сдаетъ оную въ аренду. Въ подобныхъ случаяхъ права всѣхъ членовъ этого общества, какъ проживающихъ въ ономъ, такъ и отсутствующихъ — одинаковы“. Но почему существуетъ такая разница? На какое законное основаніе она опирается? Если сельское общество является,—какъ думаетъ Сенатъ,—единымъ соб-

ственникомъ общинной земли, то оно же является и собственникомъ получаемой за землю арендной платы, ея эквивалента. Между тѣмъ при непосредственномъ пользованіи общинной землей права членовъ имѣютъ одинъ характеръ, а по отношенію къ арендной платѣ за ту же землю—другой. Неужели же надѣльная земля, когда она находится въ непосредственномъ пользованіи общинниковъ, представляетъ для сельскаго общества особый, спеціальный, отличный отъ другихъ, видъ имущества? Сенатъ, отождествляющій „право сельскаго общества“ съ „общиннымъ правомъ“, ясно не могъ этого высказать, но означенное рѣшеніе несомнѣнно указываетъ, что подобныя сомнѣнія не миновали и Сената. „Общинное право“ дѣлаетъ здѣсь одну изъ самыхъ энергичныхъ попытокъ пробиться, хотя бы при помощи сенатскихъ толкованій, черезъ окружающую и давящую его со всѣхъ сторонъ пелену правъ, принадлежащихъ или приписанныхъ сельскому обществу, какъ административно-хозяйственной единицѣ. Но приѣмъ, употребленный Сенатомъ для того, чтобы добиться удовлетворительныхъ результатовъ, приводитъ къ лишенному всякаго законнаго основанія признанію за членами одного и того же общества различныхъ правъ на одно и то же имущество, въ зависимости отъ способа эксплуатаціи этого имущества.

Теперь будетъ вполне уместно коснуться, наконецъ, одного постановленія нашего закона, о которомъ до сихъ поръ мы намѣренно умалчивали. Постановленіе это можетъ пролить много свѣта на сущность „общиннаго права“ и на под-

нятый вопросъ о правахъ членовъ общины. Законъ нашъ нигдѣ не опредѣляетъ этихъ правъ, но въ приложенныхъ къ ст. 141 Общ. Пол. „Правилахъ объ устройствѣ быта отставныхъ и безсрочно отпускныхъ нижнихъ чиновъ“, въ статьѣ 18 сказано: „безсрочно-отпускные и отставные нижніе чины, поступившіе изъ сельскихъ обществъ въ военную службу послѣ X ревизіи, а равно и тѣ, которые поступаютъ въ оную послѣ изданія настоящихъ правилъ, возвращаясь въ свои общества, вступаютъ въ пользованіе *всѣми принадлежащими имъ въ сельскомъ обществѣ правами, и въ томъ числѣ правомъ на участіе въ пользованіи отведенною въ надѣль обществу мірскою землею, усадебною и полевой, на одинаковомъ съ прочими членами общества основаніи, подчиняясь существующимъ на сей предметъ въ каждомъ обществѣ обычаямъ и порядку*“. А по ст. 26-ой тѣхъ же правилъ, если имѣвшій надѣль изъ общественной земли пойдетъ на службу, то его жена и дѣти, если ушедшій жилъ особымъ домомъ и хозяйствомъ, имѣютъ право, буде пожелаютъ, „удержать въ своемъ пользованіи весь состоявшій за поступившимъ на службу надѣль или часть онаго“. Указанныя статьи вызвали слѣдующія разъясненія Сената: „Хотя по силѣ ст. 18 прил. къ ст. 141 (прим.) Общ. Полож. безсрочно-отпускные и отставные нижніе чины, поступившіе въ военную службу послѣ X ревизіи, по возвращеніи изъ оной въ свои общества имѣютъ право на обязательное надѣленіе ихъ землею общиннаго пользованія, несмотря на неимѣніе ими таковой

земли до поступленія на военную службу, но означеннымъ правомъ могутъ пользоваться лишь тѣ изъ упомянутыхъ нижнихъ чиновъ, кои, возвратясь въ свои общества, останутся въ оныхъ на постоянное мѣстожителство“ (Рѣш. П. С. 5 сент. 1889 г. № 4365. Гор., I, 273). Эти статьи вмѣстѣ съ сенатскимъ толкованіемъ имѣютъ существенное значеніе для выясненія характера общиннаго землевладѣнія. Законъ для одного разряда лицъ, „устройство быта“ которыхъ его интересуеть, подробнѣе опредѣляетъ ихъ права, вытекающія изъ предоставленнаго имъ права участія въ общинномъ пользованіи землей. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что этими законоположеніями въ средѣ общинниковъ создается особый разрядъ привилегированныхъ лицъ, обладающихъ бѣльшими правами, чѣмъ прочіе крестьяне-однообщественники. Гораздо правдоподобнѣе предположеніе, что законодатель хотѣлъ предоставить бывшимъ солдатамъ тѣ же права, которыми владѣютъ и прочіе однообщественники, и оформилъ эти права особымъ законодательнымъ актомъ только потому, что желалъ укрѣпить ихъ и сдѣлать болѣе прочными. Да и самый текстъ закона опредѣленно свидѣтельствуеть объ этомъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что на практикѣ Сенату пришлось отказаться отъ мысли, будто при общинномъ пользованіи субъектомъ правъ является лишь сельское общество, какъ юридическое лицо; *пришлось признать нѣкоторыя права и за общинниками.* Но при опредѣленіи какъ круга лицъ, пользующихся этими правами, такъ

и самихъ правъ, Сенатъ пришелъ къ противорѣчивымъ выводамъ, явившимся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ юридическаго отождествленія общины и сельскаго общества, и сдѣлалъ нѣсколько попытокъ опредѣлить и кругъ лицъ, владѣющихъ землей на общинномъ правѣ, и само содержаніе этого права изъ фискальныхъ правъ и обязанностей сельскаго общества, какъ административно-хозяйственнаго органа. Съ уничтоженіемъ круговой поруки основанія этихъ опредѣленій лишились всякой законной опоры.

Остается только выяснить, каковъ, по мнѣнію Сената, характеръ этого предоставленнаго общинникамъ права и каковъ его объемъ. Какъ высказано во множествѣ сенатскихъ рѣшеній, право это сводится къ „праву участія въ пользованіи общинной землей“. Почти всегда Сенатъ опредѣляетъ, что это право должно быть „одинаковое“, „равное“ для всѣхъ общинниковъ (1884, № 171. Гор., I, 93); отнимать землю у отдѣльныхъ домохозяевъ при частныхъ передѣлахъ дозволительно лишь „для уравниенія землевладѣнія при измѣненіи состава рабочихъ силъ и потребностей въ землѣ отдѣльныхъ семей“ (1885, № 5532. Гор. I, 97. Первое общ. собр. 1889 г., № 123 и т. д.).

Сенатъ, какъ мы видѣли выше, требуетъ отъ лицъ, предъявляющихъ права на участіе въ пользованіи общинной землей, чтобы они жили на мѣстѣ нахождения общинной земли и вели свое хозяйство. Членъ общины можетъ отдавать свой участокъ въ аренду постороннему лицу не иначе, какъ съ дозволенія міра (Рѣш. общ. собр. 1, 2 и

Касс. деп. 16 марта 1887 г. № 9). Но основаніемъ для такого вывода служить Сенату не свойство общиннаго землевладѣнія, а преимущественно фискальныя обязанности, возложенныя на членовъ сельскаго общества, обязанныхъ круговой отвѣтственностью другъ за друга. Въ какой мѣрѣ опасно на основаніи круговой поруки строить какія-либо заключенія о правахъ крестьянъ, лучше всего доказывается рѣшеніемъ Пр. Сената отъ 12 ноября 1891 г. за № 6484 (Гор., I, 120). Сенать нашелъ, что сельское общество имѣетъ право воспретить своимъ членамъ такое отчужденіе принадлежащаго имъ имущества, „которое не вызывается *разумною* потребностью и можетъ привести общество къ необходимости содержать семейство разстроившаго свое хозяйство домохозяина... и *впослѣдствіи* ввести общество въ убытки по платежу повинностей, обезпеченныхъ круговой порукой“. Рѣшеніе Сената относится не только къ недвижимому, но и къ движимому имуществу, заставляетъ сельское общество смотрѣть за много лѣтъ впередъ и равносильно полному лишенію крестьянъ правъ частной собственности на какое бы то ни было имущество. Очевидно, слишкомъ широкое толкованіе круговой отвѣтственности приведетъ къ тому, что отдѣльные крестьяне будутъ лишены всякихъ правъ, сельскому же обществу, такъ какъ оно отвѣтственно передъ правительствомъ за исправное отбываніе податей и повинностей, предоставлено будетъ по своему усмотрѣнію распоряжаться всѣмъ крестьянскимъ имуществомъ.

Само право пользованія общинной землей подлежит тоже извѣстнымъ ограниченіямъ. Сельское общество, — по мнѣнію Сената, выраженному въ рѣшеніи отъ 10 сент. 1891 г. № 4791 (Гор., I, стр. 100), имѣетъ „право вмѣшательства въ хозяйственную обработку и способы культуры, производимые отдѣльными домохозяевами на ихъ надѣльныхъ участкахъ мірской полевой земли“. Основаніемъ, въ силу котораго Сенатомъ присвоится обществу такое право, служить тоже соображеніе фискальнаго свойства. „Являясь собственникомъ земли и отвѣчая за нее въ платежѣ податей и повинностей, общество несомнѣнно должно быть признано имѣющимъ право принимать мѣры къ сохраненію ея производительности, и, слѣдовательно, обществу принадлежитъ наблюденіе за надлежащимъ и наиболѣе соответствующимъ его интересамъ пользованіемъ отдѣльными домохозяевами отведенными имъ въ пользованіе участками мірской земли“. И только въ концѣ рѣшенія, на второмъ планѣ, Сенатъ замѣчаетъ, что „право это должно быть предоставлено еще и потому, что при производимыхъ при общинномъ землевладѣніи передѣлахъ, истощенный участокъ земли можетъ достаться другому домохозяину“; но и здѣсь Сенатъ считаетъ долгомъ добавить: „который вслѣдствіе сего можетъ оказаться несостоятельнымъ ко взносу причитающихся на его долю повинностей“. Такимъ образомъ, *Сенатъ въ разрѣшеніи различныхъ вопросовъ, такъ или иначе связанныхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ, исходитъ не изъ юридическаго*

понятія общиннаго землепользованія, общиннаго права и вытекающихъ отсюда правъ и обязанностей, а изъ ответственности сельскаго общества за исправное отбываніе податей и повинностей, обезпеченное круговой порукой всѣхъ членовъ общества другъ за друга. Неудивительно поэтому, что вопросъ объ юридической природѣ общиннаго землевладѣнія, несмотря на существованіе многихъ весьма обстоятельныхъ сенатскихъ толкованій, остался совершенно невыясненнымъ.

Законъ о передѣлахъ 8 іюня 1893 г. оставилъ также не разъясненнымъ вопросъ, кто является субъектомъ правъ при общинномъ пользованіи и каковъ объемъ этихъ правъ. Являются ли субъектами правъ члены общества, отдѣльные домохозяева, обоихъ ли половъ, каковы права отсутствующихъ, въ какомъ отношеніи право одного члена общества находится къ праву другого, поддается ли оно переуступкѣ, въ какой мѣрѣ свободно право пользованія — все это и теперь вопросы, поставленные жизнью, но закономъ не разрѣшенные.

IV. Теоріи русскихъ юристовъ.

Мы разсмотрѣли общія опредѣленія общиннаго землевладѣнія, данныя закономъ и Правительствующимъ Сенатомъ, разобрали всѣ частныя законодательныя постановленія, дополненныя сенатскими толкованіями и разъясненіями, касаю-

щіся такъ или иначе общиннаго землевладѣнія. Теперь, прежде чѣмъ приступить къ попыткамъ дать юридическую конструкцію этого института, намъ необходимо, хотя бы въ общихъ чертахъ, познакомиться со взглядами на этотъ вопросъ нашихъ цивилистовъ. *Юридическая* литература по общинному землевладѣнію очень небогата. Просматривая эту небольшую литературу, нельзя не замѣтить, что основными вопросами, занимавшими умъ юристовъ, изслѣдовавшихъ природу общиннаго землевладѣнія, были два слѣдующіе: 1) находить ли этотъ институтъ для себя подходящее мѣсто въ системѣ институтовъ римскаго права и 2) является ли общинное владѣніе владѣніемъ юридическаго лица? Особенно второй вопросъ оказался для изслѣдователей роковымъ. О него, какъ о пень, лежащій на дорогѣ, спотыкались самыя остроумныя теоріи. Отношеніемъ къ этому вопросу характеризуются и взгляды нашихъ ученыхъ на общинное землевладѣніе. И если мы попробуемъ классифицировать ученыхъ цивилистовъ, высказывавшихся объ юридической природѣ общиннаго землевладѣнія, по тому, какое отношеніе находили они между общиннымъ владѣніемъ и владѣніемъ юридическаго лица, то увидимъ, что ихъ можно раздѣлить на три категоріи. Одни прямо признаютъ, что владѣніе общинное есть владѣніе юридическаго лица (Мейеръ, Гольмстенъ, Анненковъ); другіе видятъ, что есть какая-то разница между общиннымъ землевладѣніемъ и отношеніями, вытекающими изъ правъ юридическаго лица, что простое утвердительное

рѣшеніе вопроса влечетъ за собой много недоумѣній, но не находятъ нужнымъ на нихъ долго останавливаться (Шершеневичъ, отчасти Пахманъ); третьи, наконецъ, прямо или косвенно отрицая тождественность общиннаго землевладѣнія съ владѣніемъ юридическаго лица, дѣлаютъ разнообразныя попытки дать этому институту ту или другую юридическую конструкцію (Пахманъ, Кавелинъ, Лешковъ, Побѣдоносцевъ).

Во главѣ ученыхъ первой категоріи стоитъ Д. И. Мейеръ ¹⁾. Мейеру не приходилось спеціально работать надъ общиннымъ землевладѣніемъ, и нѣсколько строкъ, посвященныхъ имъ этому предмету въ своихъ лекціяхъ, брошены какъ бы случайно, мимоходомъ. Но любопытно, что уже Мейеръ какъ бы предвидѣлъ возможность той удивительной ошибки, въ которую впалъ Сенатъ, смѣшавъ общее владѣніе съ общественнымъ, съ владѣніемъ общества какъ юридическаго лица, и съ большимъ талантомъ выяснилъ отличіе одного отъ другого. „Право собственности, — говорилъ Мейеръ, — представляется отдѣльнымъ, когда принадлежитъ одному лицу, и общимъ, когда принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ. Но не во всѣхъ случаяхъ, когда представляется отношеніе двухъ или болѣе лицъ къ вещи, представляется общее право собственности. Такъ, право собственности юридическаго лица, совокупности лицъ, представляется отдѣльнымъ, а не общимъ, ибо

¹⁾ Д. И. Мейеръ. „Русское гражданское право съ дополненіями А. Х. Гольмстена“. Спб., изд. 1897 г.

хотя держателями юридического лица, совокупности лицъ, является множество лицъ, но субъектомъ права собственности по вещи, принадлежащей юридическому лицу, является одно лицо — юридическое лицо, отдѣльные же члены совокупности не считаются собственниками вещи... Нѣтъ общей собственности, когда нѣсколько лицъ сообща владѣютъ и пользуются вещью, а право собственности надъ ней принадлежитъ одному лицу. Напр., отдѣльные крестьяне владѣютъ и пользуются сообща отведенною имъ землею, но право собственности на эту землю принадлежитъ общинѣ, какъ юридическому лицу, на правѣ отдѣльной собственности“ (стр. 282). Къ этому вскользь брошенному замѣчанію Д. И. Мейера редактировавшей изданіе его лекцій А. Х. Гольмстенъ счелъ нужнымъ сдѣлать слѣдующее добавленіе: „Къ характернымъ чертамъ общиннаго владѣнія относятся: а) принадлежность земли на правѣ собственности (а иногда и на правѣ владѣнія) общинѣ, хотя право собственности ея и ограничено относительно распоряженія — она можетъ продать надѣльную землю лишь при согласіи $\frac{2}{3}$ числа членовъ и съ разрѣшенія правительства, но безусловно не можетъ ее заложить (зак. 14 дек. 1893 г. Собр. уз. 1894 г. № 15); б) отдѣльнымъ членамъ общины принадлежитъ лишь право пользованія, иногда соединенное и съ владѣніемъ, причемъ это право можетъ быть отчуждено лишь лицамъ, приписаннымъ къ сельскимъ обществамъ, а закладывать надѣльную землю безусловно запрещается; с) право пользо-

ванія принадлежитъ члену общины, какъ домохозяйину, представителю „двора“ и d) право пользования, принадлежащее членамъ общины, различно по различію назначенія имущества, какъ предмета общиннаго землевладѣнія; такъ, надо различать: а) усадебную землю — она состоитъ въ наслѣдственномъ пользованіи и владѣніи члена общины, все же на ней построенное, разведенное и т. п. составляетъ его собственность; б) пахатную, землю — она распредѣляется между членами общины различно: или по числу взрослыхъ работниковъ, или по числу душъ, причитающихся на дворъ, или по числу работниковъ и душъ, т. е. душевая доля помножается на число работниковъ двора и т. п. (стр. 282).

Д. И. Мейеръ обосновывалъ свой взглядъ общей идеей, но никакой идеи нельзя подмѣтить въ несистематическомъ, вполнѣ случайномъ спискѣ „характерныхъ чертъ общиннаго владѣнія“, составленномъ г. Гольмстенемъ. Если г. Гольмстенъ желалъ перечислить постановленія закона объ общинномъ землевладѣніи, то онъ перечислилъ далеко не всѣ и опустилъ нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ и характерныхъ. Если онъ желалъ собрать нормы обычнаго права, то и эту задачу ему выполнить не удалось. Къ тому же г. Гольмстенъ допустилъ нѣкоторыя курьезы и прямыя ошибки. Такъ, утверждая, что земля принадлежитъ общинѣ на правѣ собственности, онъ находитъ, что это ея право собственности ограничено относительно распоряженія, ограничено, между прочимъ, тѣмъ, что для продажи земли нужно

согласіе двухъ третей числа членовъ. Но развѣ это требованіе можно считать ограниченіемъ права распоряженія. Требованіе $\frac{2}{3}$ голосовъ — *право* условіе законности общественнаго приговора, конститутивное условіе, при которомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ только и можетъ функціонировать органъ юридическаго лица. Но какую связь усмотрѣлъ г. Гольмстенъ между этимъ условіемъ и ограниченіемъ принадлежащаго юридическому лицу права собственности на землю — понять трудно. Вѣдь и для передѣла, общаго и частнаго, и для принудительной обработки и для сдачи земли въ аренду — нуженъ приговоръ, постановленный большинствомъ двухъ третей, — значить и относительно этихъ предметовъ права общины слѣдуетъ считать ограниченными?! На какомъ основаніи г. Гольмстенъ думаетъ, что полноправнымъ является лишь то юридическое лицо, которое постановляетъ рѣшенія по простому большинству, а юридическія лица, признающія принципъ квалифицированнаго большинства, въ правахъ своихъ ограничены? Между тѣмъ и другимъ не замѣчается никакой логической связи. Затѣмъ, любопытно бы узнать, откуда г. Гольмстенъ заимствовалъ свой пунктъ b, по которому *отдѣльные* члены общины *могутъ* передавать — допустимъ, „лишь лицамъ, приписаннымъ къ сельскимъ обществамъ“ — свое „право пользованія“? Въ законѣ мы встрѣчаемъ нѣчто иное. „Право на участіе въ общемъ владѣннн собственности, пріобрѣтенною обществомъ, — говоритъ ст. 34 Общ. Пол., — каждый крестьянинъ отдѣльно

можетъ уступить постороннему лицу не иначе, какъ съ согласія міра“. См. также ст. 164 Пол. о вык. Что означаетъ въ устахъ г. Гольмстена фраза: „отдѣльнымъ членамъ общины принадлежить лишь право пользованія, иногда соединенное съ владѣніемъ“? Что хочетъ сказать этимъ г. Гольмстенъ? Если подѣ владѣніемъ, отдѣльнымъ отъ пользованія, онъ разумѣетъ пожизненное и наслѣдственное владѣніе, то, очевидно, онъ говоритъ не объ общинномъ землевладѣніи, а о подворномъ. На мысль о томъ, что г. Гольмстенъ не различаетъ этихъ двухъ институтовъ, наводитъ и его утвержденіе, будто бы своими усадьбами крестьяне владѣютъ тоже на общинномъ правѣ.

Замѣчаніями Д. И. Мейера о невозможности смѣшивать общее владѣніе съ владѣніемъ юридическаго лица воспользовался г. Анненковъ ¹⁾, указавшій на ошибочность мнѣнія Сената, признавашаго общинное владѣніе за особый видъ общаго владѣнія (т. II, стр. 91). Самъ г. Анненковъ полагаетъ, что „при общинномъ владѣніи земельный надѣлъ общества долженъ считаться имуществомъ общественнымъ, а не частнымъ“ (т. I, стр. 330), но къ разсмотрѣнію юридической природы общиннаго землевладѣнія, какъ особаго института, г. Анненковъ даже не подошелъ, очевидно, не видя въ немъ ничего особеннаго.

Гораздо внимательнѣе и серьезнѣе гг. Гольм-

¹⁾ К. Анненковъ. „Система русскаго гражданскаго права“, тт. I и II.

стена и Анненкова отнесся къ вопросу тотъ ученый, у котораго г. Гольмстенъ заимствовалъ свои общія и частныя положенія, г. Пахманъ, еще въ 1877 году пытавшійся дать юридическое опредѣленіе общиннаго землевладѣнія¹⁾. Г. Пахманъ говоритъ, что „всякая община, какъ корпорація, преслѣдуетъ въ своей сферѣ тѣ же цѣли, какія свойственны самому государству: подобно послѣднему, она имѣетъ своею задачей осуществленіе всѣхъ необходимыхъ условій благосостоянія членовъ“. Какъ увидимъ ниже, въ этомъ сближеніи общины съ государствомъ сказывается вліяніе проф. Лешкова, но заслуга г. Пахмана въ томъ, что онъ не уклонился съ пути и опредѣленно указалъ на ту дорогу, которой надо держаться при юридическомъ изслѣдованіи вопроса. Нельзя смѣшивать, — писалъ онъ, — хозяйственной и административной стороны общины; первая, собственно говоря, и „сводится къ общинному землевладѣнію“. Правда, въ дѣйствительной жизни „податная система, опека общины надъ отдѣльными ея членами, и въ особенности круговая порука—все это сплелось какъ бы въ одну систему съ общиной поземельной. Все имущество и личный трудъ членовъ общины важны для нея лишь настолько, насколько ими обезпечивается исправное отбываніе податей и повинностей; если нѣтъ, то община, мѣръ, вторгнется въ среду частнаго хозяйства и уничтожаетъ даже частныя сдѣлки, сами по себѣ дозволенныя“

¹⁾ С. В. Пахманъ, „Обычное гражданское право въ Россіи“. Спб. 1877 г., т. I

(стр. 3—4). Изъ разбора законоположеній объ общинномъ пользованіи и, въ особенности, сенатскихъ къ нимъ разъясненій мы могли убѣдиться, какъ много правды въ словахъ г. Пахмана. Но юристъ, желающій изслѣдовать юридическую природу общиннаго землевладѣнія, не можетъ останавливаться на этихъ соображеніяхъ. Умѣлою рукой долженъ онъ устранить всѣ стороннія примѣси, всѣ наносные элементы, обнаружить юридическій стержень института, если таковой имѣется въ дѣйствительности. Г. Пахманъ это отлично понимаетъ и пытается дать „опредѣленіе понятія общиннаго владѣнія, какъ одной изъ юридическихъ формъ имущественныхъ правъ“. „Общинное владѣніе,—говоритъ г. Пахманъ,—есть та форма имущественныхъ правъ, въ силу которой право владѣнія и пользованія даннымъ пространствомъ земли принадлежитъ самой общинѣ, какъ собственнику или владѣльцу земли, причемъ каждому члену ея, какъ домохозяину, предоставляется въ ней или право пользованія, соединеннаго съ владѣніемъ, или же одно право пользованія“. Отсюда вытекаютъ и слѣдующія главныя черты общиннаго владѣнія: 1) право на землю принадлежитъ прежде всего самой общинѣ какъ хозяйственной единицѣ, „какъ *самостоятельному*, т. е. отдѣльному отъ ея членовъ, *субъекту права*“; отсутствіе у общины права собственности на общинную землю не препятствуетъ землевладѣнію быть общиннымъ; 2) на-ряду съ самой общиной, какъ самостоятельнымъ субъектомъ права на землю, право на нее принадлежитъ и отдѣльнымъ членамъ общины.

Имъ принадлежить во всякомъ случаѣ лишь право пользованія землей, будетъ ли сама община собственницей, или нѣтъ. „Говоря юридически,—замѣчаетъ г. Пахманъ,—члены ея пользуются землей *лишь* въ силу предоставленія такого права со стороны общины, такъ что въ этомъ смыслѣ они осуществляютъ лишь права, принадлежащія самой общинѣ“ (стр. 13). Кажется, сказано довольно ясно: права членовъ общины суть права производныя, предоставленныя имъ общиной, самостоятельнымъ субъектомъ правъ. Но г. Пахманъ слишкомъ добросовѣстный и проникательный изслѣдователь, чтобы не видѣть трещины, проходящей насквозь черезъ построенное имъ зданіе, и нѣсколькими строками ниже онъ самъ это признаетъ. Конецъ его рѣчи звучитъ какъ похоронный звонъ для всей теоріи. „Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ,—дополняетъ г. Пахманъ свое опредѣленіе,—чтобы община могла, говоря вообще, устранить членовъ своихъ отъ права пользованія землей, такъ какъ *право ихъ на землю и составляетъ само по себѣ коренной и существенный элементъ общиннаго владѣнія*, здѣсь же идетъ лишь рѣчь объ юридической, формальной связи между правами на одинъ и тотъ же объектъ, принадлежащими общинѣ и ея членамъ“. Послѣдняя фраза очень загадочна. Означаетъ ли она, что *по праву, de jure*, община можетъ устранять по произволу своихъ членовъ отъ участія въ пользованіи землей, *въ дѣйствительности же, de facto*, не можетъ, или что другое,—понять трудно. Несомнѣнно одно, что утвержденіе, будто права членовъ являются производ-

ными, доставшимися имъ *лишь* въ силу предоставленія такого права со стороны общины“, совершенно не согласуется съ положеніемъ, по которому права членовъ и составляютъ „коренной и существенный элементъ общиннаго владѣнія“. Передъ юристомъ стоитъ дилемма: надо выбрать одно или другое. Принять оба взаимно исключаящія другъ друга предположенія невозможно.

Такая же дилемма предстала и передъ проф. Шершеневичемъ, но онъ отнесся къ этому обстоятельству довольно равнодушно ¹⁾. Еще г. Пахмана интересовалъ вопросъ, можетъ ли быть названо общинное владѣніе владѣніемъ на правѣ собственности. Прямого отвѣта на этотъ вопросъ онъ не далъ, но склонился къ отвѣту положительному. „Извѣстно,—писалъ онъ въ своей книгѣ „Обычное гражданское право“,—что, благодаря позднему развитію понятія о правѣ собственности, оно и понынѣ не установилось даже въ законодательствѣ, такъ что самыя выраженія собственность и владѣніе употребляются большею частью какъ синонимы“. Г. Шершеневичъ поступаетъ рѣшительнѣе. И онъ признаетъ, что „возможно сомнѣніе“, дѣйствительно ли право сельскаго общества на землю есть право собственности (стр. 276). Но сомнѣніе устраняется имъ довольно скоро. „Необходимо признать,—заявляетъ онъ уже на стр. 278 своего „Учебника“,—несмотря на всѣ неясности закона, что право сельскаго общества на землю

¹⁾ Г. Ф. Шершеневичъ, „Учебникъ русскаго гражданскаго права“. Казань. 96 г. 2-ое изд.

есть право собственности“. Къ сожалѣнію, изданіе закона 14 декабря 1893 г., по поводу котораго самъ Государственный Совѣтъ заявилъ, что имъ „нѣсколько сужено право полной собственности крестьянъ“ (Гор., т. I, стр. 566) не дозволяетъ намъ признать то, что по мнѣнію г. Шершеневича, „необходимо признать“. Есть къ тому и иныя основанія, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Рѣшивъ, что право общины есть право собственности, г. Шершеневичъ, единственный изъ русскихъ ученыхъ, вездѣ говорить объ „общинной собственности“, озаглавивъ даже такимъ образомъ относящійся къ общинному пользованію параграфъ своего учебника. „Общинной собственностью,—пишетъ г. Шершеневичъ,—или, по терминологіи нашего закона, общиннымъ владѣніемъ называется право собственности на землю, принадлежащее сельскому обществу, отдѣльные члены котораго имѣютъ только право пользованія. Общинная собственность характеризуется слѣдующими признаками: а) субъектомъ права собственности является сельское общество, какъ юридическое лицо; б) объектомъ права собственности можетъ быть лишь недвижимость, и притомъ только земля, находящаяся внѣ черты города или мѣстечекъ; в) членамъ сельскаго общества принадлежитъ пользованіе землею или сообща, или особо на отведенномъ каждому участкѣ“ (стр. 274). „Но если признаемъ, что право принадлежитъ сельскому обществу, какъ юридическому лицу, мы все же не устранимъ нѣкоторыхъ недоразумѣній. Съ правомъ сельскаго общества на землю, какъ юридическаго лица, не согласуется право отдѣльнаго

члена общества требовать выдѣла ему участка, такъ какъ ему не принадлежитъ какая-либо доля, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто въ правѣ общей собственности“ (стр. 276).

Г. Шершеневичъ облегчилъ себѣ задачу, насколько было возможно, и даже болѣе того. Онъ рѣшилъ заранѣе, что вопросъ не выходитъ за предѣлы институтовъ системы римскаго права. Предъ нами право собственности,—слѣдуетъ установить только, кому оно принадлежитъ, есть ли то право юридическаго лица, или же право общей собственности—*tertium non datur*. При такой постановкѣ вопроса изслѣдователь, конечно, можетъ совершенно не интересоваться характеромъ правъ отдѣльныхъ членовъ этого предустановленнаго юридическаго лица. Вопросъ о юридическомъ значеніи передѣла поэтому не затрагивается, равно какъ и о томъ, имѣетъ ли община право не надѣлать своего члена землей и т. д. Замѣтимъ также, что напрасно г. Шершеневичъ „терминологіей нашего закона“ считаетъ выраженіе „общинное владѣніе“. Это—терминологія Сената, которой законъ слѣдуетъ крайне рѣдко. Законъ почти всегда употребляетъ терминъ „общинное пользованіе“, и, если бы г. Шершеневичъ вдумался поглубже хотя бы въ одно это обстоятельство, онъ не рѣшалъ бы столь категорически самыхъ трудныхъ вопросовъ. Не мѣшало бы ему обратить вниманіе и на часто употребляемый Общимъ Положеніемъ терминъ „общая собственность“ въ связи со значеніемъ ст. 36 Общ. Пол. Но и такъ, впрочемъ, г. Шершеневичъ не смогъ „устранить нѣко-

торыхъ недоразумѣній“. Его смутило право крестьянъ требовать выдѣла, неизвѣстно только по какой статьѣ. Если по ст. 165 Пол. о вык., то послѣ пріостановки въ 1893 г. дѣйствія второй половины этой статьи, это „недоразумѣніе“ слѣдуетъ признать на половину устраненнымъ. Если же г. Шершеневича смущаетъ право требовать выдѣла, предоставленное крестьянамъ по окончаніи выкупа статьей 36 Общ. Пол., то это „недоразумѣніе“ таковымъ и остается, какъ и многія другія, неразрѣшенныя, а лишь обойденныя г. Шершеневичемъ, недоразумѣнія.

На рубежѣ между учеными, смотрящими на общинное владѣніе, какъ на простое владѣніе (а то и собственность) юридического лица, и тѣми, которые ищутъ новыхъ путей, стоитъ К. Д. Кавелинъ¹⁾. Еще въ 1859 г. Кавелинъ чуть ли не первый изъ нашихъ юристовъ, задолго до Пахмана, указалъ на ошибочность смѣшенія хозяйственной и административной общины. Въ то же время онъ утверждалъ, что общинное землевладѣніе представляетъ „особливый гражданскій институтъ, не похожій на всѣ извѣстные доселѣ и всего менѣе на личную собственность“. Но въ то же время Кавелинъ не могъ отказаться отъ мысли, что это есть владѣніе юридического лица. Подробнѣе опредѣляя въ 1877 г. этотъ особливый гражданскій институтъ, Кавелинъ говоритъ: „Подъ общиннымъ вла-

¹⁾ К. Д. Кавелинъ. Собраніе сочиненій. СПб. 1898 г., т. II. Статьи: „Взглядъ на русскую сельскую общину“—1859 г.— „Общинное владѣніе“.—„Поземельная община въ древней и новой Россіи“.

дѣніемъ разумѣется владѣніе недвижимымъ имуществомъ, принадлежащее обществу домохозяевъ, которые распоряжаются и пользуются имъ по взаимному между собой соглашенію. По отношенію къ общинному владѣнію общество домохозяевъ есть *юридическое лицо особаго рода*, представляемое не большинствомъ ихъ, а совокупностью всѣхъ. Вслѣдствіе того каждое распоряженіе имуществомъ, состоящимъ въ общинномъ владѣніи, предполагаетъ *согласіе всѣхъ домохозяевъ*“ (стр. 228—229). Кавелинъ отлично понималъ, что юристъ признаетъ невыслымымъ существованіе юридическаго лица, въ рѣшеніяхъ своихъ долженствующаго добиваться согласія *всѣхъ* составляющихъ его членовъ; онъ допускалъ возможность того, что „уже и теперь, здѣсь и тамъ, на фактъ *голосъ большинства* подавляетъ меньшинство, не принимая въ соображеніе даже его *законныхъ требованій*“, но онъ все-таки стоитъ на своемъ, доказывая, что по убѣжденію народа „*единогласное* рѣшеніе домохозяевъ есть *непремѣнное* условіе всякаго распоряженія ихъ общиннымъ владѣніемъ“ (стр. 230).

Эти замѣчанія Кавелина, несмотря на ложность его основной посылки, драгоцѣнны для всякаго изслѣдователя общиннаго землевладѣнія. Они чрезвычайно рельефно обнаруживаютъ ошибочность теоріи владѣнія юридическаго лица. Кавелинъ вглядывается въ жизненные отношенія и замѣчаетъ, что въ идеѣ крестьяне для распоряженія общиннымъ владѣніемъ требуютъ *единогласія*. Какъ добросовѣстный изслѣдователь, онъ реги-

стрируетъ этотъ фактъ и заявляетъ, что мы имѣемъ дѣло съ „юридическимъ лицомъ *особаго рода*“. Кавелинъ остановился на поль-дорогѣ: мы имѣемъ дѣло вовсе не съ этимъ; передъ нами типическій образчикъ примѣненія на фактъ началъ обычнаго права, требующаго, какъ извѣстно, наличности юридическаго правосознанія народа. Вотъ это-то требованіе и сказывается въ требованіи единогласія. При общинномъ землевладѣніи община вовсе не является рѣшающимъ органомъ, рѣшенія котораго облакаются въ правовыя формы лишь въ силу единогласія членовъ, нѣтъ — она является органомъ исполнительнымъ, осуществляющимъ то, что велитъ обычное право, живущее въ душѣ народа сознание о правѣ. Единогласіе нужно именно какъ фактъ, доказывающій, что форма выраженія этого правосознанія найдена, опредѣлена и возвѣщена. И если иногда меньшинство подчиняется большинству и фактивно признаетъ себя съ нимъ согласнымъ, то это служитъ лишь свидѣтельствомъ того, что обычное право еще сохранило свою силу. Дѣйствительность указываетъ также, что иногда, правда, въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, меньшинство, опираясь на силу обычнаго права, побѣждаетъ и переубѣждаетъ большинство. Съ развитіемъ и усложненіемъ экономическихъ отношеній теряетъ свою силу и обычное право. Общинное землепользованіе, — какъ признаетъ и самъ законъ, — институтъ обычнаго права.

Эта „ошибка“ Кавелина въ исторіи развитія юридической идеи общиннаго владѣнія имѣетъ

неизмѣримо болѣе важное значеніе, чѣмъ многія банальныя „истины“,—и составляетъ крупную заслугу Кавелина. Но подробности его взгляда на общинное владѣніе свидѣтельствуютъ лишь о томъ, какъ сильно на образованіе возрѣвнѣй Кавелина вліяли политическія событія конца пятидесятихъ годовъ. Въ то время велся извѣстный споръ объ общинѣ. Но какъ признаетъ самъ Кавелинъ, въ силу тогдашнихъ цензурныхъ условій подъ этимъ споромъ крылся другой, важнѣйшій, о надѣленіи или ненадѣленіи крестьянъ землей. Противники надѣленія были въ то же время врагами общины и наоборотъ. Теперь намъ трудно уловить непосредственную логическую связь между этими двумя предметами, но въ то время ее видѣли очень ясно. Враги общиннаго землевладѣнія возставали противъ передѣловъ, какъ тормозящихъ всякую сельско-хозяйственную культуру, и противъ социалистическаго принципа, открытаго ими въ общинномъ владѣніи. Кавелинъ, хотя и утверждалъ, что „разсмотрѣніе юридическихъ основаній общиннаго землевладѣнія даетъ намъ возможность глубже вникнуть въ сущность этого любопытнаго учрежденія“ (стр. 176), но на самомъ дѣлѣ юридическимъ анализомъ общиннаго землевладѣнія интересовался мало, стремясь лишь пользоваться отдѣльными юридическими положеніями для защиты народнаго учрежденія отъ его враговъ. Нужно сознаться, что эта защита получила довольно странный видъ: Кавелинъ, по нѣмецкой поговоркѣ, вмѣстѣ съ грязной водой выплеснулъ изъ ванны самого ребенка.

„Юридически, — говоритъ Кавелинъ, — общинное владѣніе опредѣляется слѣдующими положеніями: 1) членъ общины не имѣетъ права собственности на отведенный ему земляной пай, а лишь право владѣнія и пользованія; поэтому онъ не можетъ отчуждать его ни при жизни, ни на случай смерти, ни закладывать, ни передавать по наслѣдству; 2) владѣніе и пользованіе общинною землею неразрывно связано съ постоянной осѣдлостью въ общинѣ; 3) владѣніе и пользованіе общинною землею соединено съ отправленіемъ извѣстныхъ податей и повинностей и есть *пожизненное*“ (?) (стр. 170). Эти три основныя положенія далеко не главныя, не исчерпывающія и не всегда характерныя, Кавелинъ дополняетъ собранными безъ всякой системы второстепенными частными правилами, заимствованными то изъ закона, то изъ обычнаго права разныхъ областей, и заключаетъ: „Всѣ эти положенія существуютъ въ дѣйствительности и частью держатся обычаемъ, частью перешли въ законъ. Разсматривая ихъ по-одиночкѣ, можно подмѣтить сходство ихъ то съ тою, то съ другою формою землевладѣнія, выработанными римскимъ правомъ и законодательствами новыхъ христіанскихъ народовъ, но взятыя въ совокупности, они представляютъ особый гражданскій институтъ, не похожій на всѣ извѣстныя доселѣ и всего менѣе на личную собственность. Какъ же послѣ этого не сказать, что общинное землевладѣніе можетъ сохраниться, несмотря на прекращеніе передѣловъ, устраненіе черезполосицы и *отмѣну права каждаго изъ членовъ общины*

на равный надѣлъ земель!.. Общинное землевладѣніе не представляетъ, за *устраненіемъ названныхъ выше* несущественныхъ (!) его принадлежностей, ни одного положенія, которое бы не подходило подѣ правила любого гражданскаго права, наиболѣе благопріятствующаго личной свободѣ“ (стр. 170—171). Заключительный выводъ, къ которому приходитъ Кавелинъ, еще любопытнѣе. По его мнѣнію, съ измѣненіемъ дѣйствующей нынѣ административной и финансовою системы и гражданскихъ правъ крестьянъ (статья Кавелина писана еще до 19 февраля 1861 г.), съ прекращеніемъ передѣловъ общинной земли и права каждаго члена общины на полученіе изъ нея участка наравнѣ со всѣми прочими, „владѣніе и пользованіе общинными землями перейдетъ мало-помалу въ пожизненное арендное содержаніе, которое при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть и наследственнымъ“ (стр. 176).

Куда же, спрашивается, скрылся „особливый гражданскій институтъ“? Пожизненная или наследственная аренда — довольно извѣстные виды аренды, но общинному владѣнію здѣсь дѣлать нечего... Въ качествѣ „несущественныхъ принадлежностей“ Кавелинъ устранилъ изъ общиннаго владѣнія все то, что именно и придавало ему особую, оригинальную фیزیономію. Странность методологическаго приѣма Кавелина получить свое объясненіе, если мы вспомнимъ, что при освобожденіи крестьянъ защитники общины однимъ изъ главныхъ своихъ аргументовъ считали

сравненіе общиннаго владѣнія съ различными видами аренды ¹⁾).

Статьи В. Лешкова объ общинномъ владѣніи составляютъ едва ли не самую цѣнную работу въ этой отрасли юридическихъ изслѣдованій ²⁾). Лешковъ сдѣлалъ попытку дать очень оригинальную конструкцію общиннаго землевладѣнія, или, вѣрнѣе, двѣ конструкціи. Въ 1868 году онъ писалъ, что „наше общинное владѣніе не есть то владѣніе, *possessio*, которое обыкновенно противопоставляется собственности, *dominium*, или вообще праву и которое состоитъ въ одномъ фактическомъ отношеніи лица къ предмету; напротивъ, *наше общинное владѣніе есть само право на землю, только особое право, общинное*, въ отличіе отъ извѣстнаго личнаго права, такъ называемаго владѣнія вѣчнаго, т. е. по вѣкъ и по смерть хозяина, и потомственнаго или принадлежащаго роду и нисходящимъ хозяина, вотчинника“ (I, стр. 70). Лешковъ первый изъ русскихъ ученыхъ высказалъ здѣсь ту мысль, что общинное владѣніе есть право, и притомъ въ отличіе отъ личнаго (*по характеру, а не по субъекту права*) общинное право, что мы имѣемъ дѣло

¹⁾ Этотъ аргументъ не потерялъ въ ихъ глазахъ своей силы даже долгое время спустя. Такъ, извѣстная диссертация А. Постникова „Общинное землевладѣніе“ опирается главнымъ образомъ на тотъ же самый доводъ, выставленный въ концѣ 50-хъ годовъ славянофилами, Кавелинымъ, Чернышевскимъ.

²⁾ I. В. Лешковъ, „О владѣніи общинномъ“. „Юрид. Вѣстникъ“, 1867—1868 г. № 6. — II. В. Лешковъ, „О частномъ по-земельномъ правѣ“. „Юрид. Вѣстникъ“, 1871 г., книжка 2-ая, май.

съ владѣніемъ на общинномъ правѣ (терминъ, употребленный впослѣдствіи и закономъ). Предстояло далѣе рѣшить, кто же является субъектомъ этого права и каковы объемъ права, его характерныя черты. Необходимо также отмѣтить, что въ 1868 году Лешковъ вскользь заявилъ, что „общественное владѣніе“ противоположно „общинному“, такъ какъ первое „никогда не подлежитъ раздѣлу между лицами“, второе же „*постоянно дробится на участки*“. Подъ „общественнымъ владѣніемъ“ здѣсь нельзя разумѣть ничего другого, кромѣ владѣнія общества, какъ юридическаго лица. Но эта мысль не была до конца продумана г. Лешковымъ, и впослѣдствіи онъ совершенно забылъ о ней. Лешковъ различалъ два вида общиннаго владѣнія: 1) общинное владѣніе общины и 2) общинное владѣніе членовъ, или частное общинное владѣніе. „Общинное владѣніе сообщаетъ общинѣ полнѣйшую власть на ея земли и не только право собственности, но господство, *dominium*, и даже хотя частью *imperium* въ формѣ управленія посредствомъ сходовъ“ (I, стр. 75). Община имѣетъ несомнѣнно исключительную власть во всѣхъ своихъ владѣніяхъ или земляхъ, равно какъ власть неограниченную, какъ всякій личный собственникъ, до предѣловъ собственной пользы. Община можетъ дѣлать всякаго рода распоряженія „за исключеніемъ подобныхъ немислимыхъ распоряженій“, какъ, напр., „продать всю свою землю“. Эти взгляды Лешкова представляютъ шагъ назадъ въ сравненіи съ Кавелинымъ, который уже умѣлъ различать общину администра-

тивную отъ частно-правнаго общиннаго земле-
владѣнія. Лешковъ же смѣшиваетъ то и другое,
придаетъ общинѣ такія права, какихъ она ни-
когда не имѣла, вродѣ *impregium*, и отнимаетъ тѣ,
которыми она обладаетъ. Такъ, „немыслимое рас-
поряженіе“, вродѣ продажи всей земли, — для
общины, если признать ее, какъ поступаетъ Леш-
ковъ, юридическимъ лицомъ и отождествить съ
сельскимъ обществомъ, какъ дѣлаетъ законъ, ока-
зывается не только мыслимымъ, но и законнымъ,
нуждающимся лишь въ согласіи правительствен-
ныхъ органовъ. Съ другой стороны, представленіе
г. Лешкова объ общинѣ, какъ о суверенномъ хо-
зяинѣ своей земли, едва ли отвѣчаетъ дѣйстви-
тельности. Понятіе общины смѣшивается съ поня-
тіемъ государства. Исторически это смѣшеніе
можно понять, но наша современность, казалось-
бы, устраняетъ всякую мысль о возможности
такого смѣшенія.

Что касается „общиннаго владѣнія членовъ“,
или „частнаго общиннаго владѣнія“, то, по мнѣнію
Лешкова, оно „существенно отличается отъ вла-
дѣнія общины именно тѣмъ, что у членовъ вла-
дѣніе имѣетъ значеніе *производнаго*, т. е. не пер-
воначальнаго, пріобрѣтеннаго самодѣятельностью
лицъ, а *полученнаго* ими, переданнаго, *даннаго*
имъ отъ общины“ (I, стр. 77). Доказываетъ г. Леш-
ковъ справедливость своего мнѣнія краткимъ, но
выразительнымъ афоризмомъ: „община обязана, а
потому члены имѣютъ права“ (I, стр. 78). Но кто
же обязалъ общину, откуда взялась эта обязан-
ность? Не вслѣдствіе ли того, что „члены имѣютъ

права“, и не придется ли афоризмъ Лешкова слегка переиначить: члены имѣютъ права, а потому община обязана?

Выясненіе характера общиннаго владѣнія, объема этого права, составляетъ самую слабую сторону первой теоріи Лешкова: онъ просто смѣшалъ понятія владѣнія въ частно-правовомъ и публично-правовомъ, государственномъ значеніи. „Общинное владѣніе означаетъ право общины на землю. Въ смыслѣ же правъ употребляются выраженія: владѣнія русскаго народа и государства. Собственность преимущественно выражаетъ особность, отдѣльность, исключительность права, тогда какъ владѣніе, заключая въ себѣ право дѣлать свою волю, означаетъ преимущественно неограниченность права на предметъ. И таково право государства и народа на ихъ землю. Отсюда ясно, что общины, осуществляющія право своего народа на землю въ пространствѣ, имѣютъ надъ ней неограниченное господство, неограниченную волю, неограниченную власть, неограниченное право, по возможности, гораздо болѣе широкое, нежели право собственности“. Очевидно, г. Лешковъ говоритъ вовсе не о владѣніи, какъ частно-правномъ институтѣ. Странно было бы утверждать, что владѣніе, какъ право, напр., пожизненное, обозначаетъ, въ отличіе отъ собственности, неограниченность права на предметъ. Слово „владѣніе“ употреблено г. Лешковымъ въ его государственномъ значеніи сувереннаго права. Этимъ и объясняется, что, признавъ общину юридическимъ лицомъ, Лешковъ въ то же время счелъ „немыслимымъ“ такое ея распоряже-

ніе, какъ продажу всей земли. Для государства, конечно, немислимо продать всю свою государственную територію въ полномъ объемѣ, но для общины, если мы примемъ ее за обыкновенное юридическое лицо, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Ошибочность этого взгляда не ускользнула, очевидно, и отъ самого г. Лешкова. Въ 1871 году онъ выступилъ съ новой теоріей¹⁾. Раньше—мы видѣли—онъ считалъ владѣніе правомъ болѣе полнымъ и неограниченнымъ, чѣмъ собственность, находилъ, что общинное владѣніе сообщаетъ общинѣ не только право собственности, но и *dominium*, и *imperium*. Въ 1871 году г. Лешковъ пришелъ къ той мысли, что „собственность въ землѣ“ вообще „явленіе немислимое“ (стр. 18). „Государству принадлежитъ верховное обладаніе, а народу общественное владѣніе, которое, сообщаясь частнымъ лицамъ, составляетъ въ ихъ рукахъ также владѣніе, разумно нашими предками названное владѣніемъ вѣчнымъ и потомственнымъ. Владѣніе есть то понятіе, которое характеризуетъ право на землю, подобно тому, какъ собственность обозначаетъ нашу власть надъ имуществами“ (стр. 20). Смѣшеніе государственнаго и общиннаго владѣнія тутъ уже устранено, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря сбивчивости терминологіи Лешкова (одно изъ свойствъ его статей) исчезла и проводимая ранѣе разница между общественнымъ, личнымъ и общин-

¹⁾ В. Лешковъ, „О частномъ поземельномъ правѣ“. „Юр. Вѣстн.“, 1871 г., книга 2-ая, май.

нымъ владѣніями и вообще понятіе послѣдняго замутилось. Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ г. Лешкова о немыслимости права собственности на землю. Тутъ есть несомнѣнная игра терминами. По общепринятой терминологіи право собственности на землю отъ права владѣнія отличается наличностью въ первомъ случаѣ права распоряженія, т. е. права самостоятельно и безпрепятственно передавать свое право на землю, въ полномъ объемѣ или частями, другому. Конечно, способы распоряженія землей, въ силу естественныхъ свойствъ объекта, отличны отъ способовъ распоряженія и употребленія другихъ „имуществъ“. Мы физически не можемъ, напримѣръ, уничтожить естественную форму земли, что можемъ сдѣлать съ формой другихъ имуществъ, но этого обстоятельства еще недостаточно для того, чтобы отрицать наличность юридическаго различія между правомъ владѣнія и собственности на землю. Различіе это заключается въ присутствіи или отсутствіи правомѣрной возможности свободно, безпрепятственно, независимо отъ всѣхъ передавать свое право другимъ полностью или по частямъ.

Переходя затѣмъ къ болѣе детальному выясненію общиннаго владѣнія, г. Лешковъ въ 1871 году гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ въ 1868 г., высказывается за то, что субъектъ права въ немъ—юридическое лицо. Но изъ дальнѣйшихъ поясненій оказывается, что это юридическое лицо, какъ и у Кавелина, „особаго рода“. „Существенный смыслъ общиннаго владѣнія,—пишетъ г. Лешковъ,—или этого права на землю состоитъ въ томъ, что тутъ

хозяиномъ земли признается юридическое лицо—сельская община, которая имѣетъ власть распоряжаться землей, отчуждать ее ¹⁾, приобрѣтать, раздѣлять между сочленами, принимать участки ихъ обратно, вновь дѣлить и передѣлять по своему усмотрѣнію. Напротивъ, частные отдѣльные члены общины, имѣя право владѣнія и пользованія участками, которые усвоены имъ отъ общины, сами по себѣ не имѣютъ власти распоряженія ни всею землею общины, ни даже своими участками. Къ этому можно еще добавить болѣе или менѣе общее положеніе, по которому сельская община, надѣленная правомъ распоряженія своею землей, обыкновенно сама ею не пользуется, а предоставляетъ пользованіе своею землей своимъ членамъ или отдѣльнымъ лицамъ и притомъ безмездно, *и притомъ необходимо или обязательно* и, наконецъ, на равномъ правѣ, слѣд. въ равныхъ участкахъ“. Сельская община, по мнѣнію Лешкова, раздваивается на юридическое лицо и его составныхъ членовъ. Въ ней существуютъ два хозяина: одинъ, „съ чистымъ правомъ владѣнія или распоряженія“ и второй—„ближайшіе къ землѣ хозяева со всей полнотою владѣнія и пользованія, лишенные однако же права собственности или распоряженія“. „Хозяинъ здѣсь, выражаясь короче,—заключаетъ г. Лешковъ,— есть *идея*—вѣчная и постоянная община, живые же члены въ данный моментъ суть только владѣльцы, пользующіеся землей

¹⁾ Сравни предыдущее „немыслимое распоряженіе“ о продажѣ всей земли.

и всѣми ея плодами или всѣмъ, что она можетъ дать имъ за ихъ труды и попеченія о хозяйствѣ (стр. 24).

Такимъ образомъ, предоставленіе общиной своимъ членамъ извѣстныхъ правъ на пользова-ніе землей есть явленіе „необходимое и *обязательное*“. Признаніе, что община, какъ юридическое лицо, какъ хозяинъ общинной земли, есть только идея, а не обыкновенное, реально существующее юридическое лицо, имѣющее свои особые органы, отличающееся отъ совокупности своихъ членовъ, составляетъ важный шагъ впередъ. Что же это за идея? Мыслимо ли отвлеченное существованіе идеи какъ юридическаго лица? Не есть ли эта идея просто сознаніе нормъ обычнаго права, присущее членамъ данной общины? Не имѣемъ ли мы вмѣсто юридическаго лица, какъ хозяина общинной земли, просто отдѣльныхъ крестьянъ-домохозяевъ, пользующихся землей „по идеѣ“, на основаніи нормъ обычнаго общиннаго права? Является ли на самомъ дѣлѣ общинное владѣніе владѣніемъ общины, какъ юридическаго лица?

Г. Побѣдоносцевъ, отвѣтивъ на этотъ вопросъ отрицательно, сдѣлалъ еще дальнѣйшій шагъ впередъ въ выработкѣ юридическаго понятія общиннаго землевладѣнія¹⁾. „Отъ общаго владѣнія имуществомъ,—говоритъ г. Побѣдоносцевъ,—отличается общественное или общинное владѣніе²⁾, имѣю-

¹⁾ *В. Побѣдоносцевъ*, „Курсъ гражданскаго права“. Часть 1-я. Спб., изд. 1896 г.

²⁾ Отождествленіе ошибочное, которымъ наша литература

щее совершенно особый характеръ. Этотъ институтъ совершенно неизвѣстенъ римскому праву“. Римляне твердо стояли за принципъ исключительности права: они разъ навсегда рѣшили, что *duo eandem rem in solidum possidere non possunt*, и оттого „въ римскомъ правѣ, гдѣ встрѣчалось владычество двухъ или нѣсколькихъ лицъ надъ одною вещью, тамъ было или *condominium*, при коемъ каждый соучастникъ въ своей идеальной части (*pro indiviso*) все-таки могъ быть исключительнымъ владѣльцемъ, или владѣніе юридическаго лица— *universitas* (стр. 540—541). Общинное владѣніе не подходитъ ни подъ то, ни подъ другое. Оно не есть „общая собственность“. Но въ то же время общинное владѣніе „не есть владѣніе юридическаго лица“. Эту мысль г. Побѣдоносцевъ проводитъ твердо и рѣшительно, безъ какихъ бы то ни было оговорокъ или отступленій. „Есть общественное имущество, — говоритъ онъ, — подлежащее на пользу цѣлой общины, напримѣръ, на улучшение дорогъ, зданій, отдача въ аренду свободныхъ земель и проч., но здѣсь нѣтъ непосредственнаго общественнаго владѣнія; здѣсь община владѣетъ *на себя*, на свою юридическую личность для удовлетворенія потребностей общественныхъ“. Но при общинномъ владѣніи „владѣніе и пользование имуществомъ принадлежитъ всѣмъ физическимъ членамъ общины, поколику они члены ея. Право ихъ не есть право на чужую вещь, но право на собственное имущество; здѣсь община и члены ея по обязана Прав. Сенату, въ скоромъ времени, однако, въ рѣшеніи по дѣлу резешей, отъ него отказавшемуся.

отношенію къ праву сливаются вмѣстѣ, и не община составляетъ субъектъ права, а всѣ члены ея суть субъекты права, и владѣніе общины выражается, обнаруживается не въ чемъ иномъ, а именно во владѣніи всѣхъ ея членовъ“ (стр. 541—542).

Брошенная вскользь и недостаточно продуманная г. Пахманомъ мысль, что «право членовъ на землю и составляетъ само по себѣ коренной и существенный элементъ общиннаго владѣнія», была, такимъ образомъ, воспринята и систематически развита г. Побѣдоносцевымъ. Но установивъ основное положеніе, что субъектомъ права является не община, а ея члены, г. Побѣдоносцевъ не занялся вопросомъ, каковъ положительный характеръ и объемъ этого права. Не былъ также разъясненъ окончательно вопросъ и объ юридическомъ лицѣ, такъ какъ просто выкинуть его за бортъ изъ конструкціи общиннаго владѣнія не представляется возможнымъ. Къ тому же у г. Побѣдоносцева можно еще встрѣтить слѣды смѣшенія общиннаго землевладѣнія, какъ особаго вотчиннаго права, съ административной общиной. Такъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что положеніе 19 февраля оставило обычное общинное землевладѣніе нетронутымъ, г. Побѣдоносцевъ объясняетъ слѣдующимъ соображеніемъ: „Было бы опасно, даже пагубно для государства объявить свободными 20 милліоновъ, не имѣя въ виду готовой формы общежитія, въ которую люди эти могли бы войти немедленно по освобожденіи. Такая форма къ счастью была готова,—форма сельской общины,—но сельская община

немыслима безъ землевладѣнія, безъ поземельнаго фонда“. Въ данномъ случаѣ смѣшеніе общиннаго землевладѣнія съ административной общиной слишкомъ очевидно. Форма общежитія, въ которую должны были войти 20 милліоновъ свободныхъ крестьянъ, есть, очевидно, сельское общество, административная община, по существу не отличающаяся отъ общины городской и всякой иной. Она, конечно, въ ряду другихъ имуществъ, можетъ обладать и поземельнымъ фондомъ, можетъ распоряжаться имъ, какъ ей угодно, но это будетъ общественное владѣніе въ смыслѣ владѣнія юридическаго лица, и съ общиннымъ владѣніемъ, какъ съ особымъ институтомъ гражданскаго права, ничего общаго не имѣетъ. Трудно усмотрѣть логическую связь между этимъ институтомъ и необходимой для крестьянъ „формой общежитія“.

Интересно отмѣтить, что г. Побѣдоносцевъ считаетъ институтъ общиннаго владѣнія лишь переходнымъ къ полной частной собственности. На это указываютъ слѣдующія его слова: „Безправное, по началу, хозяйственное пользованіе крестьянъ землею получило юридическую форму и приняло видъ неотъемлемаго права на непрерывное и оброчное владѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ указаны законные пути этому условному праву для перехода въ безусловное право собственности посредствомъ выкупа“ (стр. 520). Хотя г. Побѣдоносцевъ и не ссылается при этомъ на ст. 36 Общ. Пол. и, быть можетъ, имѣлъ въ виду не прямо общинное пользованіе, а скорѣе обязательныя от-

ношенія къ помѣщику и по выкупу — къ казнѣ¹⁾, но статья 36 Общ. Пол. свидѣтельствуеть о томъ, что взглядъ этотъ и въ примѣненіи къ общинному землевладѣнію опирается на „твердыя основанія закона“.

V. Опредѣленіе общиннаго права.

Работы Пахмана, Кавелина, Лешкова и Побѣдоносцева расчистили дорогу для юридическаго анализа общиннаго землевладѣнія. Остается подвести итоги, поставить точки надъ і, привести все въ систему. Но прежде всего необходимо установить точную и опредѣленную терминологию.

Вслѣдствіе бессистемности сенатскихъ рѣшеній въ области терминологіи царитъ полный хаосъ. Употребляются безразлично самые разнообразныя термины: общинная собственность, общественная собственность, общинное владѣніе, общинное пользование, общественное владѣніе и пользование, община, общинное землевладѣніе, нерѣдко даже въ томъ же смыслѣ общиннаго землевладѣнія говорятъ: общее владѣніе, пользование, общая собственность. Въ предыдущемъ изложеніи мы тоже принуждены были употреблять безразлично эти термины, избѣгая только такихъ явныхъ оши-

¹⁾ Мы цитируемъ „Курсъ“ К. П. Побѣдоносцева по изданію 1896 года, а обязательныя отношенія всецѣло прекращены къ 1 янв. 1887 г., тогда же государственныя крестьяне переведены на выкупъ.

бокъ, какъ смѣшеніе общиннаго владѣнія съ „общимъ“. Но вчитываясь внимательно въ законодательство о крестьянахъ, не трудно замѣтить, что его терминологія имѣетъ болѣе выдержанный характеръ. Терминъ „общинное владѣніе“ употребляется имъ крайне рѣдко, въ огромномъ же большинствѣ случаевъ, почти всегда, говорится объ „общинномъ пользованіи“. И только одинъ разъ, въ статьѣ новѣйшаго происхожденія (прим. 2 къ ст. 129 Пол. о вык.), употреблено выраженіе: „сельское общество крестьянъ-собственниковъ, владѣющихъ мірскою землей на общинномъ правѣ“. Слова „крестьянинъ-собственникъ“ въ нашихъ Положеніяхъ о крестьянахъ имѣютъ свой особый смыслъ. Они не обозначаютъ собственника земли въ подлинномъ смыслѣ слова, а употреблены какъ противоположеніе слову „временно-обязанный крестьянинъ“ и означаютъ крестьянина, переведеннаго на выкупъ, свободнаго отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику.

Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть дѣло только съ тремя употребляемыми закономъ терминами: общинное пользованіе, общинное владѣніе и владѣніе на общинномъ правѣ. Что же означаютъ эти термины? Означаютъ ли они владѣніе и пользованіе общины, т. е. употреблено ли здѣсь прилагательное „общинный“ вмѣсто родительнаго падежа принадлежности, или нѣтъ? Несомнѣнно, что прилагательное „общинное“ не замѣняетъ здѣсь родительнаго принадлежности, а есть простое опредѣлительное прилагательное. Оно указываетъ *не на того, кто владѣетъ* или поль-

зуются, *а не то, какъ* владѣютъ или пользуются. Невѣрное истолкованіе этого термина и заставляло многихъ выдающихся юристовъ искать субъекта правъ непременно въ юридическомъ лицѣ. Какъ на доказательство справедливости нашего взгляда, укажемъ на слѣдующее: 1) по опредѣленію общиннаго пользованія въ прим. къ ст. 113 Мѣстн. Велик. Пол. „общиннымъ пользованіемъ называется то обычное *пользованіе*, при которомъ земли, по приговору міра, передѣляются или распределяются между крестьянами“; пользуются землей, такимъ образомъ, крестьяне, а не община, которая только составляетъ приговоръ о раздѣлѣ или передѣлѣ; 2) въ „правилахъ для составленія и выдачи государственнымъ крестьянамъ владѣнныхъ записей“, въ пунктѣ **в** статьи 8-й, говорится: „въ каждой владѣнной записи должно быть показано... *способъ* владѣнія землей во время составленія записи: *общинный*, участковый, четвертной или мѣшанный“; 3) наконецъ, употребленное закономъ выраженіе „общество крестьянъ, владѣющихъ на общинномъ правѣ“ свидѣтельствуєтъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ опредѣленіи не владѣльца, а способа владѣнія.

Такъ какъ общинное пользованіе есть институтъ обычно-правовой, регламентированный отчасти и закономъ, то вполне основательно именовать его особымъ видомъ права и вмѣсто выраженія „общинное пользованіе“ можно и слѣдуетъ употреблять терминъ „пользованіе на общинномъ правѣ“. Основнымъ терминомъ для обозначенія того института, который обыкновенно

именуется „общиннымъ землевладѣніемъ“, надо считать „пользованіе земель на общинномъ правѣ“, и анализу подлежитъ самое это право.

Разсматривая общинное право, мы, въ противоположность распространенному у насъ убѣжденію, должны признать правильнымъ мнѣніе г. Побѣдоносцева, что это право — не коллективное, а индивидуальное, что субъектомъ права является не община, какъ юридическое лицо, а отдѣльное физическое лицо: крестьянинъ-домохозяинъ, представитель двора ¹⁾. Юридическій стержень общиннаго права, если такъ можно выразиться, составляетъ правомочіе отдѣльнаго лица, а не общины, какъ массовой единицы. Отдѣльный крестьянинъ-домохозяинъ обладаетъ правомъ, правомъ на землю, на опредѣленный участокъ земли въ опредѣленномъ районѣ. Правительствующій Сенатъ, а вслѣдъ за нимъ и г. Побѣдоносець, того мнѣнія, что „въ общинномъ владѣніи физическое лицо не можетъ указать ни на одну количественную часть имущества, которую имѣло бы въ исключительной своей власти“. Съ этимъ положеніемъ нельзя согласиться. При общинномъ правѣ рѣчь можетъ идти только о пользованіи земель. И не подлежитъ сомнѣнію, что при пользованіи на общинномъ правѣ физическое лицо (домохозяинъ), отъ передѣла до передѣла, всегда очень опредѣленно можетъ указать на ту количе-

¹⁾ Дворъ и домохозяинъ — это основныя понятія всѣхъ крестьянскихъ юридическихъ нормъ, между тѣмъ наша юридическая наука только въ послѣднее время приступаетъ къ изученію этихъ институтовъ.

ственную часть имущества (земли), которую онъ имѣетъ въ своемъ исключительномъ пользованіи. При безсрочныхъ передѣлахъ онъ не можетъ только указать срокъ дѣйствія своего права, но при срочныхъ передѣлахъ устраняется и эта неопредѣленность. Но мало того, не только на фактъ, но и въ идеѣ правомочіе субъекта общиннаго права носить всегда опредѣленный характеръ: онъ можетъ указать на районъ, въ которомъ должна находиться его земля, и на размѣръ ея. Тутъ мы подошли къ вопросу объ объемѣ общиннаго права.

Сенатъ, признавъ въ одномъ изъ своихъ рѣшеній, какъ мы видѣли, право за членомъ общины мужского пола требовать себѣ участокъ земли, вездѣ утверждаетъ, что этотъ участокъ долженъ быть ему отведенъ на равныхъ, на одинаковыхъ съ прочими основаніяхъ. Въ приложенныхъ къ ст. 141 Общ. Пол. „Правилахъ объ устройствѣ быта отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ“, законодатель въ ст. 18, дѣлая нижнихъ чиновъ субъектами общиннаго права, признаетъ за ними „право на участіе въ пользованіи отведенною въ надѣлѣ обществу мірскою землей, усадебною и полевою, *на одинаковомъ съ прочими членами общества основаніи*“. Въ образцѣ владѣнныхъ записей, общинное пользованіе характеризуется, какъ уравнительное „по числу ревизскихъ душъ“. Упомянутое про ревизскія души объясняется расчетомъ надѣла при освобожденіи на ревизскія души. На самомъ же дѣлѣ это „одинаковое, равное съ прочими основаніе“ можетъ

основываться на очень разнообразных признаках: на числѣ ревизскихъ душъ, наличныхъ мужскихъ, наличныхъ общихъ, работоспособности, платежеспособности и другихъ, подчасъ очень тонкихъ, трудно уловимыхъ и еще труднѣе опредѣлимыхъ. Но основное условіе, чтобы каждый пользовался землей на одинаковомъ съ прочими основаніи, всегда остается основнымъ, характернымъ моментомъ общиннаго права. Законъ о передѣлахъ 8 іюня 1893 г. весьма осторожно требуетъ въ общей формѣ обозначенія въ приговорѣ о передѣлѣ: „по какому расчету распредѣляется земля между домохозяевами (по душамъ ревизскимъ или наличнымъ, по тягламъ и т. п.)“.

Законъ, какъ мы видѣли, предоставляетъ отставнымъ нижнимъ чинамъ „участіе въ пользованіи“, онъ почти всегда говоритъ о „пользованіи“, и это вполнѣ обдуманно. При общинномъ правѣ рѣчь идетъ именно о пользованіи, а не о владѣніи. Пользованіе землей, какъ право, подразумеваетъ и владѣніе, какъ фактическое состояніе, но „владѣніе, какъ право“, о чемъ толковалъ г. Лешковъ ¹⁾, можетъ быть обособлено отъ пользования, предоставляемого, напримѣръ, за вознагражденіе другимъ лицамъ. Общинное право послѣдняго не допускаетъ: оно дозволяетъ только непосредственное пользованіе. Согласно съ духомъ общиннаго права, Сенатъ въ вышецитированныхъ рѣшеніяхъ разъяснилъ, что правомъ на землю мо-

¹⁾ Современная научная теорія не считаетъ владѣнія правомъ, а только фактомъ.

гутъ вполнѣ воспользоваться только тѣ крестьяне,— въ томъ числѣ и отставные нижніе чины,—которые остаются въ селеніяхъ на постоянное мѣсто-жителство. Правъ также былъ Сенатъ, когда высказался противъ сдачи крестьянами въ аренду участковъ, которыми они пользуются на общинномъ правѣ, хотя при этомъ Сенатъ исходилъ изъ ложныхъ основаній. Требованіе Сената, чтобы на такую аренду испрашивалось согласіе сельскаго общества, есть въ сущности требованіе замѣны одного члена общины другимъ, что по нашему законодательству подлежитъ вѣдѣнію сельскаго общества, какъ административнаго органа. Сенатъ же, какъ извѣстно, взглянулъ на этотъ вопросъ исключительно съ точки зрѣнія обезпеченія интересовъ фиска при круговой порукѣ, т. е. смѣшалъ задачи и стремленія административныхъ органовъ съ юридическимъ вопросомъ общиннаго права, института частно-правового.

Здѣсь уместно будетъ коснуться связи, существующей между круговой порукой и общиннымъ правомъ. Податная система вообще, и частность ея—круговая порука, какъ институтъ публичнаго права, по природѣ своей не могутъ имѣть ничего общаго съ общиннымъ правомъ, какъ институтомъ гражданско-правовымъ, а тѣмъ болѣе входить въ опредѣленіе его въ качествѣ составнаго элемента, хотя это смѣшеніе и допущено закономъ въ прим. къ ст. 113 Мѣстн. Вел. Пол. Но много-в ковое историческое сосуществованіе этихъ двухъ институтовъ повело къ тому, что границы между ними нерѣдко кажутся стертymi. Съ юридической

точки зрѣнія это невѣрно: общинное право можетъ существовать безъ круговой поруки и наоборотъ. Въ примѣняющейся въ крестьянскомъ быту круговой порукѣ необходимо различать двѣ стороны, изъ которыхъ одну можно назвать административной, другую—общинной или земельной. Административная устанавливается закономъ и имъ же можетъ быть безо всякихъ затрудненій отмѣнена. Административная круговая порука нашимъ закономъ установлена въ ст. ст. 187—191 Общ. Пол. и должна была примѣняться ко всѣмъ крестьянамъ, на какомъ бы правѣ, общинномъ или подворномъ, ни владѣли они землей¹⁾. Къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ распространительное толкованіе этой круговой поруки, можно было видѣть изъ разобраннаго уже рѣшенія Сената, постановившаго, что, въ виду существованія круговой поруки, сельское общество можетъ воспротивить своимъ членамъ всякое отчужденіе какого бы то ни было имущества, если это отчужденіе „не вызывается разумной потребностью и можетъ *вполнѣ* привести общество къ необходимости платить по круговой порукѣ“. Это не что иное,

¹⁾ По „Положенію о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ“ 23 іюня 1899 г. круговую порукою отвѣчаютъ лишь крестьяне селеній съ общиннымъ пользованіемъ землей (ст. ст. 36 и 37). Въ селеніяхъ съ подворнымъ (наслѣдственнымъ) пользованіемъ землей уплата окладныхъ сборовъ возлагается на отвѣтственность каждаго отдѣльнаго домохозяина (ст. 38). Выкупные платежи зачислены въ общую массу окладныхъ сборовъ (ст. 1). Въ 1903 году круговая порука совершенно отмѣнена.

какъ полное лишеніе крестьянина права распоряжаться своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ.

Гораздо менѣе доступна прямому законодательному воздѣйствію общинная или земельная круговая порука, способная принимать очень разнообразныя формы. Съ такой круговой порукой связаны, напр., платежи крестьянами выкупныхъ платежей за надѣльную землю. Здѣсь подати и платежи падаютъ прямо на опредѣленную земельную единицу, составляющую общину, и только косвенно на крестьянъ, пользующихся въ этой общинѣ землей. Платежъ долженъ быть отбытъ всей земельной единицей, и государству совершенно безразлично, кто въ частности внесетъ его. Такова идея. Лицо, получающее въ пользованіе участокъ земли на общинномъ правѣ, беретъ его вмѣстѣ съ причитающимися платежами, которые и обязано отбывать. Если данный домохозяинъ не уплатитъ своего взноса, то послѣдній будетъ либо уплаченъ другимъ домохозяиномъ, который и возьметъ себѣ землю перваго, или же естественно разложится на остальныхъ соучастниковъ въ общинномъ правѣ, связанныхъ другъ съ другомъ не лично, а земельно, такъ какъ вся подать все равно должна быть внесена всѣмъ участкомъ, безразлично отъ входящихъ въ него лицъ. Но какъ быть съ неуплатившимъ? Неплатежъ лишаетъ ли его общиннаго права, права на землю при слѣдующемъ передѣлѣ? Возможно ли лишеніе права, и притомъ въ жизни крестьянина наиважнѣйшаго, безъ суда и вдобавокъ людьми заинтересованными?

Нашъ законъ оставляетъ безъ разрѣшенія эти существенные вопросы крестьянскаго быта, и практикѣ, т. е. Прав. Сенату, опять не оставалось ничего другого, какъ для опредѣленія общиннаго права прибѣгнуть къ выводамъ изъ правъ и обязанностей сельскаго общества, какъ административнаго органа. Статьи 188 п. 6-ой Общ. Пол. и 127 п. 6-ой Пол. о вык. дозволяютъ *сельскому обществу* въ качествѣ крайней мѣры, при существованіи круговой поруки, „отобрать у недоимщика часть отведенныхъ ему полевыхъ угодій или даже весь его полевой надѣлъ“. При помощи этихъ статей Сенатъ пытался разрѣшить вопросъ, когда и какимъ образомъ крестьянинъ-домохозяинъ можетъ быть лишенъ принадлежащаго ему общиннаго права. Но указанныя статьи закона не разрѣшаютъ главнаго вопроса—сохраняетъ ли свое право на землю подвергнутый наказанію по 188 и 127 ст. крестьянинъ. Если толковать приведенныя мѣста закона по ихъ прямому смыслу, то, въ примѣненіи къ общинному землевладѣнію, нельзя не видѣть, что они предоставляютъ сельскому обществу возможность извлекать участки земель изъ общиннаго пользованія въ свое отдѣльное общественное владѣніе и распоряжаться ими по своему усмотрѣнію, обезземеливая, такимъ образомъ, отдѣльныхъ крестьянъ. Желая предупредить возможность крупныхъ злоупотребленій, Сенатъ, не приводя никакихъ законныхъ основаній въ виду ихъ отсутствія, истолковалъ, что ст. 188 предоставляетъ обществу право лишь „*временно*“ отобрать у недоимщика надѣлъ. Но корень зла, т. е. вмѣшательство сель-

скаго общества, какъ административно-хозяйственнаго органа, въ чуждую ему сферу частно-правовыхъ общинныхъ отношеній, этимъ толкованіемъ не устраненъ. Предположимъ, что въ нашемъ городскомъ быту органамъ городского самоуправленія было бы разрѣшено собственной властью отбирать въ свою собственность или только пользованіе (по Сенату—временное, однако безъ опредѣленія срока) недвижимыя имущества лицъ, числящихся недоимщиками по городскимъ сборамъ. Какія бы только злоупотребленія не продѣлывались въ данномъ случаѣ, если бы цѣнность отбираемаго имущества значительно превосходила размѣръ недоимки, но недоимщикъ по бѣдности и *невозможности продать свое имущество*, не могъ бы уплатить слѣдуемаго съ него взноса? Точно такое положеніе создано въ крестьянскомъ быту вторженіемъ сельскаго общества въ область общиннаго права¹⁾. Есть много указаній на то, что, благодаря примѣненію къ общинному праву ст. 188, у насъ и при общинномъ правѣ на землю внутри общинъ образовался уже значительный по размѣрамъ безземельный пролетаріатъ.

¹⁾ Законъ, уничтожившій круговую поруку, постановилъ, что за недоимки у общинника можно отнимать землю только временно, причемъ необходимо сдавать ее съ торговъ въ аренду на срокъ, достаточный для покрытія слѣдуемой недоимки. Это постановленіе, включающее ясную тенденцію къ переходу отъ общиннаго землепользованія къ частной поземельной собственности, не устраняетъ многихъ недоразумѣній. Сданная за недоимку въ аренду земля въ передѣлѣ, конечно, не поступаетъ. Предположимъ, что черезъ два года послѣ передѣла сданная земля, оплативъ всю недоимку, осво-

Помимо этого прямого воздѣйствія на общинное право, податная система оказываетъ на него косвенное, но очень сильное вліяніе, подчасъ до неузнаваемости искажающее идею общиннаго права. При общинномъ правѣ каждый владѣеть на „равныхъ основаніяхъ“ съ другими, но эти „основанія“ подвержены очень частымъ и существеннымъ измѣненіямъ, въ зависимости отъ чего измѣняется и положеніе отдѣльных лицъ. Податныя требованія государства, до сихъ поръ всегда опиравшіяся на круговую поруку, оказывали и оказываютъ наиболѣе сильное воздѣйствіе на выработку этихъ „основаній“, кладя на чашку вѣсовъ общую платежеспособность каждаго крестьянскаго двора. Вся наша исторія свидѣтельствуесть о томъ, что эти „основанія“ подвергались частымъ измѣненіямъ, слагаясь иногда по правилу: у кого много — тому прибавится, у кого мало — у того отнимется и послѣднее...

Каковъ характеръ общиннаго права? Есть ли оно право требованія, какъ утверждаетъ Сенатъ (1891 г. № 7343. Гор., I, 94), т. е. принадлежить къ категоріи обязательственныхъ правъ, какъ, очевидно, думаетъ Сенатъ, считающій общинный

дидась изъ аренды... Кому она поступаетъ? Старому владѣльцу? Но, быть можетъ, по передѣлу ему слѣдуетъ меньше или больше... Очевидно, сдача въ аренду участка передѣленной земли вносить такую путаницу, что во многихъ случаяхъ обществу удобнѣе будетъ, не сдавая земли въ аренду, оставить ее за цѣлымъ обществомъ, разложивъ недоимку на всѣхъ членовъ, т. е. возстановивъ, собственно говоря, круговую поруку.

передѣль договоромъ, актомъ соглашенія двухъ волей: сельскаго общества и составляющихъ его членовъ, или же оно является непосредственнымъ правомъ на вещь, видомъ вещнаго права? Несостоятельность договорной теоріи была доказана выше. Субъектъ общиннаго права имѣетъ право на пользованіе опредѣленнымъ участкомъ земли въ опредѣленномъ районѣ, — это право онъ предъявляетъ вовсе не къ общинѣ, какъ юридическому лицу, съ которымъ онъ будто бы вступилъ въ договорныя отношенія, а онъ прямо пользуется опредѣленнымъ участкомъ земли. Его праву соотвѣтствуетъ не обязанность общины, а обязанность всѣхъ и cadaго уважать его право. Искъ направляется противъ cadaго нарушителя права. Слѣдовательно, право это есть право вещное, вотчинное. Оно вполне подходитъ подъ опредѣленіе, даваемое г. Побѣдоносцевымъ вотчиннымъ правамъ. „Къ категоріи вотчинныхъ правъ, — говоритъ г. Побѣдоносецъ, — надлежитъ отнести, кромѣ права собственности, всякое владѣніе, имѣющее вотчинный характеръ, т. е. безусловную силу относительно третьихъ лицъ. Посему къ этой категоріи относится такое, хотя бы временное и срочное владѣніе, которое, происходя не изъ личнаго отношенія и не изъ договора, само въ себѣ существуетъ и, въ законныхъ предѣлахъ своихъ, не уступаетъ никакому иному вотчинному праву, хотя и происходитъ начально отъ дѣйствія воли, но отъ единой, а не совокупной и двусторонней воли и, опредѣлившись однажды, своею силою, существуетъ и дѣйствуетъ, требуя себѣ при-

знанія отъ всякаго, кто бы то ни былъ“ (Курскъ гражд. права. Ч. I-ая, стр. 121, изд. 1896 г.).

Необходимо опредѣлить отношеніе между общиннымъ правомъ и правомъ собственности. Слова „крестьянинъ-собственникъ“, какъ указано выше, имѣютъ въ крестьянскихъ положеніяхъ свой особый, специфическій смыслъ. Законъ нерѣдко говоритъ о землѣ, приобрѣтаемой въ собственность всѣмъ крестьянскимъ сельскимъ обществомъ. Но здѣсь имѣются въ виду права сельскихъ обществъ по завершеніи выкупной операціи, когда, въ силу ст. 36 Общ. Пол., общинное право перестаетъ дѣйствовать, а прибрѣтенная крестьянами земля считается прибрѣтенной на обыкновенномъ правѣ общей собственности, изъ которой каждый участникъ прибрѣтенія имѣетъ право потребовать себѣ выдѣла соразмѣрнаго участка въ частную собственность. Отказъ въ этомъ выдѣлѣ составляетъ прямое нарушеніе закона¹⁾. Такимъ образомъ, въ послѣ-выкупныхъ отношеніяхъ мѣста для общиннаго права, по закону, нѣтъ. Что же касается невыкупленныхъ земель, которыми крестьяне пользуются на общинномъ правѣ, то здѣсь о собственности не можетъ быть рѣчи, такъ какъ нѣтъ такого субъекта, которому было бы предоставлено право самостоятельнаго распоряженія землей общиннаго пользованія въ формѣ отчужденія ея, перенесенія на другого всѣхъ принадлежащихъ данному субъекту правъ. Что такимъ правомъ не

¹⁾ Сенатъ разъяснилъ, что крестьяне-дарственники уже въ настоящее время могутъ воспользоваться этимъ правомъ (Рѣш. П. С. 3 іюня 1892, № 3167. Гор., т. I, стр. 54—55).

обладаютъ отдѣльные домохозяева, пользующіеся землей на общинномъ правѣ, это — безспорно и признано всѣми. Но ссылаются на то, что законъ нашъ, до 14 дек. 1893 года, разрѣшалъ сельскимъ обществамъ по приговору $\frac{2}{3}$ голосовъ отчуждать свои земли. Это утвержденіе ошибочно. Такое разрѣшеніе свободнаго, безпрепятственнаго отчужденія и до 1893 г. могло относиться лишь къ обществамъ, покончившимъ съ выкупной операціей, но въ такихъ обществахъ дѣйствіе общиннаго права въ силу ст. 36 Общ. Пол. прекращается. Что же касается обществъ, не закончившихъ выкупа (т. е. почти всѣхъ существующихъ въ Россіи), то они и до закона 14 дек. 1893 г. могли продавать надѣльную землю лишь съ разрѣшенія губернскаго присутствія (ст. 162 Пол. о вык.), теперь же это требованіе распространено и на общества крестьянъ, выкупившихъ надѣлы, причемъ, если стоимость продаваемой земли превышаетъ 500 руб., то требуется разрѣшеніе надлежащихъ министровъ. Такимъ образомъ, право отчужденія принадлежитъ не обществамъ, а скорѣе правительству, причемъ общины, какъ административныя единицы, являются лишь посредствующимъ звеномъ. Надо обратить вниманіе также и на характеръ этихъ отчужденій, — тогда полнѣе выяснится и характеръ самого „права распоряженія“, оставленнаго будто бы сельскимъ обществамъ. Изъ опубликованныхъ частныхъ законоположеній и циркуляровъ вытекаетъ, что крестьянскія надѣльные земли отчуждаются или для желѣзнодорожныхъ правительственныхъ нуждъ (экспроприація),

или для нужд промышленности, разработки ископаемыхъ, устройства заводовъ, фабрики или для обмѣна однихъ участковъ на другіе. Такимъ образомъ, обычнаго права распоряженія, когда собственникъ отчуждаетъ свою землю только потому, что такова его воля, не признаетъ за собой, очевидно, и правительство. Но если чье-либо юридическое сознаніе не можетъ представить себѣ земли безъ собственника, то очевидно, собственникомъ крестьянскихъ земель, такъ сказать, верховнымъ собственникомъ, является никакъ не община, а одно только государство.

Анализъ самого общиннаго права указываетъ, что право распоряженія землей, въ смыслѣ отчужденія ея въ другія руки, въ него входитъ не можетъ. Субъектъ пользуется землей, пока обладаетъ общиннымъ правомъ, съ прекращеніемъ права прекращается и пользованіе, но и наоборотъ—что именно и характерно для этого права—*съ прекращеніемъ пользованія землей теряется и право на все время непользованія* (см. вышеприведенныя сенатскія рѣшенія 1885 г. № 3900, 1887 № 3696, 1889 № 4365. Гор., т. I, стр. 95, 96, 273). Нѣтъ, такимъ образомъ, субъекта, который могъ бы отчудить землю въ чужія руки. Кромѣ того, число членовъ, имѣющихъ общинное право на данный участокъ земли, неопредѣленно и постоянно колеблется. Какимъ же образомъ нынѣ живущіе могутъ рѣшать за будущія поколѣнія, когда право каждаго члена дѣйствительно лишь, поскольку оно опирается на „равное съ прочими основаніе“ и подвержено, слѣдовательно, постояннымъ коле-

баніямъ? Итакъ, *общинное право исключаетъ возможность отчужденія крестьянской земли.*

Общинное право предоставляет крестьянину-домохозяину пользованіе опредѣленнымъ участкомъ земли въ опредѣленномъ районѣ на равныхъ съ прочими домохозяевами основаніяхъ. Но какимъ образомъ можетъ осуществить крестьянинъ это свое право? Путемъ непосредственнаго овладѣнія? ¹⁾ Очевидно, съ ростомъ населенія такой путь становится неудобнымъ. И вотъ крестьяне-домохозяева одного района собираются на сходъ, образуютъ *временно* юридическое лицо, которое и должно разграничить и распредѣлить участки. Предполагается, что это будетъ сдѣлано на основаніи незыблемыхъ нормъ обычнаго права. Отсюда и смутившая Кавелина фикція единогласія, такъ какъ обычное право должно опираться на юридическое правосознаніе подчиняющихся ему лицъ. Конечно, это возможно только въ раннія времена человѣческой культуры, съ усложненіемъ же экономическихъ отношеній всякая возможность единогласія исчезаетъ, и кавелинское „юридическое лицо особаго рода“ превращается въ самое обыкновенное юридическое лицо, рѣшающее дѣла большинствомъ голосовъ, простымъ или квалифицированнымъ, смотря по обстоятельствамъ.

Но это юридическое лицо отличается двумя важными особенностями: во-первыхъ, оно каждый

¹⁾ Исслѣдованія „общиннаго землевладѣнія“ въ Сибири неопровержимо доказали, что пользованію землей съ передѣлами предшествуетъ заимочная, захватная форма землепользованія.

разъ созидается *ad hoc*, а не существуетъ постоянно, съ минованіемъ надобности оно исчезаетъ и затѣмъ снова возникаетъ; во-вторыхъ, оно ни въ коемъ случаѣ не является творцомъ правъ, оно не существуетъ даже, какъ субъектъ какихъ-либо вещныхъ правъ, — оно служитъ просто-на-просто органомъ, призваннымъ для осуществленія на практикѣ требованій, диктуемыхъ обычнымъ общиннымъ правомъ. Это своеобразный межевой чиновникъ, творящій волю обычнаго права. Совершенно случайное обстоятельство даетъ намъ возможность прослѣдить жизнь этого юридическаго лица отъ рожденія до смерти.

Обыкновенно сельское общество, какъ хозяйственно-административный органъ, является въ то же время и сельской общиной, какъ территориальной, земельной единицей: границы ихъ совпадаютъ. Но иногда, въ силу 41 ст. и прим. Общ. Пол., можетъ случиться, что нѣсколько земельныхъ общинъ войдутъ въ составъ одного сельскаго общества. Тогда существуетъ одно постоянное юридическое лицо, сельское общество, имѣющее своего старосту и другихъ выборныхъ властей, обладающее своимъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ, вѣдающее дѣла, какія ему приказаны закономъ. Входящія же въ составъ его земельныя общины никакихъ юридическихъ лицъ не составляютъ. Члены этихъ общинъ, крестьяне-домохозяева, какъ члены одного сельскаго общества, принимаютъ участіе въ сельскихъ сходахъ, выбираютъ старость и т. д., сносятся черезъ ихъ посредство съ властями поддерживающими, словомъ, пользуются предоставлен-

ными имъ правами и преимуществами, пользуясь въ то же время и землей на общинномъ правѣ. Все идетъ спокойно, какъ вдругъ по какому-либо поводу нарушилась равномѣрность земельного пользованія, появились обиженные, требующіе восстановления своихъ правъ. Что дѣлать? По буквальному смыслу закона земельныя дѣла вѣдаются *сельскимъ сходомъ*. И такъ, люди совершенно чуждые данной земельной единицѣ, вмѣшаются въ чужое для нихъ дѣло, удовлетворяютъ обиженныхъ. Это было бы несомнѣнно дѣйствіемъ юридическаго лица, сельскаго общества, но до того противорѣчило бы основамъ общиннаго права, что объ этомъ и подумать невозможно. И вотъ, согласно разъясненію Сената, въ 1899 году узаконенному, пользующіеся землей на общинномъ правѣ въ данной земельной единицѣ сходятся вмѣстѣ, временно образуютъ юридическое лицо, и, такъ какъ оно должно оформить свои дѣйствія, то Сенатъ, истолковывая законъ, даетъ этому новорожденному юридическому лицу въ предсѣдатели сельскаго старосту, хотя бы онъ былъ совершенно изъ другой земельной единицы, запрещая ему въ такомъ случаѣ вмѣшиваться въ обсужденіе дѣла по существу (Рѣш. II. С. Общ. Собр. 1, 2 и Касс. деп. 8 февр. 1888 г., № 15). Это юридическое лицо должно осуществить требованія обычнаго права. Для этого сначала констатируется то „равное для всѣхъ основаніе“, на которомъ домохозяева пользуются землей (основаніе можетъ мѣняться въ зависимости отъ самыхъ различныхъ обстоятельствъ), затѣмъ изыскивается способъ, посредствомъ котораго воз-

можно возстановить нарушенное равенство. Способы эти тоже различны: общій передѣлъ, частный передѣлъ, скидка и накладка тяголъ и т. д. Покончивъ съ этимъ „юридическое лицо“ составляетъ приговоръ (причемъ законъ, по толкованію Сената, требуетъ большинства $\frac{2}{3}$ голосовъ, а обычай—единогласія), и вслѣдъ за этимъ „юридическое лицо“ исчезаетъ впредь до новой потребности. Крестьяне-домохозяева опять становятся членами одного только постоянного юридическаго лица—„сельскаго общества“. Такъ какъ жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а вѣчно движется, то и равномерность надѣленія землей должна постоянно нарушаться,—„юридическое лицо“ въ формѣ общиннаго схода постоянно то появляться, то исчезать, границы отдѣльныхъ владѣній постоянно мѣняться. Очевидныя неудобства такого порядка вещей должны были побуждать къ замѣнѣ неопредѣленныхъ, безсрочныхъ передѣловъ срочными, упорядоченными закономъ. Но это „упорядоченіе“ есть одинъ изъ сильнѣйшихъ ударовъ, наносимыхъ общинному праву. Долголѣтнее пользованіе извѣстнымъ отведеннымъ участкомъ, хотя бы „основанія“, вызвавшія этотъ отводъ, измѣнились, является переходной ступенью къ владѣнію подворному, участковому. Второй ударъ общинному праву наносить усложняющаяся земледѣльческая культура, мало-по-малу замѣняющая прежніе однородные посѣвы. Лица, удобрившія или инымъ путемъ улучшившія свои участки, не желаютъ лишаться ихъ при передѣлахъ. Законъ становится на ихъ сторону и стремится обезпечить имъ или

повторный отводъ тѣхъ же участковъ, или вознагражденіе за произведенныя улучшенія. И то, и другое приносится въ распредѣленіе земли элементъ, совершенно чуждый общинному праву, регулирующему одно только непосредственное пользование землей. Для выдачи вознагражденія необходимо особый фондъ или постановленіе о сбавкѣ податей, и это ведетъ къ тому, что „сельское общество“, какъ хозяйственно-административный органъ, получаетъ лишній разъ возможность вмѣшаться въ отношенія, вытекающія изъ общиннаго права на землю.

„Сельское общество“ есть признанное закономъ, постоянно существующее и постоянно дѣйствующее юридическое лицо, имѣющее свои законные органы и обладающее опредѣленными правами, въ томъ числѣ и имущественными. Сельское общество можетъ владѣть на правѣ полной или ограниченной собственности движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, въ томъ числѣ, конечно, и землей. Но субъектомъ права на земли, находящіяся въ пользованіи крестьянъ на общинномъ правѣ, оно ни въ коемъ случаѣ признано быть не можетъ. Неясность и противорѣчивость нашихъ положеній о крестьянствѣ, не разграничивающихъ категорически общины отъ сельскаго общества, привели къ тому, что „сельское общество“ получило возможность вторгаться и въ эту чуждую ему сферу. Участки земли экспроприруются у пользующихся ею на общинномъ правѣ, превращаются въ „общественную собственность“, сдаются въ аренду, продаются съ разрѣшенія правительства и т. д. Это

и побудило Сенатъ въ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ своихъ рѣшеній разъяснить, что общиннымъ правомъ на землю могутъ пользоваться только лица, живущія въ мѣстахъ нахождения земли, но если „общество“ сдаетъ землю въ аренду, а не предоставляетъ ее въ пользованіе крестьянамъ, то доходы распредѣляются равномерно между всѣми членами общества, независимо отъ ихъ мѣстожителства (Рѣш. П. С. 1885 г. № 3900, 1886 г. № 3696, 1889 г. № 2548. Гор., т. I, стр. 95—96). Это чрезвычайно странное, съ точки зрѣнія современнаго гражданскаго права, рѣшеніе, по которому права однихъ и тѣхъ же лицъ на одно и то же имущество различны въ зависимости отъ способа эксплуатаціи имущества, объясняется правильнымъ юридическимъ чувствомъ, руководившимъ Сенатомъ, быть можетъ даже и не вполне отчетливо имъ сознававшимся. Сенатъ призналъ, что общинное право распространяется лишь на непосредственное пользованіе землей, всѣ же другіе доходы могутъ быть только общественными. Къ сожалѣнію, Сенатъ не разрѣшилъ общаго вопроса, насколько общество или кто-либо вообще въ правѣ сдавать въ аренду земли, принадлежащія крестьянамъ на общинномъ правѣ.

Но „сельское общество“, помимо прямого вмѣшательства въ сферу общинныхъ отношеній, сводящагося къ нарушенію чужихъ правъ, оказываетъ на нихъ и вліяніе косвенное, не менѣе дѣйствительное и не менѣе опасное для общиннаго права. „Сельское общество“, какъ хозяйственно-административный органъ, подвержено самымъ

разнообразнымъ фискальнымъ, политическимъ и административнымъ вліяніямъ, воздѣйствіямъ, а нерѣдко и давленіямъ. Благодаря несовершенству нашего закона, эти воздѣйствія и давленія черезъ сельское общество могутъ отражаться и на сферѣ частно-правныхъ крестьянскихъ отношеній, вытекающихъ изъ общиннаго права. Въ такомъ случаѣ землепользованіе крестьянъ становится совершенно безправнымъ, и нерѣдко уже и теперь слова „общинное землевладѣніе“ обозначаютъ отсутствіе какого бы то ни было правового порядка въ земельныхъ отношеніяхъ. Вторженіе началъ публичнаго права въ область частно-правныхъ отношеній приводитъ и въ крестьянскомъ быту къ безправію, и тамъ не можетъ быть терпимо въ той же мѣрѣ, въ какой оно не терпится въ гражданскомъ быту высшихъ классовъ...

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ побочныхъ причинъ и стороннихъ наслоеній юридическая природа общиннаго права подвергалась и подвергается въ дѣйствительной жизни значительнымъ искаженіямъ, но, освобожденная отъ чуждыхъ примѣсей, она представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Общинное право есть такое обычное, индивидуальное, вотчинное право, въ силу котораго каждый управомоченный крестьянинъ-домохозяинъ на равныхъ съ прочими домохозяевами основаніяхъ пользуется участкомъ земли въ предѣлахъ опредѣленной земельной единицы, границы которой устанавливались исторически.

VI. Заключительныя замѣчанія.

Эту работу можно было бы считать уже законченной. Задача ея сводилась исключительно къ юридическому анализу „общиннаго землевладѣнія“. Всѣ экономическіе и политическіе вопросы сознательно устранялись. Но русскаго читателя такое изслѣдованіе удовлетворить не можетъ. Слишкомъ страстные споры объ общинѣ, ведущіеся у насъ съ конца 50-хъ годовъ, первенствующее мѣсто, занимаемое вопросомъ объ общинномъ землевладѣніи въ программѣ передовой интеллигенціи,—все это побуждаетъ читателя отъ каждой работы объ „общинѣ“ требовать отвѣта на вопросъ: быть или не быть общинѣ? Попробуемъ и мы, если не отвѣтить на этотъ вопросъ, то попытаться освѣтить его съ нашей точки зрѣнія.

Смѣна юридическихъ понятій является только отраженіемъ болѣе глубокихъ перестроекъ экономического быта. Отвлеченно создавать поэтому будущій строй на основаніи однихъ только юридическихъ построеній—задача неблагодарная и безцѣльная. Но и у правовыхъ институтовъ есть своя логика, являющаяся отзвукомъ логики основныхъ социальныхъ фактовъ. Если поэтому юридическій институтъ опредѣленъ вѣрно, если его юридическая природа обозначена правильно, равно какъ и стремленія, которыя она таитъ въ себѣ, то этимъ дается возможность заглянуть нѣсколько глубже и въ судьбы самого социального института. Юридическій анализъ общиннаго права — думается намъ — можетъ хоть немного освѣтить путь, откры-

вающийся передъ тѣмъ явленіемъ, которое у насъ принято называть „общиннымъ землевладѣніемъ“.

Общинное право—обычный институтъ глубокой древности. Зародышъ его надо искать въ правѣ на землю, границы которой опредѣляются извѣстной древней формулой: „куда соха, коса, топоръ ходять“. Общины, какъ земельныя единицы, образовывались подъ сильнымъ давленіемъ государства, на всѣ сферы жизни распространявшаго круговую поруку. Границы этихъ общинъ вначалѣ были очень неопредѣленны; шагъ за шагомъ эти границы опредѣлялись все точнѣе и точнѣе, особенно на владѣльческихъ земляхъ, гдѣ крѣпостное право оказало огромное вліяніе на окончательную установку общинныхъ границъ. На земляхъ государственныхъ этотъ процессъ совершался медленнѣе; въ Сибири же, напримѣръ, онъ завершается только въ нашихъ глазахъ (см. Выс. утв. 23 мая 1896 г. мнѣніе Госуд. Совѣта о главныхъ основаніяхъ поземельнаго устройства крестьянъ и инородцевъ, водворившихся на казенныхъ земляхъ губерній Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской). Общинное право, какъ право обычное, должно существовать и послѣ закрѣпленія крестьянъ, несмотря на весь гнетъ, который испытывала крестьянская личность. Сохраненіе этого права объясняется однообразной сельско-хозяйственной культурой, почти совершенно не прогрессировавшей. Чтобы выжать изъ крѣпостного наибольшую сумму дохода, крестьянину надо было отвести опредѣленный участокъ опредѣленной земли. Поэтому не въ интересахъ помѣщика было

воевать съ правомъ, предоставлявшимъ каждому домохозяину пользованіе землей на равныхъ съ прочими основаніяхъ. Если крестьянъ рождалось болѣе, чѣмъ могла выдержать данная земельная единица при опредѣленіи степени культуры, то помѣщикъ или обращалъ излишекъ народа въ свою челядь, въ дворовыхъ, или же продавалъ ихъ на выводъ на другія земли. Послѣ освобожденія крестьянъ границы общинъ, земельныхъ единицъ, окончательно опредѣлились. Гдѣ земли было много, тамъ общинное право каждаго на землю могло осуществляться и безъ передѣловъ¹⁾, но передѣлы происходили уже и при крѣпостномъ правѣ вездѣ, гдѣ земельная тѣснота при образіи и простотѣ сельской культуры давала себя хоть сколько-нибудь чувствовать. Общинное право, какъ было доказано выше, вполне ассимилировало передѣлъ и даже въ идеѣ требуетъ совершенія передѣловъ постоянно, по мѣрѣ нарушенія равенства основаній, на которыхъ пользуются землей отдѣльные домохозяева. Передѣлы, даже и очень частые, вполне совмѣстимы съ однообразной первобытной культурой, не требующей почти ничего, кромѣ простого, неквалифицированнаго

¹⁾ Здѣсь, какъ и въ предыдущемъ, мы намѣренно не говоримъ о такихъ угодьяхъ, пользованіе которыми на общинномъ правѣ возможно совершенно безъ выдѣленія участковъ, а слѣдовательно, и безъ передѣловъ, напр., пастбища, воды и т. д. Въ данномъ случаѣ индивидуальное пользованіе, до поры—до времени, въ виду отсутствія постоянныхъ затратъ труда и капитала, не входитъ въ столкновеніе съ пользованіемъ общимъ всѣхъ домохозяевъ, имѣющихъ нужду въ опредѣленномъ имуществѣ.

труда. Но съ усложненіемъ культуры, съ приложеніемъ къ землѣ не только труда, но и капитала, частота передѣловъ становится явленіемъ обременительнымъ. Передѣлы безъ опредѣленнаго срока стремятся превратиться въ передѣлы срочные. Но срочность передѣловъ—одинъ изъ сильнѣйшихъ ударовъ, наносимыхъ общинному праву. Передѣлъ на опредѣленный срокъ обозначаетъ пріостановку на этотъ срокъ дѣйствія общиннаго права. Сюда присоединяются различныя внѣшнія вліянія—фискальныя, административныя и проч. и создаютъ среди крестьянъ сильную партію, стремящуюся къ окончательному раздѣлу общинныхъ земель. Срочный передѣлъ превращается въ вѣчный. У насъ общинныя земли при окончательномъ передѣлѣ обратятся не въ мелкіе земельные участки, владѣемые на правѣ полной частной собственности, а въ участки, находящіеся въ вѣчномъ потомственномъ подворномъ владѣніи. Подворное владѣніе тѣсно связано съ вопросами о дробимости участковъ и о семейныхъ раздѣлахъ. Если будетъ установленъ предѣлъ дробимости, то будутъ искусственно поддерживаться большія семьи, стремленію крестьянъ высвободиться изъ-подъ патріархальнаго семейнаго гнета поставятъ серьезныя препоны или же часть членовъ семьи насильственно обратятъ въ безземельныхъ батраковъ. При безконечной же дробности участковъ веденіе хозяйства станетъ вскорѣ невозможнымъ.

Въ Россіи эволюція „общины“, повидимому, и принимаетъ такой характеръ. Послѣдній законъ о передѣлахъ устанавливаетъ обязательность 12-ти-лѣт-

няго срока, возвращенія крестьянамъ, улучшившимъ свои земли, ихъ прежнихъ участковъ или уплаты имъ вознагражденія. Статья же 36 Общ. Пол. предоставляет домохозяевамъ по окончаніи выкупной операціи требовать выдѣла себѣ участковъ въ „частную собственность“,—говоритъ законъ,—но на самомъ дѣлѣ лишь въ потомственное подворное владѣніе.

Но единственный ли это путь развитія? Нѣтъ ли и другой тенденціи въ общинномъ правѣ, способной направить наше крестьянское земледѣліе на иную дорогу?

Въ августѣ 1905 года газета „Русь“ опубликовала сужденія нѣкоторыхъ сановниковъ въ упраздненномъ „Особомъ Совѣщаніи о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности“ объ аграрныхъ безпорядкахъ. Между прочимъ, бывший министръ финансовъ С. Ю. Витте высказалъ въ этомъ совѣщаніи очень любопытныя мысли.

„Разъ уже возникъ вопросъ о причинахъ аграрныхъ безпорядковъ,—сказалъ С. Ю. Витте,—то я считаю долгомъ высказать мое глубочайшее убѣжденіе по настоящему предмету.

Россія составляетъ въ одномъ отношеніи исключеніе изъ всѣхъ странъ міра, и какъ отнесется къ этому исключенію исторія,—покажетъ будущее. Исключеніе это состоитъ въ томъ, что систематически, въ теченіе двухъ поколѣній, народъ воспитывается въ отсутствіи понятія о собственности и законности. Подобный примѣръ едва-ли найдется въ какой-либо другой странѣ. Какія историческія событія явятся результатомъ этого, затрудняюсь сейчасъ сказать, но чую, что послѣдствія будутъ очень серьезныя. Великая освободительная реформа 19 февраля 1861 года, по моему убѣжденію, не имѣла въ виду считать идеаломъ отсутствіе понятія о собственности у крестьянъ, но смотрѣла на ограниченіе права

собственности на землю, какъ на временную мѣру, которая съ окончаніемъ выкупа должна исчезнуть. Что же въ дѣйствительности произошло?

Я не располагаю въ данный моментъ цифрами, но думаю, что не очень ошибусь, если скажу, что площадь земли въ Россіи, владѣемой на общинномъ началѣ, превышаетъ въ нѣсколько разъ площадь всей Франціи, а населеніе, живущее на этой общинной землѣ, также превосходитъ населеніе Франціи. И все это населеніе воспитано въ условіяхъ уравнительнаго землепользованія, т. е. въ условіяхъ, исключаящихъ всякую твердость и неприкосновенность правъ отдѣльных лицъ на ихъ земельное владѣніе.

Наука говоритъ, что право собственности на общинную землю принадлежитъ сельской общинѣ, какъ юридическому лицу. Но въ глазахъ крестьянъ (не понимающихъ, конечно, что такое юридическое лицо) собственникъ земли—государство, которое даетъ имъ, крестьянамъ—общинникамъ, землю во временное пользованіе. Никакого понятія о собственности въ сознаніе крестьянъ не внѣдрилось. Этого понятія не могли создать у крестьянъ не только порядокъ владѣнія землею, но и вообще весь характеръ ихъ правоотношеній. Вѣдь, правоотношенія эти нормируются не точнымъ писаннымъ правомъ, а часто „никому невѣдомымъ“, по словамъ комитетовъ, обычаемъ, причемъ спорные вопросы разрѣшаются частью волостнымъ судомъ, т. е. судомъ темнымъ и небезупречнымъ, а частью даже въ административномъ порядкѣ: сходомъ и попечительной властью начальства. При такихъ условіяхъ для меня является огромный вопросительный знакъ: что можетъ представлять собою Имперія со 100-милліоннымъ крестьянскимъ населеніемъ, въ средѣ котораго не воспитано ни понятія о правѣ земельной собственности, ни понятія о твердости права вообще.

Я могу сказать, какъ на этотъ вопросъ смотрятъ сами крестьяне. Въ послѣднее время мнѣ приходится получать массу крестьянскихъ писемъ и записокъ.

Что же говорятъ крестьяне? Очень просто. Они говорятъ: когда насъ освобождали, то взяли землю у помѣщиковъ и отдали намъ—крестьянамъ. Теперь народу много, земли не

хватаетъ, стало быть, можно опять взять земли у помѣщиковъ и дать намъ. Съ точки зрѣнія крестьянъ такая идея совершенно естественна, логична, и государство своимъ образомъ дѣйствій какъ бы поддерживаетъ эту идею о правѣ на дополнительное полученіе земли при помощи государства же. И мнѣ представляется, что если идея воспитанія крестьянъ въ условіяхъ уравнительнаго землепользованія и вообще въ условіяхъ, отдаляющихъ ихъ отъ общаго правопорядка, будетъ и далѣе проводиться съ такимъ же упорствомъ, то Россія можетъ дожить до грозныхъ историческихъ событій.

Я не касаюсь вопроса о томъ, какъ и отчего происходятъ аграрные безпорядки, но говорю только объ идеяхъ, распространенныхъ въ крестьянствѣ. Всѣ теперь говорятъ о томъ, что въ обществѣ замѣчается сильное разномысліе, у однихъ—одни идеалы, у другихъ—другіе. Но у крестьянъ замѣтно полное единомысліе: всѣ крестьяне твердятъ въ одинъ голосъ: нужно только одно—земля. И въ этомъ голосѣ я столь же мало вижу хорошаго, сколько и неожиданнаго. Само государство какъ бы воспитало въ крестьянствѣ эту идею, которая можетъ привести къ очень опаснымъ послѣдствіямъ“.

„Наука говоритъ—замѣчаетъ С. Ю. Витте— что право собственности на общинную землю принадлежитъ сельской общинѣ, какъ юридическому лицу“. С. Ю. Витте не вполнѣ правъ. Правда, русская наука очень мало интересовалась юридической природой общиннаго землевладѣнія, и большинство ученыхъ приняло съ чужого голоса, что субъектомъ права является „община, какъ юридическое лицо“. Но у наиболѣе вдумчивыхъ юристовъ, гг. Пахмана, Кавелина, Лешкова на этотъ счетъ существуютъ большія сомнѣнія, а К. П. Побѣдоносцевъ построилъ особую оригинальную теорію общиннаго права, которую должно признать

правильной. Г. Пахманъ призналъ субъектомъ права, какъ общину, такъ и отдѣльныхъ крестьянъ, а потому не могъ создать никакой юридической конструкции. Кавелинъ нашель, что хотя субъектомъ права и является юридическое лицо, но это юридическое лицо „особаго рода“, а г. Лешковъ нашель, что субъектъ права не община, какъ юридическое лицо, а отвлеченная „идея“. Наконецъ, К. П. Побѣдоносцевъ первый рѣшительно высказалъ, что общинное владѣніе, „имѣеть совершенно особенный характеръ, этотъ институтъ совершенно неизвѣстенъ римскому праву“. Общинное владѣніе не есть „общая собственность“, не есть и „владѣніе юридическаго лица“. „Есть общественное имущество,—говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ,—подлежащее на пользу цѣлой общины, на примѣръ, на улучшеніе дорогъ, зданій, отдача въ аренду свободныхъ земель и проч., здѣсь община владѣеть *на себя*, на свою юридическую личность... но при общинномъ владѣніи владѣніе и пользованіе имуществомъ принадлежитъ всѣмъ физическимъ членамъ общины, поскольку они члены ея. Право ихъ не есть право на чужую вещь, но право на собственное имущество; здѣсь община и члены ея по отношенію къ праву сливаются вмѣстѣ, и не община составляетъ субъектъ права, а всѣ члены ея суть субъекты права, и владѣніе общины выражается, обнаруживается не въ чемъ иномъ, а именно во владѣніи всѣхъ ея членовъ“. Развивая эти положенія мы пришли къ выводу, что „общинное право есть такое обычное, *индивидуальное*, вещное (вотчинное) право, въ силу

котораго каждый управомоченный крестьянинъ-домохозяинъ на равныхъ съ прочими домохозяевами основаніяхъ пользуется участкомъ земли въ предѣлахъ опредѣленной земельной единицы, границы которой устанавливались исторически“. Такое пониманіе общиннаго землевладѣнія, какъ уравнительнаго индивидуальнаго пользованія, приводитъ ко многимъ весьма важнымъ выводамъ.

Прежде всего разъясняется ошибочность народнической утопіи, мечты о возможности перевести нашу общину въ „высшій“ коллективистическій строй. Общинное право не коллективное, а индивидуальное право, оно даетъ правомочія не общинѣ, а отдѣльному лицу, которое можетъ требовать и требуетъ въ пользованіе участки земли на равныхъ съ прочими членами общины основаніяхъ. Община въ данномъ случаѣ играетъ только роль землемѣра и межевщика, она отмѣриваетъ и отводитъ данный участокъ, и члены, далекіе отъ всякихъ коммунистическихъ идей, все свое вниманіе на то и направляютъ, чтобы „землемѣръ“ не отвелъ одному больше, другому меньше, одному — землю лучшаго качества, другому худшаго. Этимъ и объясняется та, временами прямо невѣроятная дробность полосы при передѣлахъ, когда надѣлъ составляется изъ клочковъ, расположенныхъ въ 20—30 мѣстахъ. Немудрено, что такіе передѣлы дѣлаютъ почти невозможнымъ хозяйничанье, и въ основѣ „общиннаго права“ нѣтъ такихъ элементовъ, которые позволяли бы надѣяться на возможность перехода отъ индивидуальнаго къ коллективному хозяйству. Не должно ду-

мать, что „передѣль“ есть необходимое условіе осуществленія общиннаго права. При обиліи земли, когда общинное владѣніе находится въ фазисѣ „захватнаго“, „заимочнаго“ (только недавно исчезнувшаго въ Сибири), въ передѣлѣ нужды нѣтъ. Но когда границы отдѣльныхъ „заимокъ“ все тѣснѣе и тѣснѣе прилегаютъ одна къ другой, когда на помощь этому естественному процессу заселенія приходитъ государство, создающее и помогающее созданію для своихъ нуждъ административныхъ единицъ,—тогда появляется земельное утѣсненіе, которое, въ связи съ необходимостью отбывать съ земли повинности, и приводитъ къ передѣламъ. Историческія изслѣдованія нашихъ ученыхъ доказали, что такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Считать наше общинное землевладѣніе продуктомъ какого то „первобытнаго коммунизма“ — грубая ошибка.

Анализъ „общиннаго права“ уясняетъ намъ, во что можетъ выродиться эта форма землевладѣнія. Передъ ней лежатъ только два пути. Одинъ съ большими или меньшими трудностями ведетъ черезъ подворное землѣвладѣніе къ личной, частной земельной собственности. Такимъ путемъ шло развитіе крестьянскаго землевладѣнія въ Западной Европѣ. Путь этотъ очень тяжелъ и сопряженъ съ массой страданій. Подворное землевладѣніе связано у насъ съ черезполосицей, не меньшей, чѣмъ при общинномъ владѣніи, но зато труднѣе устранимой. Черезполосица сопряжена съ принудительной обработкой, слѣдовательно подворное владѣніе не обезпечиваетъ крестья-

нину „прогрессивной“ полноты права мелкаго „личнаго собственника“. Подворные владѣльцы нуждаются въ разверсткѣ и размеживаніи, а при современномъ положеніи нашей деревни къ такимъ реформамъ страшно и приступить. Наконецъ, замѣна общиннаго владѣнія подворнымъ безспорно вытолкнетъ изъ деревни въ городъ массу безземельнаго пролетаріата, который неимовѣрно понизитъ заработную плату и вообще причинитъ крупныя бѣдствія.

Но прогрессивное развитіе общиннаго права въ Россіи раскрываетъ и другія перспективы. Въ настоящее время крестьянинъ предъявляетъ свое право на пользованіе участкомъ земли на равныхъ основаніяхъ къ „земельной единицѣ, границы которой устанавливались исторически“ т. е. на общинѣ. Такъ какъ населеніе внутри этихъ границъ увеличивалось, а количество земли не возростало, то естественно, что въ общинѣ наступила тѣснота, малоземелье, дробность надѣловъ, взаимная вражда. Необходимо расширить эти границы, но не палліативами, въ родѣ прикупки, а раздвинуть границы общины до размѣровъ всего государства. Обособленность отдѣльныхъ общинъ, такъ сильно стѣсняющая развитіе крестьянъ, должна пасть. Община превращается въ государство, и требованіе, предъявлявшееся крестьянами раньше къ общинѣ, обращается теперь ими ко всему государству, которое въ лицѣ своихъ органовъ превращается въ землемѣра и межевщика. Каждый, желающій заниматься земледѣліемъ, предъявляетъ требованіе на полученіе въ пользованіе

на равныхъ съ прочими основаніяхъ такого участка земли, который онъ можетъ при среднемъ уровнѣ общественной культуры обработать своими силами. Нельзя отрицать, что такая эволюція общиннаго права происходитъ въ головахъ тысячъ и миллионовъ крестьянъ. Извѣстное крестьянское изреченіе: „земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатываетъ“ наглядно свидѣтельствуешь о такомъ развитіи юридическихъ представленій земледѣльца. Объ этомъ говоритъ и С. Ю. Витте. При признаніи такого принципа, при осуществленіи такой „націонализаціи земли“ возможно и устраненіе черезполосицы, препятствующей правильному развитію хозяйства.

Такимъ образомъ, мысль о расширеніи земельной общины до предѣловъ всего государства имѣетъ твердую почву въ народѣ.

Аграрная программа долгое время была самымъ слабымъ пунктомъ социаль-демократіи. И въ настоящую эпоху положеніе немногимъ лучше. Главнѣйшее измѣненіе во взглядахъ социаль-демократіи на земельный вопросъ сводится къ тому, что вѣра въ неизбежность быстрой гибели мелкаго земледѣлія и замѣны его крупнымъ капиталистическимъ производствомъ сильно подорвана. Въ 1868 году Брюссельскій конгрессъ Интернаціонала еще твердо стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что „потребности производства и примѣненія законовъ научной обработки земли дѣлають необходимыми въ земледѣліи крупную культуру, введеніе машинъ и совмѣстный трудъ большихъ массъ рабочихъ, и что вообще современное экономиче-

ское развитіе стремится къ крупному земледѣлію“. На основаніи этихъ резолюцій социаль-демократы начала 70-хъ годовъ высказывали твердое убѣжденіе въ неизбѣжной и скорой гибели мелкаго крестьянскаго земледѣлія.

Но двадцать лѣтъ жизни и серьезной практической социальной борьбы заставили пересмотрѣть эти взгляды. За годъ до своей смерти Фр. Энгельсъ высказалъ по крестьянскому вопросу уже инныя мысли, которыхъ нынѣ придерживаются даже наиболѣе ортодоксальные марксисты.

„Главное дѣло въ томъ — писалъ Энгельсъ — чтобы выяснитъ крестьянину, что спасти или удержать его усадьбу и земельную собственность мы можемъ, только превративъ ихъ въ товарищескую собственность и товарищеское производство. Мы никогда не можемъ обѣщать мелкимъ крестьянамъ поддержать ихъ единоличное хозяйство и единоличную собственность противъ превосходныхъ силъ капиталистическаго производства. Мы можемъ обѣщать имъ только, что не будемъ противъ ихъ воли силой вмѣшиваться въ ихъ хозяйственныя отношенія. Но мы рѣшительно становимся на сторону мелкаго крестьянина; мы будемъ дѣлать все возможное, чтобы ему было сносно жить, чтобы облегчить ему переходъ къ товариществу, въ случаѣ если онъ на это рѣшится; въ томъ же случаѣ, если онъ еще не будетъ въ состояніи принять это рѣшеніе, мы постараемся предоставить ему *возможно больше времени подумать объ этомъ на своемъ клочкѣ*. Мы будемъ поступать такъ не только потому, что считаемъ

возможнымъ переходъ на нашу сторону самостоятельно работающаго мелкаго крестьянина, но также и изъ непосредственныхъ партійныхъ интересовъ. Чѣмъ больше будетъ число крестьянъ, которымъ мы не дадимъ спуститься до пролетаріевъ и которыхъ мы привлечемъ на свою сторону еще крестьянами, тѣмъ быстрѣе и легче совершится общественное преобразование. Намъ было бы бесполезно ожидать съ этимъ преобразованиемъ того времени, когда капиталистическое производство повсюду разовьется до своихъ крайнихъ послѣдствій, когда послѣдній мелкій ремесленникъ и послѣдній мелькій крестьянинъ падутъ жертвами крупнаго производства“.

Если таково положеніе дѣлъ въ Западной Европѣ, то что же сказать о Россіи, въ которой 80% населенія все еще живетъ земледѣльческимъ трудомъ и гдѣ крупная земледѣльческая культура почти отсутствуетъ, несмотря на сильное развитіе крупнаго землевладѣнія. Латифундіи капиталистовъ не равнозначущи еще капиталистическому земледѣлію, на которомъ можно было бы строить расчеты на будущую социализацію.

Десятки милліоновъ крестьянъ живутъ и хотятъ жить и по нашей указкѣ жить не стануть. У нихъ есть своя воля, объясняемая ихъ социально-экономическимъ положеніемъ, и эта воля диктуетъ имъ опредѣленные требованія. Съ этими требованіями надо считаться и прежде всего посмотрѣть, точно ли они противорѣчатъ нашимъ идеаламъ. Основной идеаль и для сельско-хозяйственной промышленности, конечно, тотъ же самый, что и для

индустриі. Только планомерно организованное на демократических началах хозяйство способно избавить человечество от угнетающих его экономических бѣдствій и положить конецъ эксплуатаціи. Но путь достиженія этого идеала гораздо сложнѣе, чѣмъ предполагали.

Наше крупное *землевладѣніе* не даетъ никакихъ основъ для перехода къ товарищескому сельско-хозяйственному производству. Поэтому въ Россіи едва ли хоть одинъ разумный социаль-демократъ можетъ считать прогрессивнымъ факторомъ существованіе латифундій. Въ силу того же нѣтъ никакихъ основаній возражать противъ расширенія мелкаго землепользованія, сосредоточеннаго въ рукахъ тѣхъ крестьянъ, которые обрабатываютъ землю собственными силами.

Нисколько не измѣняя своимъ принципамъ, марксисты могутъ принять въ основаніе своей аграрной программы ту тенденцію общиннаго права, которая стремится распространить его дѣйствіе на всю страну. Въ Россіи безъ содѣйствія крестьянъ ничего сдѣлать нельзя. Ни одна серьезная партія, желающая играть роль въ судьбахъ страны, не можетъ пройти мимо крестьянъ и не принять участія въ той великой социальной борьбѣ, которая назрѣваетъ въ нѣдрахъ русскаго крестьянскаго міра и, даже общѣе, всей земледѣльческой Россіи. Борьба же эта, насколько можно судить по ея тенденціямъ, находящимъ уже воплощеніе въ многочисленныхъ фактахъ, сведется къ борьбѣ двухъ началъ: одного, стоящаго за развитіе неограниченной частной собственности на землю съ

допущеніемъ наемнаго труда въ широкихъ размѣрахъ, и другого, сводящагося къ признанію за всякимъ земледѣльцемъ права на равный съ прочими участки земли.

Необходимо примкнуть къ одной изъ двухъ борющихся сторонъ. Кто побѣдитъ, какое начало одолѣетъ, будетъ зависѣть отъ соотношенія общественныхъ силъ. Но если даже побѣдитъ общинное начало, то преувеличивать значеніе этой побѣды не слѣдуетъ. Въ особенности не разумно распространяться о „преодолѣніи капитализма“, объ устроеніи новаго экономического порядка и проч. и проч.

Всѣ эти обѣщанія совершенно невыполнимы, ни на чемъ неоснованы. Указанная реформа не только не покончитъ съ буржуазнымъ строемъ, но она одна только и способна въ короткое время дать могучій толчекъ развитію у насъ индустріи, — увы! капиталистической. Аграрная реформа не упразднитъ ни денежнаго хозяйства, ни товарнаго производства, ни общественнаго раздѣленія труда, ни двухъ-милліарднаго бюджета, ни семимилліарднаго государственнаго долга. Но аграрная реформа дастъ нашей промышленности прочный и обширный внутренній рынокъ и будетъ способствовать развитію промышленнаго капитализма. Ошибочно думать, что для развитія капитализма необходимо вынести на рынокъ землю, а безъ этого капитализмъ погибнетъ. Землевладѣніе капиталистовъ не есть капиталистическое земледѣліе, якобы могущее послужить основой новаго хозяйственнаго строя. Какъ ни парадоксально звучитъ это съ пер-

ваго раза, но несомнѣнно, что націонализація земли при существующихъ русскихъ условіяхъ будетъ мѣрой „буржуазной“.

Поэтому то марксисты, — социаль-демократы, принявъ эту реформу въ свою программу-*minimum* и по чистой совѣсти пропагандируя ее, какъ необходимую основу будущаго общественно-экономическаго развитія Россіи, должны во исполненіе своей программы-*maximum* бороться и теперь, и по завершеніи реформы за обобществленіе земледѣльческаго, сельско-хозяйственнаго производства. Въ этомъ дѣлѣ они не могутъ рассчитывать ни на современную общину, ни на возможное въ указанномъ направленіи развитіе общиннаго права. Какъ произойдетъ это обобществленіе, которое не избѣжно и въ земледѣліи, и въ индустріи, обсуждать теперь не станемъ. Весьма вѣроятно, что и у насъ, какъ въ Западной Европѣ, обобществленіе сельско-хозяйственной промышленности будетъ процессомъ вторичнымъ, возникшимъ вслѣдъ за обобществленіемъ промышленнымъ и подъ его прямымъ воздѣйствіемъ. „Городъ“ покажетъ дорогу „деревнѣ“...

„Индустрія—справедливо говоритъ Каутскій—не ограничивается городомъ, она переходитъ въ деревню и всячески революціонизируетъ ея производственныя отношенія. Находящееся въ зависимости отъ индустріи и связанное съ ней земледѣліе, попадаетъ, какъ и сама индустрія, въ стадію непрерывныхъ переворотовъ, создающихъ все новыя формы“. Въ сравненіи съ Западной Европой у насъ этотъ процессъ обнаружился еще

очень слабо, и потому въ реформированіи производственныхъ отношеній главныя надежды приходится возлагать на промышленныхъ рабочихъ. Организовавъ обрабатывающую промышленность, они, какъ единое цѣлое, вступятъ въ экономическія отношенія съ производителями сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, и, такимъ образомъ, положить начало организаціи сельско-хозяйственнаго производства.

Изданія редакціи журнала „ОБРАЗОВАНИЕ“.

I. ЭТИКА и ФИЛОСОФІЯ.

Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи проф. *К. Гилъти*. Перев. съ нѣмец. *Александра Острогорскаго*. 5-е изданіе. Ц. 50 к.

Содержаніе: Искусство работать.—Мысли Эпиктета.—Искусство имѣть время.—Хорошія привычки.—Идеализмъ въ практической жизни.—Счастье.

Что такое нравственность? Проф. *Т. Циллера* Перев. съ нѣмец. *Александра Острогорскаго*. 3-е изданіе. Цѣна 50 коп.

Содержаніе: Задача нравственной философіи.—Происхожденіе нравственности.—Что такое нравственность?—Долгъ и добродѣтель.—Высшее благо.—Заключеніе.

Воображеніе и память. *Ф. Кейра*. Переводъ съ франц. *Е. Максимовой*. 2-е изданіе. Цѣна 40 коп.

Содержаніе: Природа образовъ.—Психологическій законъ ассоціаціи и его плодотворность.—Видоизмѣненія воображенія, ихъ принципы и послѣдствія.—Типъ зрительный.—Слуховой типъ.—Типъ моторный.—Различныя способности дѣтей.—Опасности, создаваемыя исключительнымъ развитіемъ одного рода образовъ.—Типъ средний или нормальный. Его относительное превосходство.—Необходимость уравнивать образы.—О нѣкоторыхъ приемахъ, способныхъ обезпечить равновѣсіе образовъ.

Аффективная память. *Т. Рибо*. Перев. съ франц. *Е. Максимовой*. 2-е изданіе. Цѣна 25 к.

Этика и политическая экономія. Проф. *Ф. Йодля*. Перев. съ нѣмец. *Александра Острогорскаго*. 2-е изданіе. Цѣна 20 коп.

Очерки по философіи математики. III. Фрейсине. Переводъ съ французскаго. В. Обреимова. 2-е исправленное изданіе. Цѣна 60 коп.

Содержаніе: I. *Анализъ*. Пространство и время.—Безконечность.—Непрерывность и дѣлимость до безконечности.—Безконечно малое. Предѣлы.—О методѣ безконечно малымъ.—Вычисленіе безконечно малыхъ.—Анализъ безконечно малыхъ и матеріи II. *Механика*. Сила и масса.—Динамическая емкость.—Тяжесть.—Задача динамики.—Общіе законы движенія.—Количество движенія.—Живая сила. Энергія.—Сохраненіе движенія и энергіи въ природѣ.—Возможная причина уменьшенія энергіи.—О постоянствѣ законовъ природы.

Этюды по философіи наукъ. А. Лаланда. Пер. съ французскаго. 2-е изданіе. Цѣна 75 к.

Содержаніе: Науки.—Классификація наукъ.—Науки математическія.—Физическія и естественныя науки.—Нравственные науки.—Общія гипотезы.—Науки и разумъ.

Критика новѣйшихъ системъ морали. Альфреда Фулье. Перев. съ франц. О. Конради и Е. Максимовай. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Мораль въ теоріи эволюціи и въ дарвинизмѣ.—Позитивизмъ. Независимая мораль.—Мораль по изученію критицизма.—Кантовская мораль.—Теорія нравственности въ ученіи германскихъ пессимистовъ.—Мораль спиритуализма.—Эстетическая и мистическая мораль.—Теологическая мораль и солидарность.—Заключеніе.

Нравственность и воспитаніе Ф. Тома. Пер. съ французскаго Е. Леонтьевой. Ц. 30 к.

Содержаніе: Наука и нравственность.—Нравственность безъ свободы. Нравственность безъ принужденія.—Солидаризмъ.—Пессимизмъ.—Эстетическая мораль.—Диллетантизмъ.—Долгъ и выгода.—Индивидуализмъ.

Исторія новѣйшей философіи. Очеркъ исторіи философіи отъ Канта до нашихъ дней проф. Г. Геффдингга. Пер. съ нѣмецкаго. Цѣна 2 р.—491 стр.

Содержаніе: Нѣмецкая просвѣдительная философія и Лессингъ.—Иммануиль Кантъ и критическая философія.—Философія романтизма.—Кантъ и французская философія.—Дж. Ст. Милль и возрожденіе англійской философіи въ XIX вѣкѣ.—Эволюціонная философія въ Германіи отъ 1850 до 1880 г.

Введеніе въ философію. В. Вундта. Перев. съ нѣмецкаго С. Штейнберга и С. Львова. 308 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Задача и система философіи.—Классификація наукъ.—Историческое развитіе философіи.—Греческая философія.—Христіанская философія.—Новая философія.—Основные направленія философіи.—Гносеологическія направленія.—Эмпиризмъ.—Раціонализмъ.—Критицизмъ.—Метафизическія направленія.—Матеріализмъ.—Идеализмъ.—Реализмъ.—Этическія направленія.

Самосознаніе. Теодора Липпса, проф. Мюнхенскаго универс. Перев. съ нѣмец. М. Лихарева. Ц. 30 коп.

Ц. БИБЛОТЕКА ФИЛОСОФОВЪ.

Это изданіе, выходящее въ Германіи подъ редакціей извѣстнаго и русской публикѣ профессора Рих. Фалькенберга, имѣетъ цѣлью въ общедоступной формѣ ознакомить съ жизнью и ученьемъ главнѣйшихъ представителей философской мысли.

Въ настоящее время вышло 11 выпусковъ:

Фр. Нитцше, какъ художникъ и мыслитель. Проф. А. Рилия, 2-е исправл. изд., съ портр. Ц. 50 коп.

Гербертъ Спенсеръ. Отто Гаупша, съ портр. Ц. 50 к.

Ж. Ж. Руссо и его философія. Проф. Г. Геффдинга, съ портр. 2-е изданіе. Ц. 50 коп.

Иммануиль Кантъ, его жизнь и ученіе. Фр. Паульсена, Проф. Берлинскаго универс. (съ портретомъ). 2-е дополн. изданіе. Ц. 1 руб.

Платонъ, В. Виндельбанда. Проф. Страсбург. универс., перев. А. Громбаха. 2-е изданіе, Ц. 50 к.

А. Шопенгауеръ, его личность и ученіе. І. Фолькельта, проф. Лейпцигскаго универс. (съ портр.) Ц. 1 р.

В. Вундтъ. Эдмунда Кенига, Пер. В. Базарова, съ портр. Ц. 50 к.

Т. Карлейль. Проф. П. Гензеля, переводъ П. Морозова, съ портр. Ц. 75 к.

Дж. Ст. Милль. Его жизнь и произведенія. С. Зенгера, пер. подъ ред. Е. Максимовой, съ портр. Цѣна 50 к.

Аристотель. Проф. Зибекъ. Его философія и психологія переводъ В. Базарова. Ц. 50 к.

Фейербахъ. Проф. Фр. Юдль, перев. Е. Максимовой, Ц. 50 к.

III. ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Чарльзъ Дарвинъ, его жизнь и ученіе. Проф. Г. Геффдинга Перев. съ нѣмецкаго. Ц. 20 к. (съ портр.).

Мозгъ и душа. Проф. Флексига. Перев. съ нѣмец. съ таблиц. въ 7 крас. Ц. 40 к.

О причинахъ явленій въ органическомъ мірѣ. *Томаса Гексли.* Перев. съ англ., съ біограф. очерк., *Н. Березина.* Портр. и 13 рис. Цѣна 60 коп.

Содержаніе: Томасъ Генри Гексли (біографическій очеркъ).— Органический міръ въ наше время.—Организаціонный міръ въ прошломъ.—Методъ для разслѣдованія причинъ настоящихъ и прошлыхъ условій органической природы.—Появленіе живыхъ существъ.—Непрерывный характеръ жизни, наслѣдственная передача и измѣненія.—Вліяніе внѣшнихъ условій на дальнѣйшее продолженіе жизни.—Критическій разборъ положенія, занимаемаго сочиненіемъ Дарвина „О происхожденіи видовъ“ относительно полной теоріи причинъ явленій органической природы.

Популярные біологическіе очерки. Проф. Спб. Универс. *В. Шимжевича,* съ 65 рис. и 4 портр. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Предисловіе. Отъ Аристотеля до Линнея. Историческое развитіе эволюціонной идеи. Изъ жизни клѣтки.—Сознаніе, инстинктъ и рефлексъ.—Паразитизмъ и его происхожденіе. Къ біологіи пчелы. Условія жизни въ морѣ.

Германъ Гельмгольцъ. Характеристика *Дрюба-Реймона.* Переводъ съ нѣмец. Ц. 30 коп.

Чудеса земного шара. Общедоступныя бесѣды по землевѣдѣнію *Германа Клейна* съ 93 рис. Перев. съ нѣмец. подъ ред. *Н. Березина.* in 8 стр. 374. Ц. 1 р.

Содержаніе: Предисловіе.—Ограниченныя понятія древнихъ о землѣ.—Открытіе Америки Христофоромъ Колумбомъ.—Попытки португальцевъ добраться до Индіи

морскимъ путемъ вокругъ Африки.—Всемирная экспедиція „Челленжера“.—Попытки точнаго опредѣленія формы земли.—Вѣсъ земли.—Внутренняя теплота земли.—Измѣненія происходящія на земной поверхности.—Новѣйшія объясненія происхожденія суши и моря. Море и его значеніе для культурнаго развитія человѣчества.—Морское дно.—Свойства морской воды.—Глубина океана.—Температура воды на поверхности и въ глубинѣ моря.—Образованіе льда въ полярныхъ моряхъ.—Полярныя экспедиціи.—Морскія теченія.—Гольштромъ холодныя полярныя теченія.—Приливы и отливы и ихъ періодичность. — Острова. — Источники. — Пещеры.—Рѣки.—Верхнее, среднее и нижнее теченіе рѣкъ.—Озера.—Болота и трясины.—Колебанія уровня воды въ озерахъ, рѣкахъ и льда на ледникахъ.—Землетрясенія. Горные обвалы.—Вулканическія явленія.—Мары.—Атмосфера и ея физическія свойства.—Давленія воздуха и всеобщая система воздушныхъ теченій.—Облака, ихъ форма и значеніе ихъ въ дѣлѣ предсказанія погоды.—Осадки.—Вѣтры и бури.—Грозы и градъ.—Полярное сіяніе.—Погода.

Наши органы чувствъ и внѣшній міръ. Популярный очеркъ (съ рис.) *В. Розенберга*. Ц. 30 к.

Успѣхи астрономіи въ XIX столѣтіи. *К. Покровскаго*, съ 94 рис. Ц. 1 р. 20 коп.

Содержаніе: Наслѣдіе конца XVIII вѣка.—Развитіе наблюдательныхъ средствъ въ XIX стол.—Главнѣйшіе результаты полученныя съ помощью визуальныхъ наблюдений.—Астрофотографія.—Астрофотометрія.—Спектральный анализъ.—Спектрографія.—Теоритическая астрономія.

IV. ИСТОРИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Исторія первобытнаго человѣчества. *М. Гернеса*. Перев. съ нѣмецкаго съ 4 рисунк. 2-е изданіе. Ц. 50 к.

Содержаніе: Что такое первобытная исторія?—Положеніе человѣка въ природѣ.—Главные признаки человѣческой культуры.—Древнѣйшіе слѣды человѣка.—Новѣйшій каменный вѣкъ.—Арійцы и семиты.—Свайныя постройки.—Металлы.—Бронзовый вѣкъ.—Гальштатскій періодъ.

Одобрено для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Исторія человѣческой культуры. *И. Гонелера.* Пер. съ нѣмец. Цѣна 60 коп.

Гуманность въ исторіи человѣчества. *В. Штальбера.* Перев. съ нѣмецк. *Н. Леонтьевой.* Ц. 80 коп.

Содержаніе: Что такое гуманность? — Гуманность древнихъ. — Гуманность въ средніе вѣка. — Гуманность новаго времени. — Вѣкъ реформаціи. — Вѣкъ абсолютизма и проsvѣщенія. — Наше время.

Исторія политическихъ ученій. Проф. *Ф. Поллока.* Пер. съ англійскаго *А. М. Гердъ.* Ц. 50 коп.

Содержаніе: Начало науки о государствѣ. — Политическія ученія греческихъ философовъ. — Средніе вѣка и эпоха. — Возрожденія. — Восемнадцатый вѣкъ и Общественный договоръ. — Современныя теории суверенитета и законодательства. — Указатель литературы.

Статистика и наука объ обществѣ. Проф. *Н. Рейхесберга.* Пер. съ нѣмец. *А. Струве.* Ц. 50 коп.

Рабочій трудъ въ западной Европѣ. Полный пер. со 2-го нѣмец. изд. (*Die Arbeiterfrage*). *Г. Геркнера.* Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Критика современнаго хозяйственнаго строя съ точки зрѣнія экономической и соціальной. — Культурныя и политическія опасности современнаго строя. — Профессиональные союзы рабочихъ. — Дѣятельность рабочихъ союзовъ, преимущественно англійскихъ. — Критика дѣятельности рабочихъ союзовъ. — Страхование рабочихъ. — Законодательство объ охранѣ рабочихъ. Благотворительныя учрежденія, основываемыя работодателями. — Потребительныя и производительныя товарищества. — Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ. — Квартирный вопросъ. — Алкоголизмъ и рабочій вопросъ. — Соціализмъ и коммунизмъ. — Государственный соціализмъ. Движеніе въ пользу земельной реформы. — Христіанство и рабочій вопросъ. — Анархизмъ. — Соціальная политика коммунальныхъ учреждений. Дарвинизмъ и соціальная политика. — Соціальное движеніе во Франціи. — Соціальное движеніе въ Англии. — Соціальное движеніе въ Германіи, Австріи и Швейцаріи. — in 8°, стр. 512+XL.

Университетскія и соціальныя поселенія. У. Ризона, перев. съ англ. подъ ред. проф. Д. Петрушевскаго Ц. 80 к.

Содержаніе: Обь университетскихъ поселеніяхъ.—Университетскія поселенія.—Дѣятельность поселеній въ обл. нар. образованія.—Поселенія и законы о бѣдныхъ.—Организація народныхъ развлеченій.—Англійскія женскія поселенія.—Клубы рабочихъ дѣвушекъ.—Поселенія и рабочій вопросъ.—Американскія поселенія.—Отношеніе поселеній къ мѣстному самоуправленію.—Приложенія. 242 стр.

Общественныя отношенія во Франціи XVII и XVIII в. В. Базарова и И. Степанова. Ц. 50 к.

Содержаніе: I. Общественныя противорѣчія въ XVI и XVII вѣкѣ. Кальвинизмъ и лига.—Эпоха Фронды.—Людовикъ XIV. Политика хлѣбной торговли при старомъ порядкѣ.—II. Крестьяне и сельское хозяйство.—III. Жанъ Мелье.—IV. Промышленность въ XVI и XVII вѣкѣ.—V. Верассъ.—VI. Государств.—романы и описаніе путешествій въ XVI XVII вѣкѣ.

Женскій вопросъ, его историческое развитіе и экономическое значеніе. Лили Браунъ. Перев. съ нѣм. Ц. 2 р. 580 стр. большого формата.

Содержаніе: I. Развитіе женскаго вопроса до 19 вѣка и женскій вопросъ въ древности.—Христіанство и женщины.—Экономическое положеніе женщинъ.—Положеніе женщинъ въ духовной жизни.—Женщины въ эпоху Революціи.—II. Экономическая сторона женскаго вопроса.—Борьба за трудъ среди женщинъ буржуазіи.—Главные факторы буржуазнаго женскаго движенія.—Профессиональная дѣятельность женщинъ съ принципиальной точки зрѣнія.—Развитіе пролетарскаго женскаго труда.—Статистика женскаго пролетарскаго труда по послѣднимъ переписямъ.—Современное положеніе работницъ.—Женское рабочее движеніе.—Отношеніе буржуазнаго женскаго движенія къ движенію работницъ.—Соціально-политическое законодательство и его задачи.

Среди фламандскихъ рабочихъ. Ог. де Виннъ, перев. съ франц. З. Кочетковой. Цѣна 50 коп.

Историческій матеріализмъ и критическая философія. Сбор. *І. Давидова*. Ц. 1 р. 25 коп.

Содержаніе: Въмѣсто предисловія. Объ идеализмъ, маркизмъ и народничество.—Соціологическія основы историческаго матеріализма.—Идеалистическій и реалистическій моменты въ общественной философіи.—Мораль долга и идея автономной личности.

V. ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО.

Исторія французской литературы. XIX вѣкъ.

Проф. *І. Дансона*. Перев. съ франц. Ц. 1 руб.

Содержаніе: Вліяніе на литературу.—Политическое краснорѣчіе.—Госпожа де Сталь.—Шатобрианъ.—Эпоха романтизма.—Политическіе писатели и ораторы.—Романтический театр.—Романтический романъ.—Исторія.—Натурализмъ.—Публицисты и ораторы.—Критика.—Поэзія Виктора Гюго и Парнасъ.—Комедія.—Романъ.—Наука.—Исторія.—Мемуары.—Созидающая литература.—Примѣчанія.

Исторія французской литературы. XVIII вѣкъ.

Перев. съ франц. Ц. 1 р.

Содержаніе: Первые проявленія XVIII вѣка.—Общій взглядъ.—Предшественники и начинатели XVIII вѣка.—Форма искусства.—Поэзія.—Трагедія.—Комедія и драма.—Романъ.—Темпераменты и идеи.—Сен-Симонъ.—Молодость—Вольтера.—Монтескье.—Философская борьба.—Дидро.—Бюффонъ.—Фернейскій патріархъ.—Ж. Ж. Руссо.—Женитба Фигаро.—Французская литература и иностранцы.—Признаки и зародыши новаго искусства.—Бернарденъ де-Сенъ Пьеръ.—Признаки близкой перемѣны.—Возвращеніе къ античному искусству.

Исторія французской литературы. XVII вѣкъ.

Переводъ съ французскаго. Ц. 1 р.

Содержаніе: Подготовленіе образцовыхъ произведеній.—Малербъ. Отставшіе и сбившіеся съ пути.—Три создателя классицизма.—Французскій языкъ въ XVI стол.—Корнель.—Пакаль.—Писатели изъ общества.—Ларошфуко.—Ретцъ, м-мъ де-Севинье.—Буало-Депрео.—Мольеръ.—Расинъ.—Лафонтень.—Боссюэ и Бурдалу.—Сноръ древнихъ и новыхъ писателей.—Лабрюйеръ и Фенелонъ.—Примѣчанія.

Всѣ три выпуска рекомендованы для приобретенія въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, бібліотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Мин. Нар. Просв.

Очеркъ исторіи искусствъ. *М. Брекера* съ 46 рис. Переводъ съ нѣмецк. Ц. 1 р. 50 коп.

Содержаніе: Введеніе.—Древнѣйшее доклассическое искусство.—Искусство древне-классическое: Греческое искусство.—Римское искусство.—Средневѣковое искусство.—Древне-христіанское искусство.—Средневѣковая архитектура.—Средневѣковая пластика.—Живопись XIV и XV ст.—Италія въ средніе вѣка.—Искусство возрожденія.—Раннее возрожденіе.—Расцвѣтъ итальянской живописи эпохи Возрожденія.—Возрожденіе въ Германіи.—Архитектура „Барокко“.—Рококо.—Возрожденіе эллинскаго искусства въ XIX стол.—Живопись.—Пластика.—Архитектура.—Современное искусство.

Генрихъ Гейне и Людвигъ Берне. Характеристика *Георга Брандеса* Пер. съ нѣмец. Ц. 60 к. (съ 2 портр.).

Содержаніе: *Людвигъ Берне*: Политическая обстановка.—Вліяніе іюльской революціи на Берне.—Вліяніе Байрона на Берне.—Цѣнность литературы 1820—1838 гг.—Юношескіе годы Берне.—Берне, Менцель и Гетѣ.—Берне и Жаннета Воль. Письма изъ Парижа.—*Генрихъ Гейне*—Предисловіе.—Вліяніе іюльской революціи на Гейне.—Гейне и Гегель.—Молодость Гейне.—Книга пѣсенъ Гейне и Берне въ ихъ отношеніи къ партіямъ.—Послѣдніе годы Гейне.—„Мушка“.

Вопросы современной эстетики. Проф. *І. Фолькельта*. Перев. съ нѣмец. Ц. 75 к.

Содержаніе: Предисловіе.—Искусство и нравственность.—Искусство и подражаніе природѣ.—Міръ дѣйствительный и міръ искусства.—О стиляхъ въ искусствѣ.—Натурализмъ.—Задача современной эстетики.—Заключеніе.

«**Фаустъ**» *Гете*. Опытъ характеристики *Л. Шенелевича*. Проф. Харьков. Университета. Ц. 30 к.

Минувшій вѣкъ. Литературные очерки *П. Морозова*. 530 стр. Ц. 2 р.

Содержаніе: Изъ исторіи каррикатуры.—Русская литература XIX вѣка.—Изъ исторіи русской литературной критики Пушкина.—Потѣхинъ—Островскій.—Герценъ.

Фаустъ. Поэма Н. Ленау, пер. съ нѣмец. В. Анютина, съ предисл. *А. Луначарскаго*. „Философскія поэмы Н. Ленау“. Цѣна 80 к.

VI. ПЕДАГОГИКА.

Лондонскія школы и начальное образование въ Англии. П. *Мижужева*. Ц. 40 к.

I. Мировое значеніе Лондона и его роль въ дѣлѣ организаціи начального народнаго образованія въ Англии.—II. Оригинальныя особенности учрежденій по народному образованію въ Англии въ XIX вѣкѣ.—III. Первые шаги лондонскаго школьнаго комитета.—IV. Вопросъ о постройкѣ школьныхъ зданій.—V. Вопросъ объ обязательности начального образованія въ Англии и разрѣшеніе его въ Лондонѣ.—VI. Курсъ англійскихъ народныхъ школъ до организаціи школьныхъ комитетовъ 1870).—VII. Первые попытки лондонскаго школьнаго комитета расширить курсъ народныхъ школъ.—VIII. Взглядъ на прогрессъ лондонскихъ начальныхъ школъ за послѣднюю четверть вѣка.—IX. Финансы лондонскаго школьнаго комитета.—X. Что такое обыкновенная начальная школа въ Лондонѣ.—XI. Идеалы воспитанія и обученія въ школахъ для дѣтей младшаго возраста (материнскія школы). XII. Дополнительные народныя школы въ Лондонѣ.—XIII. Вечернія дополнительные школы.—XIV. Преподаваніе физики въ лондонскихъ начальныхъ школахъ.—XV. Обученіе поварскому искусству въ лондонскихъ народныхъ школахъ.—XVI. Народныя школы для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и слабоумныхъ.—XVII. Подготовка учителей для народныхъ школъ Лондона и всей Англии вообще.—XVIII. Общій взглядъ на прогрессъ народнаго образованія въ Лондонѣ и въ Англии.

Высшее женское образование и университеты. *Евгенія Дюринга*; съ прибавленіемъ главы объ основахъ самообразованія. Д. *Ройтмана*. Ц. 40 коп.

Содержаніе: Предисловіе. — Предѣлы задачи. — Вопросъ о способностяхъ. — Медицинская дѣятельность. — Высшая научная преподавательная профессія женщины. — Женское образованіе и современный университетскій строй. — Естественная подготовка къ главной практической цѣли. — Основы самообразованія и самообученія.

Очеркъ общей педагогики. *Теоб. Циллера*. Проф. Страсбургск. Универс., перев. съ нѣм. М. *Ефремовой*, подъ ред. М. *Лихарева*. Ц. 50 к.

Содержаніе: Введеніе.—I. Цѣль и мотивы воспитанія.—II. Дѣло воспитанія или средства воспитанія.—A. Физическое воспитаніе.—B. Умственное образованіе.—C. Во-

спитаніе чувствъ и воли.—Ш. Организація воспитанія.—
А. Кто долженъ воспитывать и кого слѣдуетъ воспитывать.—В. Школы и школьныя системы.

Германскіе университеты. *Фр. Паульсена.* Проф. Берл. унив. пер. съ нѣмец. Г. Гроссмана. Ц. 1 р. 50 к.

Книга I. Очеркъ историческаго развитія. Глава 1. Нѣмецкія университеты въ средніе вѣка 2. Развитіе нѣмецкихъ университетовъ въ новое время.

Книга II. Современное устройство университета и его отношеніе къ государству. Глава 1. Правовое положеніе университета и его отношеніе къ государству. 2. Отношеніе университета къ обществу. 3. Университетъ и церковь.

Книга III. Университетскіе преподаватели и университетское преподаваніе. Глава 1. Университетскіе преподаватели. 2. Университетское преподаваніе. 3. Свобода преподаванія.

Книга IV. Студенты и университетскія занятія. Глава 1. Моральныя факторы. 2. Планъ занятій и свобода ученія. 3. Задачи образованія и его вспомогательныя средства. 4. Экзамены. 5. Нѣкоторыя внѣшнія условія студенческой жизни

Книга V. Факультеты. Глава 1. Теологическіи факультетъ. 2. Юридическій факультетъ. 3. Медицинскій факультетъ. 4. Философскій факультетъ. 5. Единство университета.

VII. БЕЛЛЕТРИСТИКА и ПУБЛИЦИСТИКА.

Среди народа, романъ *П. Розенера,* съ нѣмец. пер. М. Чепинска. Ц. 40 коп.

Саранча, романъ *А. Грушецкаго,* съ польскаго пер. И. Леонтьевой Ц. 80 коп.

Милліонъ, рассказъ *А. Борецкаго,* Ц 25 коп.

Деревенскія впечатлѣнія. (Изъ записокъ земскаго статистика). *И. Бьлоконскаго,* т. II. Ц. 80 к.

Содержаніе: Реформаторъ.—„Нѣдры“.—Ночлегъ съ богомольцами.—Изъ-за процентовъ.—Въ 20 верстахъ отъ цивилизаціи.—Николаевскій солдатъ.—Переселенцы.—Накрыль.—Плода грѣховнаго вкусившіе.—Ея превосходительство и Его превосходительство.—„Деревня ѣдетъ“.—Подслушанный разговоръ.

Моя ненависть и др. политическіе, публицистическіе и литературные очерки *Эм. Зола*, перев. съ француз. подъ ред. С. Журавской. Ц. 1 р. 50 к. 473 стр. + X. съ портр. Зола.

Оглавленіе: *Моя ненависть*.—Глупость.—Чернила и кровь.—Прудонъ и Курбэ.—Пѣсни улицы и лѣса.—Викторъ Гюго и Литтрэ.—Жермини Ласертэ.—Эркманъ Шатрианъ.—Тѣнь, какъ художникъ.—Художественный моментъ.—Живопись.—Чувство дѣйствительности.—Индивидуальность языка.—Романъ передъ судомъ критики.—Описанія.—Человѣческія документы.—Братья Земганно-реалисты.—Римская премія для литераторовъ.—Ненависть къ литературѣ.—Порнографическая литература.—Безсиліе критики.—Памятникъ Бальзаку.—Альфонсъ Доднэ.—Натурализмъ.—Разводъ и литература.—Жаба.—Къ молодежи.—Литературная собственность.—Право романиста.—Партія негодующихъ.—Гамбета.—Пьяные рабы.—Экспериментальная политика.—Избранные и послитика.—Добродѣтель республики.— Въ защиту евреевъ.— Я обвиняю.

Періодическая печать на Западѣ. Сборникъ статей I. Очерки современной журналистики II. *Берлина*. II. Періодическая печать въ Германіи. *Г. Гроссмана*, III. Развитие печати въ Австріи. *П. Звездича*. IV. Очеркъ періодической печати въ Англіи. *Д. Сатурина*. V. Періодическая печать въ Италіи. *А. Лабриола*. VI. Періодическая печать во Франціи. *Е. Смирнова*. VII. Американская печать. *А. Гурвича*. Приложение: Очеркъ исторіи развитія періодической печати въ Англіи. *Э. Пименовой*. Ц. 1 р. 50 коп.

Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ и его письмахъ. И. Тенеромо. Ц. 60 коп.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Избранныя сочиненія Н. В. ГОГОЛЯ.

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Подъ редакціей Александра Острогорскаго.

Изданіе состоитъ изъ 2-хъ томовъ, въ 880 стр. большого формата, печатанныхъ крупнымъ, четкимъ шрифтомъ и на хорошей бѣлой бумагѣ. Къ изданію приложенъ портретъ Гоголя и біографическій очеркъ П. О. Морозова.

Цѣна за два тома 1 руб., въ перепл. 1 р. 75 к. и 2 р. за пересылку 50 к.

Допущено въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

Избранныя сочиненія

А. С. ПУШКИНА.

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Подъ редакціей П. О. Морозова,

редактора извѣстнаго, нынѣ распроданнаго, изданія „Литературнаго фонда“ сочиненій Пушкина.

Изданіе состоитъ изъ 2 томовъ въ 700 стр. большого формата, напечатанныхъ четкимъ шрифтомъ и на хорошей бумагѣ. Къ изданію приложенъ портретъ Пушкина.

Цѣна за два тома 1 руб., въ переплетѣ 1 р. 75 к. и 2 руб., за пересылку 50 коп.

Съ требованіями обращаться въ редакцію журнала
«Образованіе» (СПБ., Моховая, 33).
